ЛЕОНИД БАРКОВ

В ДЕБРЯХ АБВЕРА

ЛЕОНИД БАРКОВ

В ДЕБРЯХ АБВЕРА

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ» ТАЛЛИН

9(Э)
Б 25

Оформление УРМАСА ПЛООМИПУУ

1—6—5
ГЦ4—71—10

Эта книга — о деятельности германской разведки в Эстонии в годы буржуазной власти, а также в период Великой Отечественной войны.

В работе использованы документы высших командных инстанций вооруженных сил фашистской Германии, показания бывших руководящих деятелей фашистской разведки, отчеты СД, гестапо и других органов, а также советские и зарубежные литературные источники. Эти документы раскрывают действия гитлеровской разведки против нашей страны. Они свидетельствуют о полном банкротстве планов, направленных на порабощение советского народа, на уничтожение первого в мире социалистического государства.

ГЛАВА I | ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ГЕРМАНИИ В СОЮЗЕ С МИЛИТАРИЗМОМ И ФАШИЗМОМ

ОТ ШТИБЕРА ДО КАНАРИСА

Свои первые шаги германская разведка делала в период, предшествовавший франко-прусской войне 1870 года. Ее организатором был Штибер, тот самый Штибер, который был разоблачен еще К. Марксом как полицейский провокатор. Штибер сфабриковал материалы о так называемом немецко-французском заговоре в Париже, чтобы с помощью этой фальшивки скомпрометировать созданный Марксом и Энгельсом «Союз коммунистов». Маркс и Энгельс полностью разоблачили предъявленные Союзу обвинения и широко задуманный процесс над коммунистами в Кёльне провалился.[1] Но старания Штибера не остались незамеченными прусским юнкерством. Сам Бисмарк предложил ему стать во главе прусской разведки.

Провокатор и авантюрист по природе, Штибер стал создавать широкую сеть шпионов из людей с уголовным прошлым или скомпрометировавших себя иным образом. Американский журналист Р. Роуан в своей книге «Очерки секретной службы» дает очень меткую характеристику «заслуг» Штибера: «Именно Штибер сообщил современной секретной службе характер последовательной, преднамеренной жестокости как в военное, так и в мирное время. Зверства вооруженного нашествия, попирающие все принципы гуманности, Штибер перенес в секретную службу».[2]

Автор книги «Секретный корпус», бывший работник английской разведки Фердинанд Тохай, характеризует прусского обершпиона Штибера как субъекта, наделенного «всеми человеческими пороками». Штибер был организатором прусского шпионажа во Франции накануне франко-прусской войны 1870 года. Это он, как указывает Тохай, «заложил основы того шпионажа, который в настоящее время известен в наиболее гнусных видах». Для Штибера кампания 1870 года «была триумфом заранее рассчитанных низостей».[3]

В первые же дни франко-прусской войны агентура Штибера начала диверсии и саботаж в тылу французских войск. Взрывы мостов, отравления колодцев, акты террора против офицеров французской армии — все это должно было поддержать наступ-

ление немецких войск, дезорганизовать тылы французской армии, посеять панику среди мирного населения.

Накануне первой мировой войны сотни гувернанток, прислуг, швейцаров засылались германской разведкой в аристократические семьи Франции, России, Англии и других стран. Министры, генералы и посланники, не зная того, содержали германских агентов, которые знакомились у них с самыми секретными материалами. Для проведения шпионажа против России был создан специальный разведывательный орган «Центральное бюро по высшему руководству разведкой в России», оно возглавлялось германским генеральным штабом и действовало с использованием различных акционерных компаний, торговых фирм и предприятий.

Согласно условиям Версальского мирного договора деятельность германской военной разведки была запрещена, однако полковник Николаи, возглавлявший во время войны разведку, сумел скрыть от победителей все секретные документы, архивы, а также картотеку агентуры, и все это вскоре стало вновь использоваться в агрессивных планах германского империализма.

Версальский мирный договор позволял Германии иметь свои вооруженные силы — рейхсвер, — состоящие из сухопутной армии и военно-морского флота.[4] В 1919 году на правах отдела военного министерства Германии был создан немецкий военный разведывательный и контрразведывательный орган — Абвер. Официально Абвер значился контрразведывательным органом рейхсвера, но в действительности с самого возникновения он вел активную разведывательную работу против Советских республик, Франции, Англии, Польши, Чехословакии и других стран. Эта работа проводилась через абверштелле — звенья Абвера при штабах приграничных военных округов, через официальные германские дипломатические представительства и торговые фирмы за границей. Абверштелле военных округов проводили также и контрразведывательную работу.

Бывший первый руководитель Абвера генерал-майор Фриц Гемпп рассказал об этом следующее: «Дело в том, что разведка создавалась в нарушение Версальского мирного договора, причем, с одной стороны, это делалось под видом усиления контрразведки, а с другой — разведывательная служба действовала замаскированно. Генерал Ганс Сект дал мне указание замаскировать часть служб Абвера в промышленности и индустрии, что я и сделал. Эта работа, кстати, была начата еще до заключения договора. В этом направлении я вел переговоры с директором фирмы «Сименс и Гальске» и выяснил, что немецкие иностранные концерны к тому времени уже имели свою хозяйственную разведку, именовавшуюся «Дойче юберзее динст» (немецкая заморская служба), а также «Нунция», кото-

рые занимались промышленным шпионажем за границей. Первую возглавлял полковник в отставке Виденман, финансировал крупный промышленник Гугенберг, вторую — майор в отставке Ляменцан, финансировали два крупных металлургических предприятия. Мне удалось установить с этими органами деловые отношения и использовать их в своей работе. Не менее активно мы использовали и внешнеполитическую разведку министерства внутренних дел Германии, руководителем которой являлся Мюльайзен. Министерство финансов ежегодно отпускало нам несколько миллионов марок специально для финансирования разведки, но это, в связи с пребыванием в Берлине союзной комиссии, держалось в строгом секрете. Как шеф Абвера я поддерживал тесную связь по разведывательной работе с высшими полицейскими руководителями в Берлине, Касселе, Штуттгарте, Мюнхене, Гамбурге, Дрездене и других городах. Для более успешного ведения шпионажа против Востока, в том числе и против Советской России, нами были созданы вспомогательные отделения Абвера в городах Алленштайне, Мариенбурге и Гумбинене, входившие в Кенигсбергский филиал Абвера. Они осуществляли заброску агентуры в Польшу и Россию. После получения необходимых денежных средств и разработки детальной инструкции в части сбора информации я принял на работу ряд новых лиц. К 1927 году под моим руководством в рейхсвере была перестроена и контрразведывательная работа, причем штаты этой службы также значительно увеличились и обновились за счет молодых офицеров различных родов войск».

Вся разведывательная и контрразведывательная служба рейхсвера была сосредоточена в едином органе. Параллелизм в работе отдельных шпионских центров, характерный прежде для германской разведки, был ликвидирован. Если разведывательные службы сухопутной армии и военно-морского флота существовали ранее в общем-то независимо друг от друга, что порой мешало использовать одного и того же агента по различным линиям работы, то теперь таких препятствий не возникало. Разведывательная и контрразведывательная деятельность рейхсвера была централизована и оказалась в одних руках.

Щупальца разведки рейхсвера протягивались в то время к десяткам политических организаций, и одна из задач офицеров разведки заключалась, в частности, в том, чтобы ориентировать генералов в той путанице партий и политических групп, которая тогда существовала в Германии. Кстати, в качестве рядового секретного агента разведывательного подразделения баварской группы рейхсвера начал свою политическую карьеру в мае 1919 года и будущий фюрер Адольф Гитлер. Историки утверждают, что генерал-лейтенант Франц Ксавье Риттер фон Эпп был первым генералом, услышавшим имя Гитлера. Эпп занимал тогда пост командующего пехотой Мюнхенского военного округа и

вместе с командующим войсками округа генералом Лоссовым был одним из военных диктаторов Баварии. Штаб Лоссова—Эппа развил в те дни напряженную деятельность. В нем работали кадровые офицеры: капитан Франц Гальдер, прирожденный генштабист, капитан Эрнст Рем, майор Константин Гирль и капитан Карл Майр, специализировавшиеся на сборе информации о деятельности политических партий и групп. У Рема была большая агентурная сеть, снабжавшая его различной информацией. Учитывая пристрастие Рема к самым грязным кабакам, можно понять, что среди его агентов были лица с самым темным прошлым, в числе их и некий ефрейтор Адольф Гитлер, «потасканный и озлобленный юноша».[5]

Когда Гитлер сообщил Рему и Гирлю о небольшой группе некоего слесаря Антона Дрекслера, именовавшей себя национал-социалистской и ратовавшей за безусловное подчинение вождю, за уважение к рейхсверу, это заинтересовало генерала Эппа. Гитлеру поручили вступить в эту организацию, чтобы выяснить, кто стоит за ней и нельзя ли поставить ее под контроль рейхсвера. Гитлер отправился на очередное собрание и, вступив в нацистскую группу, получил членский билет № 7. Генерал Эпп обеспечил так называемой национал-социалистской рабочей партии Германии лояльное отношение баварских властей и откомандировал в партию своих уполномоченных, которые стали помогать Гитлеру развивать партию в нужном рейхсверу направлении. Как видно из списка личного состава НСДАП, осенью 1919 года из 193 ее членов 20% имели более или менее тесные связи с рейхсвером.[6] Вскоре генерал Эпп представил Гитлеру деньги на покупку газеты «Фёлькишер беобахтер». Этой газете предстояло стать рупором национал-социалистской партии Германии. Так началась политическая карьера агента армейской разведки Адольфа Гитлера, прочно связавшего свою судьбу с военщиной.

Гитлер был рабским приверженцем генерал-фельдмаршала и фактического главнокомандующего кайзеровской армией Эриха Людендорфа. Хотя Людендорф и не занимал официального поста в рейхсвере, к его словам прислушивались в самых разных кругах немецкой буржуазии.

Бывший руководитель военной разведки кайзеровской армии Вальтер Николаи так рассказывает о своей встрече с Гитлером: «Фельдмаршал Людендорф знал, что в своих произведениях и публичных выступлениях я всегда положительно отзывался о нем как об одном из руководителей германской армии в период первой мировой войны. Мне Людендорф представлялся олицетворением образа германского солдата, и мои симпатии к этому человеку были общеизвестны. Видимо, исходя из этого, Людендорф предложил мне встретиться и поговорить с Гитлером. Встреча с Гитлером состоялась у меня в Мюнхене на квартире

доктора Шойбнер-Рихтера, являвшегося доверенным лицом Людендорфа в 1923 году, незадолго до так называемого «пивного путча». Кроме окружения Людендорфа, там находились и другие представители национал-социалистского движения. Шойбнер-Рихтер пригласил тогда меня специально, чтобы представить мне Гитлера. При этом имелось в виду, чтобы я побеседовал с Гитлером как с руководителем национал-социалистского движения и высказал затем о нем собственное мнение. Содержание разговора, имевшего место между мною и Гитлером, я сейчас в деталях не помню. Могу лишь отметить, что в основном беседу вел Гитлер. Из этого разговора я сделал вывод, что Гитлер по своим убеждениям является крайним националистом, человеком хотя и с ограниченными способностями, но в то же время с весьма большими замыслами, могущими увлечь за собой толпу. Так как идеи национал-социализма охватили в 1923 году довольно значительные слои германского офицерства, Людендорфу я дал о Гитлере в общем-то положительную характеристику. Возможно, это обстоятельство и повлияло на согласие Людендорфа участвовать в нацистском путче 9 ноября 1923 года, который, однако, провалился, и Людендорф вместе с Гитлером оказались в тюрьме».

В период, когда Германия встала на путь форсированного вооружения своей новой армии в 1921 году, в Абвере были созданы отделы «Ост» и «Вест». Первый занимался шпионажем против стран, расположенных к востоку от границ Германии, а второй — против стран Западной Европы.

Абвер засылал агентуру и на ту часть территории Германии, которая была оккупирована войсками Англии и Франции. Эти агенты собирали сведения о дислокации войск, о моральном состоянии солдат и т. п. Одновременно было создано так называемое розыскное бюро, которое занималось сбором материалов о революционерах и прогрессивно мыслящих немцах Веймарской республики. При прямом участии разведки было организовано убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Одним из соучастников этого преступления был небезызвестный Канарис, к которому мы еще вернемся. Германская военщина расправилась с видными деятелями Веймарской республики Матиасом Эрцбергером, Вальтером Ратенау и другими. Монополистический капитал не оставлял надежд на осуществление своих захватнических планов. В этих целях он и прибег к услугам фашизма, который должен был расправиться со всеми передовыми силами внутри Германии и подготовить агрессию против народов Европы.

При этом военная разведка всегда шла впереди своего хозяина, устремляясь в те страны, которым предстояло стать очередной жертвой германского милитаризма. Руководители германской разведки первыми открыто выступили против мнения,

будто разведывательная деятельность — это удел военных офицеров. Для осуществления преступных планов нужны были подходящие люди. Поэтому германская разведка охотно пополняла свой агентурный аппарат за счет уголовников, деклассированных и продажных элементов.

Абвер возглавляли с 1919 года по 1927 год генерал-майор Гемпп, с 1928 по 1929 год — полковник Швантес, с 1929 по 1932 год — полковник Бредов, с 1932 года по 1934 год — вице-адмирал Патциг, с 1935 года по 1943 год — адмирал Канарис и с февраля по июль 1944 года — полковник Ганзен, затем Абвер был влит в состав РСХА (Главное управление имперской безопасности).

Бывший руководитель военной разведки времен первой мировой войны полковник Николаи после войны формально ушел в отставку и занялся мемуарами о своей разведывательной деятельности. Председатель комитета директоров концерна Круппа Альфред Гугенберг любезно предложил Николаи использовать для разбора своих архивов и в других целях принадлежащее ему помещение. Помимо литературной деятельности, Николаи как опытный разведчик постоянно оказывал различные услуги Абверу и лично Гитлеру. В 1939 году Николаи предложил Канарису вновь официально использовать его по линии военной разведки, но Канарис не хотел иметь в качестве подчиненного своего предшественника, и он отклонил просьбу Николаи, сославшись на его преклонный возраст.

Хотя труды полковника Николаи и были исходными в формировании воззрений самого Канариса, он пошел значительно дальше Николаи, а по ряду вопросов теории и практики разведывательной службы придерживался прямо противоположных взглядов.

Николаи видел свою задачу в использовании опытных агентов за рубежом и в вовлечении в шпионскую деятельность в пользу Германии иностранцев.

Канарис, не отвергая этого принципа, уделял основное внимание организации «пятой колонны» в чужих странах. Зачастую в нее включались целые группы немцев, всякого рода шовинистические, реакционные союзы и организации. «Пятые колонны» — типичное порождение фашистских методов разведки, и Канарис был одним из их создателей.

Полковник Николаи утверждал, что главная цель разведки — сбор шпионской информации. Канарис же стремился прежде всего овладеть рычагами активного политического воздействия на правительства чужих стран, создать агентуру в высших правительственных сферах и выдвинуть своих агентов на влиятельные посты в государстве. В агентурной сети адмирала Канариса числилось немало государственных деятелей стран-сателлитов фашистской Германии, да и не только их.[7]

Канарису принадлежит инициатива создания агентурного аппарата, основанного на деловых связях, которыми располагали крупные немецкие промышленные и финансовые кампании. Его знание обычаев и методов делового мира сберегло немецкой военной разведке значительные средства и силы: туда, где оперировали дельцы, Канарис редко посылал своих людей, ибо лично имел всю необходимую информацию от этих дельцов, благодаря установленным между ним и деловым миром соглашениям.

Далее, рекомендованный полковником Николаи саботаж входил в «классическую схему» построения германской разведки, но и здесь действия Канариса не укладывались в рамки старых традиций, а отличались масштабностью, диверсионной и террористической направленностью.

Шефом Абвера Канарис стал 1 января 1935 года, когда полным ходом шла форсированная военизация Германии. 16 марта 1935 года правительство Германии объявило об отказе признавать военные статьи Версальского договора. Новый военный закон предусматривал введение в стране всеобщей воинской повинности и развертывание 100-тысячного рейхсвера в вермахт, насчитывающий 36 дивизий, объединенных в 12 корпусов. В марте—мае того же года была принята новая структура вооруженных сил Германии. Согласно этой структуре вермахт подразделялся на три рода войск: сухопутную армию, флот и военно-воздушные силы. Восстанавливался генеральный штаб сухопутных сил. В системе вермахта Абвер под руководством Канариса продолжал оставаться единым разведывательным и контрразведывательным органом.

Гитлеровцы, конечно, и не помышляли ограничить численность вермахта 36 дивизиями. Уже осенью 1936 года эта цифра была превзойдена, а через год состав армии достиг 14 корпусов из 42 дивизий, из них 3 танковых и 4 моторизованных.[8]

Введение в Германии всеобщей воинской повинности явилось серьезным шагом по пути развязывания второй мировой войны. Немецко-фашистская армия стала самой сильной в Западной Европе, ее численность в два раза превосходила численность французской армии. Агрессивные планы против других государств, разработанные в Германии в 1935—1936 годах, стали основой, на которой развернулось затем порабощение гитлеровцами народов Европы. Над странами Европы, и прежде всего соседями Германии, уже в те годы нависла непосредственная угроза гитлеровской агрессии.

Выполняя волю руководителей фашистской Германии, Канарис взял курс на подготовку внезапных нападений, агрессивных походов, он готовил силы к оккупации целых стран, к борьбе против национально-освободительного и рабочего движения. Канарис понимал, что немецкие монополисты призвали Гитлера

к власти для вооруженного передела мира в своих интересах. И он полностью настроился на нацистскую волну: улавливая симптомы предстоящих событий, Канарис стремился как можно лучше подготовиться к осуществлению преступных гитлеровских планов. Гитлер был доволен своим выбором. Адмирал Канарис создал и предоставил в его распоряжение такую силу, без которой вряд ли были бы возможны «молниеносные» победы во время войны. Провокации, саботаж, шпионаж, террор — таково было оружие Абвера, и гитлеровский рейх умело пользовался им.

РАСЦВЕТ АБВЕРА

Фашистская Германия лихорадочно готовилась к войне. Гитлеровская военщина разрабатывала все новые и новые военно-стратегические планы. В этих планах особое место отводилось разведке. Чтобы выполнить возложенные на нее задачи, разведывательная служба соответственно приобретает тщательно разработанную организационную структуру. Эта структура чрезвычайно сложна и состоит из лабиринтов управлений, секций, отделов, подотделов, в которых к 1938 году работает уже более 15 тысяч официальных сотрудников. Разведка, однако, все продолжает расти.

Военная разведка Германии в период своего расцвета в 1938 году выполняла следующие основные функции:

1. Сбор данных о всех видах вооруженных сил и родов войск предполагаемого противника, о его военной промышленности, а также получение иной разведывательной информации.
2. Создание на территории противника агентурного аппарата, способного развернуть деятельность разведывательно-диверсионных групп в первые же часы военных действий.
3. Сокрытие и защита от утечки информации о военном потенциале своей страны от разведывательных служб противника, а также проведение контрразведывательных мероприятий в армии и на военных объектах.
4. Оценка полученных сведений и составление по ним соответствующих информационных документов.
5. Доведение информации до заинтересованных в ней лиц и органов вермахта.

Принадлежность к разведорганам открывала головокружительные перспективы перед офицерским составом армии. Развертывание запланированных мероприятий требовало подготовленных кадров. Опытные офицеры разведки ценились на вес золота. Повышения и выдвижения происходили непрерывно. Засидевшиеся в чинах в веймарские времена лейтенанты становились за год-два полковниками. Их признательность Гитлеру, который сделал для них это «чудо», нетрудно себе представить. Впрочем, не только разведчики, но и основной командный состав

вооруженных сил, и так уже давно идейно близкий национал-социализму, оказался насквозь проникнут нацистским духом.

До прихода Гитлера к власти порой возникали затруднения из-за того, что в правительственных учреждениях разведывательная служба занимала подчиненное положение. Полковник Николаи сетовал, например, что в германской императорской армии, «в которой высоко было развито чувство субординации», начальник разведывательной службы был «чином ниже всех остальных начальников в верховном командовании» — всего только майором. Всякий, кому известно, каким нерушимым институтом была в Германии субординация, знает, насколько малым влиянием пользовался и полковник. «Я должен обращать внимание на эти личные вопросы, — писал Николаи, — потому что они помогают понять те трудности, с которыми сталкивалась наша разведывательная служба в своей работе».[9]

Теперь подобные проблемы не возникали. Канарис пришел в Абвер с готовой программой действий, со своим пониманием задач разведки в тоталитарном государстве и в буржуазном обществе вообще, со своей концепцией о месте и роли разведывательной службы в жизни государств и народов. Долголетний сотрудник Канариса Леверкюн, автор книги о германской секретной службе в годы войны, пишет: «Канарис... был более чем номинальным главой Абвера. Абвер был порождением его взглядов и воплощением его личности... Не будет преувеличением сказать, что Абвер был Канарисом, а Канарис — Абвером».[10] После прихода Канариса Абвер стал весьма быстро разрастаться. Небольшой отдел вскоре превратился в огромное управление, один лишь центральный аппарат которого в 1938 году насчитывал около четырех тысяч сотрудников (всего в Абвере насчитывалось тогда более 15 тысяч человек). По числу служащих и по влиянию в системе рейха Абвер занимал место министерства.

В связи с переходом фашистской Германии к открытой подготовке агрессивной войны в 1938 году под руководством Канариса была произведена реорганизация Абвера, на базе которого было создано управление «Абвер—заграница» при штабе верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ). Перед этим управлением была поставлена задача организовать широкую разведывательную и подрывную работу против стран, на которые готовилась напасть фашистская Германия, особенно против Советского Союза.

В соответствии с этими задачами в управлении «Абвер—заграница» были образованы специальные подразделения (отделы): Абвер-1 — разведка; Абвер-2 — саботаж, диверсии, террор, восстания, разложение противника; Абвер-3 — контрразведка; Аусланд — иностранный отдел; ЦА — центральный отдел.

Абвер-1 состоял из пяти групп (подотделов) и пяти под-

групп, которые в свою очередь подразделялись на рефераты. Этот орган до конца 1943 года возглавлял опытный разведчик полковник Ганс Пиккенброк (впоследствии генерал-лейтенант, командир дивизии на советско-германском фронте), а после него, до середины 1944 года — полковник Ганзен.

Группа IX занималась сбором разведывательных материалов о сухопутных войсках иностранных армий. В нее входила подгруппа Ост (вела разведку сухопутных армий Советского Союза, Румынии, Болгарии, Турции, Ирана, Китая, Японии и других стран Ближнего и Дальнего Востока) и подгруппа Вест, производившая разведку сухопутных армий Англии, Франции, Америки и других стран. Группой IX долгое время руководил Кибард.

Группа I М (Марине — морской флот) собирала и обобщала разведывательные данные по военно-морским силам иностранных армий. До 1943 года ее начальником был Менцель, затем Пфейфер.

Группа I Л (Люфт — воздушный флот) вела разведку военно-воздушных сил иностранных армий. Ею руководил специалист ВВС и опытный разведчик Бреде.

Группа I ВИ (Виртшафт — экономика) собирала и обрабатывала разведывательные данные об экономическом положении почти всех стран мира. Особое внимание уделялось изучению сведений о запасах стратегического сырья, продукции, выпускаемой для военных нужд, состоянии оборонной промышленности. До 1943 года группой руководил доктор Блох, потом Фокке.

Группа I ТЛВ (Технише люфтваффен — техническое оснащение воздушного флота) собирала сведения об усовершенствованиях и изобретениях в области технического оснащения и вооружения авиации зарубежных стран. Эту группу возглавлял штабс-инженер авиации Гросскопф.

В составе разведотдела Абвер-1 было еще три подгруппы: I Т (техника) собирала разведывательные данные о техническом оснащении иностранных сухопутных армий; I И (Инланд — условное наименование) занималась подготовкой агентов-радистов, обеспечивала связь с закордонной агентурой, для чего имела близ Берлина мощную приемо-передаточную радиостанцию, проводила работу по радиоперехвату сообщений противника и снабжала радиоаппаратурой периферийные органы Абвера; I Г (Гехаймшрифтен—тайнопись) изготовляла печати, паспорта и другие документы для агентуры всех отделов и местных органов Абвера, конструировала специальную фотоаппаратуру, разрабатывала рецепты симпатических чернил (тайнописи).

Канарис неоднократно подчеркивал, что руководимая Пиккенброком разведывательная служба Абвер-1 была самой тон-

кой и точной из всех других, находившихся в его распоряжении служб Абвера. Работа в ней была организована таким образом, чтобы при максимальном эффекте свести опасность разоблачения агента до абсолютного минимума. Она поддерживалась на постоянном высоком уровне благодаря тому, что каждый ее сотрудник выполнял строго свои, специально и четко разработанные обязанности. Служба имела многочисленный и высококвалифицированный агентурный аппарат. Разработанный Пикенброком и его сотрудниками генеральный план шпионажа предусматривал мероприятия в масштабах всего земного шара и был так подробен, что рассматривал все стороны жизни конкретных стран. Но наиболее важной задачей являлось все же агентурное проникновение в вооруженные силы этих стран.

Самой неэтичной и беззаконной деятельностью, которой только может заниматься государство, если не считать неспровоцированную военную агрессию, была деятельность второго подразделения военной разведки фашистской Германии — Абвер-2. Этот отдел в системе Абвера был наиболее засекреченным. В его основные задачи входили:

1. Подготовка диверсионно-террористической агентуры и заброска ее в тыл противника.
2. Разработка и изготовление в специальных технических лабораториях индивидуальных средств диверсий и террора.
3. Организация диверсий, саботажа, террористических актов. Создание в странах противника специальных вооруженных отрядов из национальных меньшинств для подготовки восстаний в тылу.
4. Организация из национальных меньшинств и зарубежных немцев специальных воинских формирований для захвата в тылу противника важных сооружений и пунктов с целью их уничтожения или сохранения до подхода частей немецкой армии.

Руководителями отдела последовательно были полковник Гросскурт, генерал-майор Эрвин фон Лахузен, возглавлявший ранее австрийскую разведывательную службу, и полковник Фрейтаг фон Лорингофен.

Отдел состоял из пяти групп (подотделов), подразделявшихся на 15 самостоятельных рефератов.

Саботаж и диверсия как преднамеренное уничтожение важнейших сырьевых и промышленных объектов противника были относительно новым способом ведения войны. Но если саботаж и диверсия играли все же второстепенную роль в период первой мировой войны, то во время второй мировой войны и в предшествовавший ей период они приобрели огромный размах. Нацисты считали акты саботажа и диверсий вполне законными и заранее готовили для этого соответствующие кадры. Гитлер свою агрессию везде начинал с циничных диверсионно-террористических актов. Пытаясь оправдать нападение на Чехослова-

кию, Гитлер еще 18 апреля 1938 года серьезно обдумывал убийство агентами Абвера немецкого посла в Праге. В Судетской области по линии отдела Абвер-2 было завербовано значительное количество агентов, которые должны были содействовать фашистскому вторжению в Чехословакию путем осуществления диверсионных актов в широких масштабах. Обстановка в Судетах сложилась тогда, правда, таким образом, что полностью развернуть там диверсионную деятельность Абверу не пришлось, но Лахузен сохранил эти кадры и сформировал из них специальные диверсионные группы, которые использовались им и в других странах.

Интересна в этом отношении статья, написанная американским журналистом Отто Толишусом. Она дает возможность восстановить в памяти старшего поколения, как оценивались происходившие события, и познакомиться с теми взглядами, которые нашли широкое распространение в большинстве стран Запада в годы, когда опьяненный успехами Гитлер достиг наивысшего расцвета своего могущества. В те дни, когда Франция вслед за Польшей, Данией, Норвегией, Голландией, Бельгией и Люксембургом переживала трагедию, Отто Толишус писал: «Деятельность пятой колонны можно подразделить на два периода: мирное и военное время.

В условиях мирного времени одной из главных задач является развертывание пропаганды, которая по своему содержанию не всегда носит явно пронемецкий или откровенно пронацистский характер, а также сбор подробной информации о состоянии торговли, промышленности, политики и морального духа народа. Такая информация после сопоставления полученных в Берлине отдельных сообщений дает полное представление о всей жизни той или иной страны. К числу других обязанностей пятой колонны относятся систематическая слежка за видными государственными и политическими деятелями страны, самый беззастенчивый шпионаж, а главное — подготовка к «чрезвычайным обстоятельствам», вплоть до тренировки специальных отрядов для нанесения первого удара. В своей работе пятая колонна ловко использует все социальные, политические и моральные притязания или устремления различных недовольных элементов в стране; она старается создать у населения ложное чувство безопасности и вместе с тем подорвать обороноспособность страны и посеять внутри ее политические, классовые и расовые раздоры...

...В военное время деятельность пятой колонны проявилась с поразительной эффективностью, особенно в Польше, Норвегии и Голландии. Правда, для работы в условиях войны пятая колонна обычно усиливалась посылкой решительных людей из самой Германии; они прибывали в ту или иную страну, пользуясь самыми разнообразными благовидными предлогами, чаще

всего под видом туристов, спортсменов, торговых агентов и деятелей культуры, зачастую имея при себе в чемоданах военную форму. Подобные посланцы обычно берут на себя руководство заранее подготовленными силами из местных немецких поселенцев, которые в штатском платье или же в военной форме подвергающейся нападению страны захватывают важные объекты, оказывают поддержку отрядам парашютистов, развертывают шпионаж и диверсии в тылу, вносят замешательство в ряды армии и населения противника, распространяя ложные приказы и сообщения».[11]

Картина, нарисованная Толишусом, вполне совпадает с представлениями о деятельности гитлеровской пятой колонны в тех странах, которые одна за другой становились жертвами фашистской агрессии; это относится к Польше, нападение на которую было совершено в сентябре 1939 года, к Дании и Норвегии, захваченным в апреле 1940 года, к Голландии, Бельгии, Люксембургу и Франции, наступление против которых развернулось в мае 1940 года. Аналогичное представление сложилось и в Англии, США, в республиках Центральной и Южной Америки, на Балканах, а также и у нас в Советском Союзе, во всяком случае после того, как немецкие войска вероломно вторглись на нашу территорию.

Во время польской кампании 1939 года диверсионные группы отдела Абвер-2 оказали войскам немалые услуги — они овладели многими узлами связи и другими важными объектами за несколько часов до начала военных действий, а в ходе боев производили дезорганизацию тылов польской армии и даже захватили целый город. О «подвигах» диверсантов Абвера до объявления войны и во время ее ведения, подло обрушивавшихся на города соседних с Германией стран, убивавших детей, женщин и стариков, грабивших и поджигавших жилища мирных граждан, известно очень много.[12]

В начале фашистской агрессии Канарис получил возможность поставить перед Гитлером вопрос о создании в системе Абвер-2 собственных войсковых соединений. 15 октября 1939 года была образована «Учебная строительная рота № 800 для особых поручений», затем рота превратилась в батальон, полк и наконец в дивизию. По месту дислокации командных центров ее назвали дивизией «Бранденбург».

Диверсанты Абвера постоянно забрасывались в разные страны на всем протяжении второй мировой войны и даже в 1945 году, «без пяти минут двенадцать», как любили выражаться сами фашистские заправилы; диверсия и саботаж не исключались ими из общих усилий, направленных к достижению договоренности со странами антигитлеровской коалиции за спиной Советского Союза.

В обязанности следующего оперативного отдела Абвер-3

входила контрразведывательная работа в вооруженных силах фашистской Германии, в военно-административных и военно-хозяйственных учреждениях и на объектах оборонного значения. Руководил отделом до 1938 года полковник Бамлер, а затем генерал-лейтенант Бентивеньи, и с 1943 года — полковник Гайдрих.

Основные задачи отдела сводились к следующему:

1. Борьба с иностранными разведками, изучение форм и методов их работы. Дезинформация противника.
2. Обеспечение охраны военной и государственной тайны, ознакомление военнослужащих вермахта с методами работы иностранных разведок.

Отдел Абвер-3 состоял из десяти групп (подотделов), делившихся в свою очередь на множество подгрупп и рефератов.

Одной из ведущих групп этого отдела была группа 3 Ф, проводившая также активную контрразведывательную работу и за границей. Для этого в разведывательные органы противников внедрялась своя агентура. Группа изучала формы и методы разведывательной деятельности иностранных государств и издавала директивы по контрразведывательной работе для местных органов Абвера.

В тесном контакте с группой 3 Ф работала группа 3 У, занимавшаяся дезинформацией противника. Деятельность этой группы Канарис называл «игрой разведок». Речь шла о снабжении иностранных разведок фальшивыми сведениями, призванными ввести в заблуждение, направить по ложному следу, замаскировать агрессивные намерения гитлеровского рейха.

Кроме трех оперативных отделов, в Абвере были еще центральный отдел и иностранный отдел — Аусланд. Первый состоял из пяти отделений и занимался комплектованием Абвера кадрами, разрабатывал мобилизационные планы развертывания Абвера в военное время, вел картотеку и архивы. Отдел возглавлял сначала генерал-майор Остер, а после него — полковник Шрадер. Иностранный отдел занимался изучением экономики, внешней и внутренней политики иностранных государств, пользуясь сведениями, поступавшими от военных атташе, из министерства иностранных дел и других официальных учреждений. Отдел разрабатывал также вопросы взаимоотношений немецкой армии с зарубежными армиями, изучал материалы зарубежной печати и радио по военным вопросам, поддерживал связь и обслуживал прибывающих в Германию военных представителей других стран. Во внешнеполитических переговорах Аусланд представлял интересы вооруженных сил Германии. Отдел возглавлял адмирал Бюркнер.

Так был построен центральный аппарат германской военной разведки и контрразведки — Абвера. Структура эта сохранилась до июля 1944 года, когда управление «Абвер—заграница»

было расформировано. Большинство подразделений центрального аппарата, все абверштелле в военнных округах и фронтовые абверкоманды вошли в подчинение IV и VI управлений Главного управления имперской безопасности (Райхсзихерхайтсхауптамт — сокращенно РСХА) и во вновь созданное Военное управление (Милитеришес амт) РСХА. В системе вермахта осталась после реорганизации только часть подразделений бывшего отдела Абвер-3, на базе которых был создан новый отдел — «Шеф труппенабвер», занимавшийся контрразведывательной работой в частях немецкой армии. Начальником отдела был назначен полковник Мартини. Реорганизацию органов Абвера до конца войны полностью закончить так и не удалось, поэтому каких-либо существенных изменений в методах и форме немецкой военной разведки после ее подчинения РСХА не произошло.

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР В ДЕЙСТВИИ

Ряд авторов зачастую противоречат друг другу, особенно при изложении вопросов организации центрального аппарата и периферийных органов нацистской разведки. Некоторые из них считают наиболее видной фигурой главу заграничной организации немецкой нацистской партии Эрнста Вильгельма Боле, «который контролировал 99 процентов немцев за пределами Германии»,[13] а также располагал правом «непосредственного надзора» за министерством иностранных дел Германии.[14] По мнению других, главным организатором шпионажа в центре и на местах следовало признать руководителя Абвера Вильгельма Канариса, пользовавшегося «почти неограниченной властью».[15] Кое-кто считал, что подрывом государств накануне нападения на них нацистов занимался не кто иной, как Риббентроп, делавший это «при помощи подкупов, успокоительных речей, обольстительных женщин и экспортировавший в другие страны даже горничных и швейцаров для отелей».[16] Наконец, некоторые авторы считали необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что гитлеровцы заслали в другие страны в предвоенный период «свыше десяти тысяч хорошо подготовленных агентов и доверенных лиц».[17]

Как это видно из архивных документов, к 1939 году Канарис фактически взял верх над всеми своими соперниками. На протяжении ряда лет Абвер вторгался в области, не имеющие ничего общего с задачами военной разведки. Канарис превратил Абвер не только в орудие агрессии, но и в орудие укрепления кровавого «нового порядка». В компетенцию Абвера входила не только «тайная служба информации за границей», т. е. шпионаж, но и борьба со всеми организациями, угрожавшими нацистскому режиму, развертывание саботажа и диверсий,

выявление связей групп Сопротивления с иностранными разведками и т. д. Машина Абвера работала полным ходом, а фашистская теория разведки обернулась жестокой и кровавой практикой. Казалось, Абвер и вместе с ним Канарис достигли вершины власти.

Второй крупной разведывательной организацией фашистского рейха было Главное управление имперской безопасности Министерства внутренних дел, действовавшее под контролем имперского руководителя СС и шефа германской полиции от нацистской партии рейхсфюрера СС Гиммлера. РСХА возглавлял Гейдрих, а после его казни чешскими патриотами в 1942 году — обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер. В состав РСХА, помимо криминальной полиции и полиции порядка, входили: гестапо — государственная тайная полиция (гехаймештатсполицай), СД — служба безопасности (зихерхайтсдинст) и зарубежная служба СД во главе с небезызвестным бригаденфюрером СС Вальтером Шелленбергом, который после отстранения в конце 1944 года Канариса от работы в Абвере принял Абвер под свое руководство.[18]

О гестапо, свирепствовавшем в Германии, читатель достаточно наслышан. Что же касается СД, то о ней следует сказать подробнее.

Поначалу, до прихода Гитлера к власти, СД была разведывательной службой нацистской партии при охранных отрядах СС. После прихода Гитлера к власти фашисты превратили СД в государственную политическую разведку, которая держала под контролем буквально все области жизни немецкого народа, государственный и партийный аппарат, предприятия и учреждения, учебные заведения, науку и искусство. Не случайно деятельность СД именовалась лебенсгебитсарбайт — работа по областям жизни. Для вида ее называли «мозгом партии и государства», но фактически она была инструментом внутрипартийной и внешнеполитической разведки, не брезговавшей никакими методами для достижения своих целей. Ее организатор Гейдрих постоянно твердил: «надо знать о людях как можно больше». Для этой цели создавалась сеть информации, в которую входили агенты — A-Leute; доверенные люди — V-Leute; служащие — Z-Leute; осведомители — F-Leute и осведомители под сомнением — U-Leute. В каждом квартале были гласные этой службы, носившие форму СС, и перечисленные негласные представители СД.[19]

Эмиссары и агенты СД действовали и в иностранных государствах — под видом торговых представителей, корреспондентов газет и журналов, дипломатов. Они вели сугубо политический шпионаж и с помощью своей агентуры проникали в прогрессивные организации с целью их разложения, а также проводили другую подрывную деятельность.

В результате долгих споров и интриг Канарис и Гейдрих выработали специальное соглашение «О разделе сфер влияния», которое вошло в историю Абвера под названием «десяти заповедей». Именно из этих «заповедей» и явствует, что служба Абвера фактически взяла верх над своими соперниками из СД.

Вся военная информация, попадавшая в органы РСХА, должна была немедленно передаваться представителям Абвера для оценки и доклада начальнику генерального штаба немецкой армии. Канарис обещал Гейдриху, что его ведомство будет в дальнейшем заниматься лишь шпионажем и диверсиями военного порядка, однако он никогда не придерживался этого своего обещания. Разграничение функций существовало только на бумаге.[20]

Практическую разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу проводили периферийные органы Абвера — абверштелле (сокращенно АСТ), существовавшие при каждом военном округе Германии. Абверштелле подчинялись непосредственно управлению «Абвер—заграница». Свою работу они контактировали также с отделами I Ц штабов военных округов вермахта.

Абверштелле состояли из трех основных отделов: первого — разведка; второго — диверсия, террор, саботаж, разложение; третьего — контрразведка. Отделы подразделялись на рефераты по направлениям работы.

Все разведывательные данные абверштелле направляли в соответствующие отделы управления «Абвер—заграница», а также в отделы I Ц штабов военных округов.

В крупных городах дислоцировались местные отделения разведки и контрразведки — абвернебеншгелле. Их задачи соответствовали задачам абверштелле, в подчинении которых они находились. Структура их была одинаковой.

Филиалы местных органов Абвера — ауссеншгелле — создавались в предвоенный период также и в небольших городах, расположенных недалеко от границы и удобных для заброски агентуры. Основная их задача — разведка пограничной полосы сопредельных стран и борьба с агентурой противника. В армейских гарнизонах работали абвер-офицеры. Они проводили контрразведывательную работу в воинских частях, тыловых учреждениях и среди окружающего населения.

В годы войны абверштелле были созданы в странах-сателлитах Германии, а также на оккупированной территории при командующих оккупационными войсками тыловых округов. Они выявляли агентуру противника и лиц, враждебно относившихся к фашистской Германии, готовили агентов для фронтовых команд Абвера и вели борьбу с антифашистским и партизанским движением.

В 1937 году Канарис под прикрытием германских диплома-

тических представительств создал свои разведывательные подразделения, носившие условные наименования «Кригсорганизацион» (военная организация, сокращенно — КО).

КО функционировали в ряде нейтральных стран и странах-сателлитах Германии, с территории которых они вели разведывательную работу против явных и вероятных противников Германии. В нейтральных странах КО существовали нелегально. В соответствии с этим КО были созданы в Финляндии, Швеции, Румынии, Венгрии, Болгарии, Турции, Иране, Афганистане, Китае, Испании, Португалии, Швейцарии, Голландии и Бельгии.

Офицеры Абвера, руководившие деятельностью КО, числились в германских дипломатических представительствах помощниками военных атташе, вице-консулами, секретарями посольств или в числе вспомогательного персонала посольства. В зависимых от Германии странах КО существовали с ведома и согласия правительств и разведок этих стран. Так было в Финляндии, Болгарии. Румынии, Испании. В ходе войны некоторые военные организации были превращены в абверштелле или играли роль связующих звеньев между разведывательными органами этих стран и Абвером. Связь между разведывательными органами Эстонии, Латвии, Литвы и Абвером осуществляли специальные уполномоченные управления «Абвер—заграница».

Основные задачи военных организаций — КО, работавших против Советского Союза, — сбор разведывательных данных о военно-экономической мощи СССР. Эти задачи КО осуществляли: а) агентурными методами; б) при помощи разведывательных и полицейских органов зависимых от Германии стран, передававших информацию КО; в) опросом лиц, посещавших Советский Союз, а также националистов, бежавших из Прибалтики при восстановлении там в 1940 году Советской власти.

Сотрудники Абвера, руководившие деятельностью военных организаций, вербовали агентуру из русских белогвардейцев и участников всевозможных зарубежных антисоветских организаций, латышских, эстонских, украинских, кавказских и других буржуазных националистов. Они охотно добывали для Абвера шпионскую информацию.

Помимо этого руководители военных организаций приобретали агентуру в местных фашистских организациях, а также среди выходцев из Германии, проживавших в странах, где были созданы КО.

Для получения интересующих Абвер сведений агентуре поручалось устанавливать связь с сотрудниками советских представительств и с лицами, близкими к ним, с моряками советского торгового флота, с людьми, недавно прибывшими из Советского Союза или имевшими связи на территории СССР. В ряде городов и портов действовали постоянные резидентуры военных организаций, во главе которых стояли официальные сотрудники Абвера.

В своей деятельности КО подчинялись непосредственно управлению «Абвер—заграница».

После установления в 1939 году общей границы между Германией и СССР фашистская разведка еще более активизировала подрывную деятельность против Советского Союза. Шпионаж против СССР в это время активно вели «Абверштелле Кенигсберг», «Абверштелле Вена», «Абверштелле Краков» и «Кригсорганизацион Финланд». Эти органы создали на нашей границе сеть разведывательных пунктов, имевших свои шпионские резидентуры с агентами из числа белоэмигрантов и участников различных националистических организаций.

С конца 1939 года немецко-фашистская разведка значительно усилила подрывные акции против СССР. Количество заброшенных в нашу страну шпионов в 1940 году увеличилось по сравнению с 1939 годом почти в четыре раза.[21] Перед ними, как правило, ставилась задача получить сведения о дислокации и численности советских войск на западной границе, о расположении военных аэродромов, баз, складов оружия и боеприпасов, продовольствия, данные об оборонительных сооружениях и т. п.[22] Агенты вербовались из числа буржуазных националистов, участников белоэмигрантских организаций различного толка, использовалась также агентура буржуазных государств в Прибалтике.

Кроме шпионов, нелегально перебрасывавшихся через государственную границу СССР, немецкая разведка пыталась получать нужную ей информацию через своих официальных сотрудников, входивших в состав комиссии по определению линии советско-германской границы и переселению немцев, проживавших в западных областях Украины, Белоруссии, а также Прибалтики, на территорию Германии. Абвер прибегал также и к помощи авиационной разведки и радиоразведывательной службы, занимавшейся перехватом переговоров и радио.

После того, как был окончательно решен вопрос о сроках нападения на СССР, разведывательная служба Германии начала забрасывать на территорию СССР вооруженные шпионско-диверсионные группы. Им было приказано организовывать диверсии на военных и промышленных объектах, узлах связи, железнодорожном и водном транспорте, вести антисоветскую пропаганду среди местного населения, совершать террористические акты против советских и партийных работников и командиров Красной Армии. С сентября 1940 года Абвер начал осуществлять и другие меры, цель которых, с одной стороны, заключалась в том, чтобы ввести в заблуждение советскую разведку относительно действительных намерений фашистской Германии, а с другой — организованно подготовить разведывательный аппарат к войне с Советским Союзом.

Рамки нашей работы не позволяют показать в полном

объеме все периферийные органы немецкой военной разведки, проводившие подрывную работу против СССР, поэтому мы остановимся лишь на «Абверштелле Кенигсберг» и «Кригсорганизацион Финланд», деятельность которых имела место и в Эстонии.

Восточную Пруссию немцы издавна использовали как базу для ведения разведки против царской России. После поражения Германии в империалистической войне в Кенигсберге на основе старой кайзеровской разведки был создан новый разведывательный орган — «Абверштеллле Остпройссен», который был нацелен на подрывную работу против молодой Советской республики и Прибалтийских стран. С приходом к власти Гитлера «Абверштелле Остпройссен» был значительно укреплен и преобразован в «Абверштелле Кенигсберг», ставший вскоре крупнейшим центром германского военного шпионажа против Советского Союза. «Абверштелле Кенигсберг», кроме того, вел разведывательную работу в Польше, Литве, Латвии и Эстонии. Этот орган состоял из трех отделов — разведывательного, диверсионного и контрразведывательного, в свою очередь делившихся на группы и рефераты. Он располагался в Кенигсберге по улице Кранцеаллее, 40.

До сентября 1939 года «Абверштелле Кенигсберг» возглавлял майор фон Даванц, затем до марта 1942 года — полковник Кип, а после него полковник Ноцни.

Разведывательную информацию о Советском Союзе «Абверштелле Кенигсберг» получал как от своей агентуры, забрасываемой на территорию СССР, так и от агентуры, действовавшей в сопредельных странах. В этом направлении активно использовались немецкие переселенцы из Прибалтики. В составе переселенческих комиссий в Литве, Латвии и Эстонии находились сотрудники «Абверштелле Кенигсберг», активно занимавшиеся созданием специальных резидентур Абвера на случай войны. В этот же период активно использовались в сборе информации об СССР существовавшие в Эстонии, Латвии и Литве националистические организации, полицейские органы и военные разведывательные службы этих стран.

Офицеры Абвера проводили массовый опрос прибывающих в Восточную Пруссию переселенцев и лиц, бежавших туда из Прибалтики при восстановлении в Латвии, Литве и Эстонии в 1940 году Советской власти.

В Кенигсберге, по улице Штейндамм, 44, функционировала конспиративная квартира Абвера, содержала ее владелица пансионата Данти Лана. Здесь было место явок действовавшей агентуры, прибывавшей из Прибалтийских стран и Советского Союза. Сюда под видом частных писем направлялись зашифрованные шпионские донесения.

«Абверштелле Кенигсберг» имел в местечке Гроссмишель,

в 10 километрах от Кенигсберга, школу по подготовке разведывательно-диверсионной агентуры, где обучались шпионы из числа русских белогвардейцев и прибалтийских националистов, предназначавшиеся для заброски в СССР. В школе обучалось около 100 человек. Программа была рассчитана на три недели обучения. Кстати, подобные школы были организованы и в других абверштелле.[23]

В подчинении «Абверштелле Кенигсберг» находились его филиалы «Абвернебенштелле Инстербург», «Абвернебенштелле Летцен», «Абвернебенштелле Эльбинг» и «Абвернебенштелле Варшава».

Для связи со своими периферийными органами и Берлином «Абверштелле Кенигсберг» имел радиостанцию в местечке Нойгоф, близ Кенигсберга.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз «Абверштелле Кенигсберг» был реорганизован. Основной оперативный состав органа был направлен на укомплектование абверкоманд и абвергрупп 3-й танковой, 9-й, 11-й и 18-й германских армий.

Что же касается такого разведывательного органа, как «Кригсорганизацион Финланд», или КОФ, условно называвшийся «Бюро Целлариуса», то этот орган был создан Абвером с согласия финской разведки в середине 1939 года и подчинялся управлению «Абвер—заграница».

Руководитель Абвера адмирал Канарис и его ближайшие помощники Пиккенброк и Бентивеньи начиная с 1936 года неоднократно встречались в Финляндии и Германии с руководителями финской разведки полковниками Свенсоном и Меландером. На этих встречах коллеги обменивались разведывательной информацией и разрабатывали совместные планы шпионажа в Советском Союзе.

В задачу военной организации, скрывавшейся под вывеской «Бюро Целлариуса», входил сбор данных о советском Балтийском флоте, частях Ленинградского военного округа и, в частности, о частях, находившихся в Эстонии. Эту шпионскую деятельность возглавлял сотрудник Абвера фрегат-капитан Целлариус. Его резидентами в Хельсинки являлись бывший генерал царской армии Добровольский, бывшие царские офицеры Пушкарев, Алексеев, Соколов, Батуев, прибалтийские немцы Майснер, Мансдорф, эстонские буржуазные националисты Веллер, Кург, Хорн, Кристьян и другие.

На территории Финляндии Целлариус имел среди различных слоев населения страны широкую агентурную сеть. В специальные разведывательно-диверсионные группы Целлариус вербовал осевших в Финляндии русских белоэмигрантов, бежавших из Эстонии националистов и прибалтийских немцев. На враждебной деятельности таких групп мы остановимся особо.

В непосредственном подчинении Целлариуса находилось отделение немецкой разведки при ставке Маннергейма в городе Миккели, условно называвшейся группой «Берта». Представители этой группы находились также и на севере Финляндии.

До декабря 1941 года «Кригсорганизацион Финланд» («Бюро Целлариуса») находился в Хельсинки по улице Ленротинкату, 23—13, затем на Магазинкату, 9 и на улице Идакайваннуйсто, напротив здания бывшего английского посольства.

Бывший начальник управления «Абвер—заграница» генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк на допросе 25 февраля 1946 года сообщил следующие сведения о деятельности «Кригсорганизацион Финланд»: «Руководителем «Кригсорганизацион Финланд» являлся фрегат-капитан (капитан первого ранга) Целлариус, проводивший разведывательную деятельность против Советского Союза под прикрытием германского посольства в Финляндии. С финской разведкой у нас давно существовало тесное взаимодействие, еще до моего прихода в Абвер в 1936 году. В порядке обмена разведывательными данными мы систематически получали от финнов сведения о дислокации и численности Красной Армии.

В июне 1937 года я впервые посетил Финляндию с адмиралом Канарисом и начальником отдела Абвер-1 штаба сухопутных сил «Ост» майором Шольцем. Нами совместно с финской разведкой было произведено сравнение и обмен разведывательными сведениями о Советском Союзе. Одновременно мы передали финнам вопросник о Советском Союзе с просьбой собрать разведывательные сведения и ответить по пунктам этого вопросника. Нас интересовала, главным образом, дислокация частей Красной Армии, военной промышленности, в особенности в районе Ленинграда. Во время этого посещения мы имели деловые встречи и беседы с германским послом в Финляндии фон Блюхером и германским военным атташе генерал-майором Россингом.

В июне 1938 года я посетил Финляндию вместе с Канарисом и начальником отдела Абвер-1 по линии морского флота корвет-тен-капитаном Ерлем. На этот раз я и Канарис были приняты финским военным министром, который выразил удовлетворение по поводу сотрудничества Канариса с начальником финской разведки полковником Свенсоном. В третий раз я был в Финляндии с адмиралом Канарисом и капитаном I ранга Менцелем (преемник капитана Ерля) в июне 1939 года. В то время вместо Свенсона начальником финской разведки был полковник Меландер. Переговоры протекали в тех же рамках, что и предыдущие. Последний раз я был в Финляндии зимой 1941—1942 года вместе с адмиралом Канарисом и начальником контрразведки Абвер-III Бентивеньи с целью проверки деятельности и оказания практической помощи «КО Финляндия», а также для

разрешения вопросов рабочего сотрудничества между «КО Финляндия» и финской разведкой.

Совместно с Меландером были установлены границы деятельности Целлариуса, а именно — он получил право самостоятельно вербовать агентуру в Финляндии и перебрасывать ее через линию фронта. В этом вопросе имело место тесное сотрудничество между Целлариусом и Меландером. Затем мы вместе с Меландером отправились в город Миккели, в ставку маршала Маннергейма, который имел желание переговорить с Канарисом. На приеме у маршала Маннергейма Канарис был вместе с начальником германской военной миссии в Финляндии — генералом от инфантерии Эрфуртом».

Из имеющихся в нашем распоряжении материалов видно, что верховное командование гитлеровских вооруженных сил еще перед войной направило наиболее опытных разведчиков и значительные технические средства в разведывательные органы, придававшиеся группам армий и армиям, которые должны были действовать на Восточном фронте. Еще в предвоенные годы были созданы разведывательные школы в Германии и Австрии и разработаны планы по их размещению на территории СССР, формировались специальные группы для работы на Восточном фронте и разведывательный орган «Штаб Вилли» для координации подрывных действий против СССР; были укомплектованы диверсионные отряды для заброски на территорию СССР с началом военных действий; были установлены тесные связи с руководителями белоэмигрантских и националистических организаций в Европе с целью использования их членов в подрывной деятельности против СССР; приняты меры для укрепления контактов с разведывательными службами ряда стран, в особенности — сателлитов фашистской Германии. Развязав в сентябре 1939 года агрессивную войну, гитлеровцы стали еще более активно использовать свой разведывательный аппарат для обеспечения успеха боевых операций своих войск и сбора необходимой информации о Советском Союзе.

Итак, период между двумя мировыми войнами явился свидетелем бурного роста германской разведывательной службы и усложнения ее внутренней структуры. Разведывательная служба стала в руках Гитлера главным его орудием в зондировании почвы и интригах за границей для подготовки и осуществления экспансии за пределы собственной страны. Но мы слишком отклонились бы от основной темы, занявшись описанием всех перипетий и направлений деятельности нацистской разведки в этот период. Шпионаж германского империализма не знает границ. Он живет и развивается в своем собственном мире, переходит из войны в войну, из поколения в поколение. И с каждым новым этапом растут его хитрость и насилие, пока наконец он не выступит из своих берегов, сея смерть и разрушение.

ГЛАВА II | ПРОИСКИ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЭСТОНИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. ПЛОДЫ НЕЧЕСТИВОГО СОЮЗА

Победа фашизма в Германии была тяжелым ударом не только для немецких трудящихся. Она воодушевила силы реакции в целом ряде других стран и толкнула ее на попытки захватить власть. Нацистский мятеж в Австрии в июле 1934 года, попытка захвата власти фашистами во Франции в феврале 1934 года, активизация национал-социалистского движения в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Югославии, Бельгии, Голландии, Литве, Латвии и других странах свидетельствовали о тесной внутренней связи между всеми этими процессами. После того, как Гитлер 30 января 1933 года занял пост канцлера Германии, нацистские организации были сформированы почти во всех европейских, да и не только европейских, странах.[1]

В Эстонии соперничавшая с открытой агентурой германского империализма — партией вапсов — буржуазно-националистическая группа Пятса—Лайдонера не намерена была отказаться от главенствующей роли в фашизации государственного аппарата. 12 марта 1934 года Пятс и Лайдонер совершили государственный переворот. Основным курсом политики правительства Эстонии с марта 1934 года стала последовательная фашизация политической и общественной жизни страны и неуклонное сближение с гитлеровской Германией. Так как переход к фашистской диктатуре был общей целью всех группировок буржуазии, а их разногласия между собой касались лишь третьестепенных вопросов, то действия Пятса и Лайдонера не встретили никакого сопротивления со стороны других буржуазных партий. После ряда уступок фашистской Германии правительство Эстонии оказалось в тесной зависимости от гитлеровского режима.

В 1939 году сближение Эстонии с гитлеровской Германией привело к полной зависимости эстонского буржуазного правительства от национал-социалистского режима. Это нашло свое отражение во внешней политике эстонского правительства и в экономической жизни страны. Влияние гитлеровской Германии отразилось на всех отраслях жизни государства.

Антинародная сущность эстонской буржуазии особенно наглядно проявилась в ходе важнейших международных событий

1939 года. 28 марта 1939 года Советское правительство направило правительству Эстонии ноту, в которой заявило, что оно отрицательно относится к возможности нарушения суверенитета Эстонии и готово защищать этот суверенитет, но эстонское правительство отклонило предложенную помощь.

Игнорируя конкретные предложения Советского правительства об обуздании фашистского агрессора, правительство Эстонии 7 июня 1939 года заключило с Германией пакт о ненападении. Заключение этого пакта газета «The News Review» комментировала: «Нацисты уже рассматривают Эстонию как государство, которое политически и экономически в их руках».[2] В 1939 году между Эстонией и Германией был заключен ряд торговых договоров и других соглашений, которые завершили сдвиг в сторону Германии, начавшийся еще в 1934 году.

У президента Эстонии Пятса сложились довольно дружеские отношения с послом фашистской Германии Фроовейном, руководящими работниками Министерства иностранных дел Германии Дернбергом, Штреттером и другими нацистами. В Эстонии неоднократно бывал руководитель германской военной разведки и контрразведки адмирал Фридрих Вильгельм Канарис, его заместитель по разведке генерал Ганс Пиккенброк, начальник контрразведки генерал Франц Бентивеньи, начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Франц Гальдер и другие фашистские деятели. Между ними и правительством буржуазной Эстонии постоянно велись секретные переговоры, направленные в своей основе на подготовку агрессии против Советского Союза. О характере этих переговоров сохранились многочисленные архивные материалы, в том числе документы внешней политики Великобритании, опубликованные в Лондоне в 1953 году.[3]

Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистские заправилы заранее нацелили свои разведывательные органы на сбор необходимой информации, подготовку различных шпионско-диверсионных групп и заброску их на территорию Советского Союза. В этих целях активно использовалась близость Эстонии к Советскому Союзу и возможности генерального штаба эстонской буржуазной армии. Из анализа многочисленных архивных документов и литературных источников видно, что второй разведывательный отдел генерального штаба эстонской буржуазной армии, во главе которого стояли полковник Маазинг и полковник Саарсен, фактически стал филиалом немецко-фашистской разведки в Эстонии. Бывший начальник германской военной разведки генерал-лейтенант Пиккенброк, находясь в советском плену, в 1946 году сообщил, что генеральный штаб буржуазной Эстонии и специальные службы Финляндии были в предвоенные годы основными источниками разведывательной информации о советских вооруженных силах.

В июне 1939 года с разрешения Пятса и Лайдонера руководство немецкой военной разведки учредило при генштабе эстонской буржуазной армии специальную должность офицера связи, назначив на нее специалиста по Прибалтике капитана Целлариуса.[4] Совместная работа эстонской и немецкой военных разведок была направлена исключительно против Советского Союза. Немалую помощь гитлеровцам в этом плане оказали также органы политической полиции буржуазной Эстонии. Исследованные материалы о деятельности охранки показывают, что вскоре после прихода в Германии к власти нацистов начальник эстонской политической полиции Сооман с ведома правительства установил связь с немецкой разведкой и предоставил ей возможность проводить с территории Эстонии шпионскую деятельность против Советского Союза. В своем угодничестве перед нацистами работники политической полиции Эстонии оказались самыми активными сообщниками германского фашизма. Гитлеровцы активно использовали в Эстонии ирредентистские настроения немецкого национального меньшинства. Как свидетельствуют архивные материалы, нацизм стал распространяться среди проживавших в Эстонии выходцев из Германии еще задолго до того, как он одержал там полную победу. С приходом Гитлера к власти многочисленные организации немецкого меньшинства в Эстонии стали превращаться в проводников нацистской агрессивной политики. Действовали они в контакте с местными фашистскими организациями.

Во время буржуазной власти в Эстонии проживало около 20 тысяч человек немецкой национальности. Существовало более 100 немецких так называемых культурных, благотворительных и прочих обществ и союзов, к которым примыкало подавляющее большинство проживавших здесь немцев. Эти общества и союзы действовали по директивам и распоряжением, поступавшим из Германии. Их деятельность была направлена на укрепление влияния в Эстонии германского фашизма. Через организации немецкого национального меньшинства нацисты, извращая факты прошлого, пытались доказать «заслуги» немецких завоевателей в Прибалтике и обосновать их «права» на Прибалтийские страны в будущем. Особую активность проявила фашистская организация «Балтийское братство». Из активных деятелей этой организации вышел один из идеологов нацизма Альфред Розенберг, в свое время проживавший в Таллине. Внедрением в Эстонии нацистской идеологии занимались Георг Адельхейм, Вальтер Мюлен, Эрнст Туурманн, Теодор Тавбе, Эдуард Штакельберг, Андрей Юкскюль, Борис Мейснер, Георг фон Раух и многие другие. Конкретные факты враждебных происков нацистов с использованием проживавших в Эстонии выходцев из Германии и местных фашистов имели место вплоть до начала второй мировой войны.

Особое место отводилось созданному из участников антисоветской интервенции «Союзу ветеранов освободительной войны», превратившемуся в 1930 году в фашистскую партию вапсов. Различные источники разоблачают эту партию как пятую колонну фашистской Германии, а ее главарей Сирка, Ларка, Мяэ и других — как прямых гитлеровских агентов, находившихся в связи с гитлеровцами на всех этапах движения вапсов с момента его возникновения вплоть до неудавшегося переворота 8 декабря 1935 года и слияния вапсов после этого с другими националистическими организациями пятсовского режима. Рука об руку с вапсами действовали проживавшие в Эстонии русские белоэмигранты. После прихода Гитлера к власти значительно активизировали свою деятельность и русские фашистские элементы. Они приступили к фашизации всех сторон общественной жизни русской колонии. По заданию гитлеровской разведки белогвардейцы стали предпринимать меры к образованию в Эстонии русской национал-социалистской партии. В числе многочисленных немецких агентов длительное время в Эстонии действовала резидентура бывшего полковника царской армии Бориса Энгельгардта, который выполнял здесь шпионские задания видных нацистов Константина фон Нейрата и Франца фон Папена.

Вся двадцатилетняя история существования эстонского буржуазного государства показывает, что эстонская буржуазия как руководящая сила этого государства была не в состоянии защитить национальные интересы эстонского народа на международной арене. На каждом шагу буржуазия приносила национальные интересы в жертву своим узко классовым интересам и антисоветским целям западных империалистов. Такая линия внешней политики эстонской буржуазии вытекала из ее реакционной внутренней политики и непрочного положения господствующих классов, из страха перед трудящимися и растущим могуществом и авторитетом Советского Союза.

Острие внешней политики правительства буржуазной Эстонии постоянно было направлено против Советского Союза. Яркой иллюстрацией антисоветской сущности внешней политики правительства Эстонии является экономическое, политическое и военное сближение Эстонии в предвоенные годы с гитлеровской Германией. Эта политика во всем шла навстречу притязаниям нацистов, пытаясь сотрудничать лишь на условиях, которые были бы максимально выгодны эстонской буржуазии. Произошла переориентация на гитлеровскую Германию не только генерального штаба эстонской буржуазной армии, но и в сущности всего государственного аппарата Эстонии.

Победа социалистической революции и восстановление в Эстонии в 1940 году Советской власти сорвали планы поджигателей войны превратить ее территорию в стратегический

плацдарм для наступления на Советский Союз. Эстонская правящая верхушка оказалась лишена той поддержки, на которой базировались ее антисоветские планы. Но мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз.

Нападение фашистов на нашу страну вызвало активизацию антигосударственной деятельности классово враждебных элементов. Кулачество, часть офицерства бывшей эстонской буржуазной армии, реакционное духовенство и прочие представители «обиженных» Советской властью эксплуататорских классов связывали с нападением фашистской Германии на Советский Союз свои мечты о реставрации буржуазного строя в Эстонии. Эстонской буржуазии удалось объединить значительную часть своих сил, которые с помощью забрасываемых гитлеровцами парашютистов и ранее подготовленной ими агентуры создали националистические банды и развернули антинародную деятельность. Бандитизм принял в Эстонии довольно широкие размеры. Сгруппировавшиеся в банды местные фашисты сразу обнажили свой предательский облик. Они скрывались в лесах и по-разбойничьи нападали на советских воинов, убивали советских патриотов, мирных жителей, не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. В местах, где бандитам удалось захватить власть, они производили массовые аресты советских людей и устраивали над ними самосуд. В октябре 1941 года немецко-фашистские войска захватили всю территорию Эстонии. Для эстонского народа наступили мрачные годы кровавого фашистского террора. Установлению в Эстонии террористического режима и развязыванию дикого произвола по отношению к местному населению способствовало то, что в лице враждебных советскому строю буржуазных националистов гитлеровцы нашли верных подручных в проведении политики грабежа и насилия. Чинимый участниками националистического подполья еще до захвата Эстонии немецко-фашистскими войсками террор показал, что буржуазные националисты были вполне пригодны для этого. Физическое истребление прогрессивных сил народа подготавливалось ими заблаговременно. Планомерная расправа над советскими патриотами была отложена лишь до подходящего момента. Оккупанты развязали националистам руки, и те принялись с особым рвением и жестокостью сводить свои классовые счеты.

ГИТЛЕРОВСКАЯ РАЗВЕДКА В РОЛИ ХОЗЯИНА И НАСТАВНИКА

Главари фашистской Германии внимательно следили не только за военной, но и за политической обстановкой во всех соседних с Германией странах.

Конечная цель разведывательной службы заключалась в предоставлении Гитлеру как верховному главнокомандующему необходимых разведывательных данных об иностранных армиях и намерениях правительств зарубежных стран для того, чтобы он мог, исходя из полученных сведений, планировать свою агрессивную политику. Политическая разведка являлась высшей формой разведывательной деятельности Абвера. Ступенью ниже стояла стратегическая разведка, целью которой было помочь главному командованию сухопутных войск, главному командованию военно-воздушных сил и главному командованию военно-морских сил при составлении стратегических планов и проведении в жизнь военной политики. Следующее звено составляло то, что называлось оперативной разведкой. Термин этот применялся для обозначения всего, что находилось между стратегией и тактикой, точнее, в целях выражения координации ряда разведывательных ходов, предпринятых для достижения общей цели. И наконец, на самой последней ступени находилась тактическая разведка, собиравшая конкретную информацию о событиях местного значения для использования ее различными военными инстанциями вермахта.

Уместно будет отметить, что строгое различие между отдельными видами разведки существовало лишь на бумаге. На деле же каждый вид разведки вносил свой особый вклад в разведывательную деятельность Абвера в целом. В совокупности все виды разведывательной информации служили целям нацистской агрессивной политики в той же самой мере, в какой эта политика находилась в зависимости от разведывательной информации. Перед лицом тесной связи между нацистской политикой и разведкой только полное равновесие между ними практически могло обеспечить агрессивные планы гитлеризма.

Одним из планов германской разведки предусматривалось превращение германских эмигрантов в различных странах мира, в том числе и в Прибалтике, в секретное орудие фашистской военной агрессии. Но нацистской разведке удалось вовлечь в свой заговор в качестве союзников и сторонников не только германских эмигрантов, но и все фашистские и профашистские элементы зарубежных стран. Союз гитлеровской разведки с силами реакции и объясняет внезапное появление в целом ряде стран нацистских пятых колонн, стремившихся методами предательства, террора и пропаганды навязать своим народам прогерманские фашистские режимы.

В буржуазной Эстонии разведывательная служба фашистской Германии действовала в следующих направлениях: 1) обеспечивала свое правительство информацией о КБФ и тех районах Ленинградской и Псковской областей, которые были намечены в качестве объектов подрывной деятельности с территории Эстонии; 2) проникала в важнейшие звенья правительственного

аппарата, армии и полиции буржуазной Эстонии; 3) взяла под свой контроль и использовала для сбора информации о Советском Союзе проживавших в Эстонии выходцев из Германии и существовавшие здесь белогвардейские организации; 4) оказывала поддержку политической полиции и разведотделу армии в организации борьбы против революционного движения, способствуя тем самым защите и укреплению режима Пятса—Лайдонера.

Рассмотрим теперь, как практически была организована и проводилась эта шпионская деятельность фашистской разведки в Эстонии в предвоенные годы.

Поскольку разведывательная служба Германии в период с 1919 по 1934 год действовала в Эстонии довольно активно, то к моменту введения в марте—мае 1935 года новой структуры немецких вооруженных сил Германия имела здесь в своем распоряжении достаточное количество обученных и опытных агентов. В Таллине к тому времени действовали четыре опытных агента Кенигсбергского военного округа. Согласно указанию Канариса, находившемуся в Эстонии резиденту Абвера предлагалось в августе 1936 года активизировать работу с нелегально действовавшим в Таллине агентом № 2350, о котором говорилось, что он «работает с интересом». Следующий агент, № 2352, характеризовался в указании, как «вполне пригодный», а об агенте № 2353 говорилось, что он принадлежит к Союзу Балтийских немцев (Deutschen-Balten Bund) и представляет очень ценные сведения о Ленинграде. Четвертый агент, № 2355, «капитан в отставке, коммерсант» оценивался, как человек, близкий к правительственным кругам буржуазной Эстонии, «способный на получение еще более ценной информации». В связи с тем, что отделу иностранных армий ОКВ потребовались сведения, касающиеся переоснащения Красной Армии, резиденту предлагалось в кратчайший срок организовать через Эстонию сбор таких данных по Ленинградскому военному округу. В этом плане предлагалось использовать проживавших в Эстонии участников похода Юденича на Петроград и их родственников, с которыми они состояли в переписке. Из этого документа явствует, что резидент действовал под прикрытием дипломатического паспорта, являясь сотрудником посольства Германии в Эстонии.

Работа с нелегально действовавшими агентами возглавлялась исключительно офицерами. В связи с возросшими задачами Абвера эта работа в Эстонии начиная с 1936 года была значительно усилена. Вербовка новых агентов производилась разными путями. Действовавшие в Таллине и Хельсинки под видом военных дипломатов полковник Рессинг (1935—1939 гг.), капитан Кернер (1936—1939 гг.), капитан фон Бонин (1936—1939 гг.), фрегат-капитан Целлариус (1936—1944 гг.) — подбирали подходящие кандидатуры на вербовку в качестве агентов из числа

выявленных ими для этого лиц. Преимущество такого подбора заключалось в том, что благонадежность и умственное развитие будущих шпионов были известны заранее. Упомянутые разведчики длительное время жили в Эстонии и имели здесь личные связи среди офицеров, летчиков, инженеров, журналистов и других нужных им людей. Многие из этих связей оказались в будущем ценными для германских разведорганов.

Целлариус, с которым мы уже встречались и с которым нам еще не раз предстоит встретиться, считался большим специалистом по Эстонии, Ленинграду и Краснознаменному Балтийскому флоту. Он пользовался особым доверием адмирала Канариса. Как разведчик Абвера, Целлариус, по оценке своего шефа генерал-лейтенанта Пиккенброка, «обладал большой одаренностью и имел отличные успехи в области вербовки, обучения и заброски агентов». Справедливости ради следует сказать, что Целлариус действительно до конца войны верой и правдой служил нацизму и добился в этом деле значительных успехов.

Из архивных материалов видно, что Канарис неоднократно советовал Целлариусу не делать слишком большую ставку на женщин и рекомендовал использовать их в качестве агентов лишь в порядке исключения. Канарис сомневался в их благонадежности. Ссылаясь на опыт, он опасался «легко возникающих здесь (т. е. в Эстонии — *Л. Б.*) вредных для разведывательной работы взаимоотношений офицеров Абвера с женщинами-агентами».

В расширении агентурной сети участвовали также и уже работавшие на Абвер агенты. Они подбирали кандидатов из числа своих знакомых и затем представляли их офицерам Абвера, за что получали дополнительное вознаграждение. Нередко вновь завербованные лица оставались на связи у старых агентов, ранее знавших кандидатов на вербовку. После предварительной встречи с офицером Абвера, они сами получали от вновь завербованных агентов шпионские сведения и передавали им задания центра.

В числе многочисленных немецких агентов в Эстонии длительное время действовала резидентура бывшего полковника царской армии Бориса Энгельгардта. Будучи разоблачен, на допросе 3 августа 1940 года он показал следующее: «В мае 1933 года я стал сотрудничать с немецкой разведкой. Всю собранную информацию мне надлежало передавать немецкому журналисту Шедлиху, который проживал и работал в Таллине. После того, когда между нами сложились чисто дружественные отношения, Шедлих меня проинформировал, что в Эстонии он проводит линию Франца фон Папена и Константина фон Нейрата. В 1936 году Шедлих внезапно умер, и после этого я стал работать с бароном Андреем Юкскюлем, который меня свел с немецким дипломатом Дернбергом. Так как Юкскюль посто-

янно находился в разъездах, то все материалы я передавал Дернбергу. В сентябре 1939 года я приступил к более обстоятельному сбору сведений о советской армии, так как в то время в Эстонии уже находились советские гарнизоны. До этого такие сведения я получал лишь путем направления ходоков за пределы Чудского озера. По предложению Юкскюля я создал самостоятельную резидентуру, куда привлек также знакомых мне офицеров бывшей Северной армии. Юкскюль, кроме того, передал мне на связь и некоторых своих людей. Последняя встреча с Юкскюлем у меня состоялась в мае 1940 года. Я передал ему тогда все собранные материалы, и Юкскюль уехал в Ригу. Там его ждал офицер германской разведки Целлариус».

Действовавшие в Эстонии немецкие разведчики время от времени помещали в газетах «Ревалер цейтунг», «Постимээс» и «Пяэвалехт» различные объявления, согласно которым немецкие кредитные учреждения предлагали ссуду для выполнения определенной, необходимой этому учреждению работы. На такие объявления отзывались нуждавшиеся в деньгах лица. Не представлявший для разведки интереса контингент получал отказ. В тех случаях, когда среди обращавшихся за ссудой были офицеры запаса, военнослужащие, чиновники и прочие интересовавшие разведку лица, их приглашали на переговоры и выдавали ссуду. Если по истечении положенного срока работа была не выполнена или же она оказывалась забракованной, как это бывало весьма часто, ссудополучателя заставляли добывать сведения секретного характера. Для начала давались задания довольно скромные — достать какой-нибудь документ, образец подписи и т. п., и лишь позднее переходили к более важным поручениям.

Иногда в газетах давались объявления о том, что требуются корреспонденты, обладающие определенными техническими, экономическими и иными познаниями. При этом в объявлении указывалось, что лицо, желающее предложить свои услуги, должно сообщить по определенному адресу или через почтовый ящик данные о своей трудовой деятельности в прошлом и настоящем. На такие объявления обычно отзывались лица, находившиеся в затруднительном материальном положении. Из их числа разведчики отбирали инженеров, радистов, офицеров и других лиц, могущих оказать определенные услуги военной разведке. Генерал-лейтенант Пиккенброк 12 февраля 1946 года сообщил, например, что «лицам, представлявшим для нас интерес, порой предлагалось прибыть для переговоров в Финляндию. Некоторым, особо нуждавшимся, давались на проезд деньги. Когда отобранное разведчиком лицо прибывало для переговоров в Финляндию и если во время бесед устанавливалась его пригодность к работе, да еще и жадность к деньгам, то такому человеку прямо предлагалась определенная сумма, за

которую он должен был выполнять наши задания. Были, правда, случаи, когда нужда в деньгах устанавливалась лишь после ряда встреч. Прямая же вербовка происходила на политической основе. На такой основе мы развивали контакты с членами различных эстонских партий и, в первую очередь, разумеется, со сторонниками организаций, родственных по духу национал-социализму».

Любопытное обобщение о деятельности германской разведки в Эстонии сделал и направил в конце 1939 года из Таллина во второе бюро французского генерального штаба один из дипломатических представителей Франции в Эстонии. В этом обобщении, в частности, говорится: «В 1919 году, по окончании войны, Германия оказывает максимальное воздействие на Эстонию. Чтобы понять непринужденность и быстроту, с которой это влияние проявило себя во всех областях жизни, необходимо знать, что немецкое население Эстонии в основном состояло из дворян, помещиков и интеллигенции. Много было учителей, пасторов, служащих. Все они, в большей или меньшей степени, опасались угрозы коммунизма со стороны великого соседнего государства. Во время господства в Эстонии царизма общая политическая ориентация Германии в социальной жизни страны сводилась к сохранению status quo (существующего положения — *Л. Б.*), т. е. строгой классовой градации. Но война 1914 года окончательно изменила положение вещей, и в скором времени на смену пришло новое молодое руководство, понявшее реальные нужды немецкой Прибалтики и необходимость коренным образом изменить условия ее существования. Учтя такое положение вещей, Германия тотчас же выработала общий план действий в Эстонии, который в сущности базировался на разведывательной деятельности и на безупречной системе пропаганды. Эстонская армия к тому времени находилась в состоянии полной дезорганизации и была крайне изнурена. Ее затронула также и сильная эпидемия, распространившаяся на северо-востоке. Немцы воспользовались этой ситуацией, чтобы окончательно свести армию к нулю, пытаясь забрать у нее русских офицеров, имевших ценность с военной точки зрения и обладавших умом и военным размахом. Германия послала в Эстонию агентов разведки с целью вербовать русских офицеров в отряд Бермондта в Германии. Со своей стороны немецкие консульства получили инструкцию всемерно способствовать этому мероприятию. В 1920—1923 годах Германия избрала путь широкой пропаганды. Это было тем более легко, что правительство Эстонии не проявляло никакой вражды или сопротивления такому решительному внедрению пропаганды в свою страну. Директивы для этой сложной работы направлялись из Берлина, где как специалист использовался разведкой для этого бывший чиновник русской полиции Беранский. Внутри Эстонии находи-

лись немецкие агенты, а также служившие в Ревеле сторонники Германии, установившие по своей инициативе связь со столицей Германии.

Задавшись целью добиться успеха, Германия пыталась привлечь внимание молодежи путем открытия многочисленной сети общедоступных школ. В марте 1921 года немецкое правительство голосовало за годовую субсидию для этого в 9 миллионов марок. Эта школьная пропаганда не преминула дать богатые плоды. В июне 1921 года немцы перестали вообще утаивать связь своей службы разведки со многими людьми, выступающими в Эстонии против большевизма. В 1921 году германская пропаганда намного превысила границы эстонской пропаганды. В июне 1923 года мистер Тыниссон, президент эстонского парламента, сам связался с немецкой разведкой в целях объединения стран Прибалтики для консолидации сил против России.

Верная своей доктрине об использовании Северных стран, разведка Германии особенно активно работала в Эстонии в 1928 году. Ее деятельность, однако, была несколько беспорядочна, а сами директивы, исходившие из общей германской ситуации и без индивидуализации работы в Латвии, Литве и Эстонии порой были противоречивы. Установленная вскоре после этого радиостанция, расположенная в Нарве для непосредственного контроля над русской деятельностью, помогает тем не менее уяснить общее направление работы разведки. В августе 1932 года немецкая пропаганда в Эстонии достигла предельного развития и, несмотря на трудности в самой империи, она делает большие усилия для оказания максимального влияния на страну. Из газет, представляющих реальную ценность для разведки, надо назвать «Ревалер (написано Ревальше) цейтунг», место издания Таллин, редактор Вриз; «Дорпатер цейтунг», издается в Тарту, редактор Меден; также газету «Ауфштейг», редактор Туурманн, которые проникнуты духом национал-социализма. Параллельно с этими газетами Германия предельно активизировала и все прочие элементы пропаганды, стараясь при этом раздувать национальные чувства. Распространяются многочисленные листовки, большую популярность приобрело немецкое кино, радиопропаганда. Это стало сильно действовать и оказывать влияние на новую клиентуру, крестьян и чиновников, которые до сих пор жили в окружении своих будней. Конференции и взаимные визиты получили большую популярность. 12 мая 1933 года к гавани Таллина причалил броненосец «Эссен», на борту которого, как и на суше, организовывались крупные вечера пропаганды. В Эстонии вообще имеется около 160 обществ и германских ассоциаций. В ноябре 1933 года в Таллин прибыла делегация известных немецких экономистов, среди которых было два офицера разведки, с поручением вести коммерческие переговоры, ознакомиться с некоторыми круп-

ными трудами и особенно, в силу стратегических соображений, изучить Эстонию. Мероприятия военного порядка, продиктованные Германией Эстонии, заключались в том, чтобы склонить военных на свою сторону. Начиная с 1936 года Германия может считать, что ее влияние на Эстонию чрезвычайно укрепилось. Между тем в мае 1939 года деятельность германской разведки становится настолько острой, что напуганное эстонское правительство делает робкую попытку несколько ограничить ее. Была произведена реорганизация и расширение эстонской службы разведки. Но это усилие оказалось напрасным. Множество офицеров германской разведки продолжало, как и прежде, проживать в Таллине и других городах под предлогом изучения русского языка. Здесь уместно упомянуть о майоре фон Радене, представителе германского флота, известном агенте военной разведки. В ноябре 1939 года Эстония как сугубо «нейтральная» страна была активно использована Германией для шпионажа против России. Накануне войны совместные действия немецкой и эстонской разведок стали чрезвычайно эффективны. В правительственных и политических сферах немецкое влияние проявляется не менее сильно, чувствуется явное влияние германофилов. Поступили сведения, что в 1939 году лицо, занимающее крупный пост в эстонской армии, находится на жаловании у немецкой службы разведки. Выяснено, что этим лицом является генерал Рээк. Если принять во внимание, что с возникновением трудностей эстонский народ хотят заставить безропотно выполнить решение своего правительства, продиктованное Германией, то можно сделать вывод, что немецкая разведка в этой стране добилась великолепного успеха, так как правящий класс, душа нации, полностью проникнулся духом германофильства. Таковыми представляются взаимоотношения Эстонии и Германии на конец 1939 года».

Полная переориентация эстонского военного командования на Германию произошла во второй половине 1935 года. В это время в штабе эстонской армии приобрела большое влияние группа прогермански настроенных офицеров во главе с ярым фашистом полковником Маазингом, занимавшим в штабе пост начальника разведывательного отдела. По инициативе Маазинга штаб вооруженных сил сам предпринял шаги к установлению контакта с германским генеральным штабом по вопросам разведывательной деятельности. Начался процесс подчинения эстонской армии германскому вермахту, получивший в последующие годы весьма широкий размах.

Весной 1936 года руководитель военной разведки эстонской армии Маазинг находился с визитом в Германии, после чего в ноябре 1936 года туда был приглашен начальник штаба генерал Рээк. Как заявил Маазинг после возвращения, он и Рээк нашли в Германии людей, которые к ним «весьма дружественно отнес-

лись и понимали обстановку в Эстонии». Во время этой поездки Маазинг и Рээк установили личные связи с Канарисом и другими руководящими работниками немецко-фашистской военной разведки. Была достигнута договоренность между Маазингом, Рээком и Канарисом относительно взаимной информации и оснащения эстонской разведки необходимыми техническими средствами. Германская военная разведка получила официальное разрешение эстонских властей использовать территорию Эстонии для развертывания шпионской деятельности против Советского Союза. Немецкая разведка предоставила фотоаппаратуру для дальнего фотографирования, а также соответствующие средства радиоразведки, которые были получены и установлены вдоль советско-эстонской границы. Специальная фотоаппаратура была также установлена на маяках в Финском заливе. С ее помощью фотографировались военные корабли. Для налаживания этой работы в Эстонию прибыли немецкие технические специалисты.

Сообщая об обмене информацией и других фактах, характеризующих связь эстонской разведки с гитлеровцами, генерал Лайдонер указывал: «Нас главным образом интересовали сведения о дислокации советских военных сил в районе нашей границы и перемены этой дислокации. Все эти сведения немцы, поскольку они у них имелись, давали нам. С нашей стороны разведывательный отдел передавал немцам все те сведения, которые мы вообще имели относительно советского тыла и внутреннего положения Советского Союза. Немцы, однако, были несравненно больше информированы, чем мы, так как у них работали в Советском Союзе разные специалисты в виде инженеров, техников и квалифицированных рабочих. В обмен мы давали им то, что мы знали. В период 1937—1938 годов наши офицеры опять-таки были два или три раза приглашены на германские маневры и им сравнительно открыто показали, что делается в германской армии. В то же время в Германию направлялось несколько наших комиссий для покупки необходимого нам вооружения, главным образом противотанковых орудий, зенитных орудий и обычных тяжелых полевых орудий».

Антинародная внешняя и внутренняя политика правительства Пятса—Лайдонера явилась важным условием, обеспечившим проникновение гитлеровской разведки в Эстонию. Эта политика все больше и больше приносила в жертву германскому фашизму национальные интересы эстонского народа. Санкционированное правительством Эстонии сотрудничество между ее разведывательными органами и Абвером поистине достигло расцвета.

Бывший начальник германской военной разведки генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк на допросе 25 февраля 1946 года, в частности, показал: «Разведка Эстонии имела с нами очень тесные связи. Мы постоянно оказывали ей финансовую и техни-

ческую помощь. Деятельность эстонской разведки была направлена исключительно против Советского Союза. Начальник разведки полковник Маазинг ежегодно приезжал к нам в Берлин, а наши работники по мере необходимости сами выезжали в Эстонию. Часто бывал в Эстонии капитан Целлариус, на которого была возложена задача наблюдения за Краснознаменным Балтийским флотом, его положением и маневрами. С ним постоянно сотрудничал работник эстонской разведки капитан Пигерт. Перед вступлением в Эстонию советских войск нами заранее на оседание была оставлена многочисленная агентура, с которой мы поддерживали регулярную связь и получали необходимые сведения. Лично я был в Эстонии в 1937, 1938 и 1939 годах вместе с адмиралом Канарисом для координирования работы с эстонской разведывательной службой и обмена разведывательной информацией. У нас создалось впечатление, что эстонская разведка работала неплохо. На интересовавшие нас вопросы эстонская разведка давала ответы быстро и весьма правдоподобно. Во время каждого из этих посещений Эстонии мы были приняты начальником эстонского генерального штаба генералом Рээком и главнокомандующим генералом Лайдонером, которые были крайне заинтересованы в сотрудничестве с нами. Когда в Эстонии возникла советская власть, наша агентура активизировала свою деятельность и до самого момента оккупации Эстонии германскими войсками снабжала нас необходимой информацией. Работа наших агентов в значительной мере способствовала успеху германских войск. Некоторое время Эстония и Финляндия являлись основными источниками разведывательной информации о советских вооруженных силах».

Эстонию наводнили немецкие гости — офицеры, в эстонских воинских частях и штабах нашли приют различные «стажеры», «отпускники», «изучающие иностранные языки» из состава Абвера и гитлеровских вооруженных сил. В частично сохранившихся материалах переписки 1937 года между германским военным представителем и разведывательным отделом эстонского штаба идет, например, речь о командировании в эстонские воинские части 17 старших германских офицеров. Все чаще стали посещать Эстонию целые подразделения германского флота и военно-воздушных сил.

В апреле 1939 года в Германию на день рождения Гитлера был вторично приглашен начальник генерального штаба эстонской буржуазной армии генерал Рээк, после чего контакт между эстонской и немецкой военными разведками еще более расширился. Немецкая разведка при помощи второго отдела генштаба эстонской армии осуществила в 1938—1940 годах переброску из Эстонии на территорию Советского Союза нескольких шпионско-диверсионных групп. В составе второго отдела было создано

специальное отделение, которое занималось радиоразведкой. Руководил этим отделением капитан Кальмусте. На территории Эстонии в различных местах вдоль границы с Советским Союзом были установлены четыре радиостанции, при помощи которых осуществлялся перехват радиограмм, их расшифровка и велась слежка за работой радиостанций на территории Советского Союза. Все собранные этим способом материалы передавались немецкой разведке. Бывший начальник генерального штаба эстонской буржуазной армии генерал Рээк сообщил об этом 18 июня 1941 года советским властям: «Я испросил у командующего, что нужно военному министерству, и представил заявку, чтобы увеличили кредит. Затем отделение укрепили специалистами офицерами. Места для радиослежки менялись и находились в Таллине, Тарту, Печорах и под Нарвой. Руководил всей этой работой капитан Кальмусте. На радиостанциях работали специальные люди, владеющие русским языком. Производилась обработка шифров. С Германией шел постоянный обмен этой информацией. Начальник второго отдела, когда нужно было передать сводки, докладывал мне, что наступил период обмена. Так было принято до меня. Я сообщал главнокомандующему, и все это делалось с его разрешения». У эстонской армии не было больше никаких секретов от германской разведки. Представители германской армии и флота в Эстонии время от времени направляли эстонскому штабу огромные вопросники, в которых требовались подробные сведения не только об организации, численном составе, вооружении эстонской армии в целом, но и отдельных родов войск и даже частей, — и каждый раз они получали ответы на все вопросы. Гитлеровская военщина всячески подталкивала реакционное офицерство эстонской буржуазной армии на различные антисоветские акции, заверяя его в своей безграничной поддержке.

С разрешения Пятса и Лайдонера в июле 1939 года руководство немецкой военной разведки учредило при генштабе эстонской армии специальную должность офицера связи. Генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк показал об этом следующее: «Офицеры связи, или как их сокращенно называли «ФО» (форбиндунгс офицер), являлись официальными представителями управления «Абвер—заграница» при руководстве разведками иностранных государств, с которыми Абвер обменивался информационными материалами и проводил совместно отдельные мероприятия разведывательного характера. В обязанности офицеров связи входило поддержание непосредственного контакта с руководителями иностранных разведок, получение от них доброкачественной информации и быстрейшее направление этой информации в центр. Офицеры связи передавали руководителям иностранных разведок некоторые наши материалы в обмен на полученную информацию, а также пожелания и просьбы

центра о проведении того или иного совместного мероприятия. Руководимое мною управление «Абвер—заграница» поддерживало связь по обмену разведывательной и контрразведывательной информацией также с разведками Финляндии и Эстонии. С ними связь была установлена с разрешения соответствующих властей еще до моего прихода в Абвер. (Пиккенброк был переведен в Абвер в октябре 1936 года — *Л. Б.*). Должность офицера связи с руководством финской и эстонской разведок нами была учреждена в июле 1939 года. До учреждения этой должности мы осуществляли обмен информацией посредством встреч руководящих сотрудников Абвера с руководителями разведывательных служб Финляндии и Эстонии. Регулярно раз в год мы выезжали в эти страны для обмена информацией. Со своей стороны руководители финской и эстонской разведок тоже ежегодно приезжали в Берлин в управление «Абвер—заграница». Таким образом, обмен информацией происходил каждое полугодие. Канарис придавал большое значение таким встречам, считая, что контакт этот способствует росту доверия между нами и нашими союзниками, что в свою очередь приносит большую пользу в работе. Кроме личных встреч руководителей разведок, с обеих сторон направлялись специальные курьеры, через которых также передавалась информация. Иногда для этой цели уполномочивались военные атташе при посольствах. В июле 1939 года офицером связи с разведками Финляндии и Эстонии нами был назначен специалист по этим странам капитан Целлариус. Он же являлся еще и руководителем «Kriegsorganisation Finland». Информация с разведками Финляндии и Эстонии содержала данные исключительно о состоянии вооруженных сил и военного потенциала Советского Союза».

Нужно сказать, что, став руководителем Абвера, Канарис переложил центр тяжести работы этого органа именно на разведывательный сектор. В плане получения разведывательной информации была перестроена и контрразведка. Из этих соображений вместе с Канарисом и Пиккенброком 18 июня 1939 года прибыл в Таллин и начальник контрразведки Абвера Франц Бентивеньи, который проверял здесь работу сотрудника подчиненной ему группы 3Ф, проводившего закордонные мероприятия по линии контрразведки. Вот что вспоминает об этих мероприятиях сам Франц Бентивеньи: «Вмешательство Главного управления имперской безопасности в дела эстонской политической полиции представляло определенное неудобство для военной контрразведки, так как чиновники гестапо не были в достаточной степени осведомлены о характере проводимых нами закордонных агентурных комбинаций и нередко портили их своим неумелым вмешательством. Канарис договорился с Гейдрихом о том, что во всех случаях, когда полиция будет проводить какие-либо мероприятия в Эстонии, Абвер должен быть поставлен в

известность. Но Канарис, однако, был вынужден идти на уступки и мириться с требованиями Гейдриха, который сам хотел иметь в Эстонии резидентуру по линии СД. Понимая, что в случае открытой ссоры с Гейдрихом нам трудно рассчитывать на поддержку Гитлера, была достигнута договоренность о том, что все мероприятия в области вербовки агентуры в Эстонии и переброски агентов через Эстонию в Советскую Россию будут согласовываться с Абвером. Канарис принципиально считал, что сбор и оценку всей разведывательной информации о Красной Армии и флоте, которую реально можно было получить через Эстонию, как, впрочем, и через другие страны, вправе делать только Абвер. Он решительно возражал против попыток безответственных агентов СД действовать вместе с эстонскими нацистами за спиной Абвера и направлять в Берлин непроверенные сведения, так как информация подобного рода нередко через Гиммлера поступала к Гитлеру, причем в ряде случаев была совершенно противоположна нашим данным. У меня, Канариса и Пиккенброка сложилось мнение, что СД в Эстонии водит за нос советская разведка, подсовывая через своих людей дезинформацию. Исходя из этих соображений, мне и пришлось побывать в Эстонии, чтобы активизировать там деятельность группы 3Ф. Должен отметить, что каких-либо конкретных следов советской разведки в Эстонии летом 1939 года нам обнаружить не удалось, хотя определенные подозрения относительно некоторых людей из эстонской армии, которые могли помогать русским, так и остались».

Между Абвером и службой безопасности шла постоянная грызня. Вся система фашистской разведки напоминала банку со скорпионами, где каждый готов ужалить другого. Известно, что Гейдрих и Канарис, возглавлявшие две разведывательные службы фашистской Германии, были непримиримыми врагами. Абверовцы обвиняли сотрудников гестапо в том, что те слишком торопятся арестовать и казнить подозреваемого и тем самым лишают Абвер возможности выявить все связи. И все же это были неполадки и трения, весьма обычные для фашистского аппарата. Гитлеровские чиновники из различных разведывательных органов постоянно подкапывались друг под друга, выслуживаясь перед Гитлером, Канарисом и Гиммлером, защищали «честь мундира» и пр. Никаких принципиальных разногласий по вопросу о методах и целях агрессии между Абвером и другими организациями гитлеровцев не существовало. Каждая из них на свой лад выполняла одну и ту же функцию: огнем и мечом насаждала господство нацистов в странах, на которые была направлена фашистская агрессия.

Из архивных материалов, касающихся деятельности Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА), видно, что разведывательную работу по линии службы безопасности СД

в Эстонии вело VI управление РСХА, которое возглавлял Вальтер Шелленберг.

В отчете находившегося в подчинении этого управления реферата VI-С2 о деятельности в предвоенный период говорится, что условия разведывательной работы по линии СД в Эстонии и Латвии были аналогичными. Во главе резидентуры в каждой из этих стран стоял официальный сотрудник СД, действовавший нелегально. Все собранные агентами сведения сосредоточивались у резидента, а он в свою очередь направлял их в Главное управление. Пересылка сведений происходила по почте, с применением симпатических чернил, через курьеров на немецких морских судах и через посольские возможности. Работу своих резидентов в Латвии и Эстонии реферат оценивал положительно, так как во всех политически важных кругах были завербованы ценные источники. Большую помощь оказывали проживавшие здесь выходцы из Германии. В этом же отчете указывается: «После вступления русских возможности разведки претерпели коренное изменение. Руководящие политические деятели сошли с политической сцены и связи с ними затруднились. Пути передачи информации также должны были быть изменены. Оказалось невозможным пересылать наши сведения на судах, так как корабли тщательно контролировались властями, а за членами экипажей, сходившими на берег, устанавливалось строгое наблюдение. Пришлось отказаться также и от пересылки сведений через свободный порт Мемель и при помощи сухопутного сообщения. Нельзя было также использовать и симпатические чернила. Пришлось энергично взяться за создание новой сети связи, а также изыскание новых источников информации. В Эстонии резиденту 6513 все же удалось установить связи с новыми людьми и восстановить старые источники информации. Поддержание регулярной связи со своей агентурой было очень опасным делом, требовавшим большой осторожности и ловкости. Резиденту 6513 удалось тем не менее очень быстро разобраться в обстановке и, несмотря на трудности, собрать интересные сведения. Наш человек 6513 является сотрудником Главного управления. Ранее он работал в муниципалитете и был бургомистром одного из городов в Восточной Пруссии. Работа его в Эстонии очень ценна. Особенно следует отметить его умение поддерживать связи с нужными людьми, умение уверенно держать себя при выполнении задания. Резидент 6513 был вначале засекречен как сотрудник ДТ (Deutshe Trenbaudverwaltung).

В январе 1940 года ему удалось получить дипломатический паспорт и он стал работать под прикрытием референта германского посольства в Эстонии».

В отчете также говорится, что до апреля 1941 года в Таллине разведывательную работу по линии СД вел сотрудник комиссии по переселению немцев из Эстонии в Германию Курт Бурмей-

стер, который с мая 1941 года стал использоваться по службе в центральном аппарате. После оккупации Эстонии немецкими войсками Бурмейстер являлся начальником отделения полиции безопасности и СД Эстонии. В 1943 году на почве пьянства и любовных интриг он застрелился.

ПРОВАЛИВШИЕСЯ РАСЧЕТЫ

Если говорить о разведке как о войне внутри войны, о сражении, скрытом от дневного света, о затяжной безжалостной «битве умов», т. е. понимать под этим процесс, посредством которого одно лицо или государство получает о другом информацию против его воли, то в отношениях между разведывательными службами Германии и буржуазной Эстонии ничего подобного не было. Вся информация, достоверность, значение и важность которой была должным образом установлена и взвешена, немедленно передавалась с согласия Пятса и Лайдонера в разведывательные органы фашистской Германии. Эстонская разведка и Абвер вместе работали не только по сбору информации о советских вооруженных силах, но и в плане проведения шпионажа против Англии, Франции, Польши и других стран. В обществе, где все построено на конкуренции, офицеры второго отдела генштаба эстонской буржуазной армии и сотрудники политической полиции добывали и продавали нацистам необходимые материалы с такой же легкостью, с какой газетчик продавал собранные им сенсации органам печати.

Мы уже говорили о том, что в целях организации и инспекции шпионажа в Эстонии неоднократно бывали Канарис, Пиккенброк и Бентивеньи. Между этими «гениями» разведки и правителями буржуазной Эстонии велись деловые переговоры, которые были окончательно завершены начальником генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковником Францем Гальдером, находившимся в Эстонии с 26 по 29 июня 1939 года.

В связи с этим представляет интерес сообщение бывшего главнокомандующего эстонской буржуазной армии генерала Лайдонера о его переговорах с Канарисом и Гальдером: «Начальник немецкой разведки Канарис посетил Эстонию первый раз в 1936 году. После этого он был в Эстонии 2—3 раза. Я его принимал лично. Специальные переговоры о разведывательной работе с ним вел начальник 2-го отдела и начальник штаба армии. Тогда было установлено более конкретно, какие разведывательные сведения интересны для обеих сторон и что мы можем дать друг другу. Последний раз Канарис посетил Эстонию в июле 1939 года. Во все свои приезды он вел переговоры относительно разведывательной деятельности. С адмиралом Канари-

сом я довольно подробно разговаривал относительно нашей позиции в случае столкновения между Германией и Англией и между Германией и Советским Союзом. Адмирал Канарис интересовался вопросом, долго ли Советский Союз может выдержать полную мобилизацию своих войсковых сил и вопросом о средствах транспорта (железнодорожного, автомобильного и гужевого). Канарис сказал, что транспорт СССР является одной из слабых сторон советских вооруженных сил, и лично я с этим его мнением согласился. Кроме того, он высказал мнение, что людские резервы Советского Союза неисчерпаемы. Вооружения, пожалуй, тоже будет достаточно, потому что заводы СССР работают полным ходом и количество вооружения все время увеличивается. Канарис заявил еще, что количество советских самолетов им точно не известно, но оно, безусловно, значительно. В смысле качества самолетов он высказал некоторые сомнения...

...Что касается приезда начальника штаба сухопутных военных сил Германии генерала Гальдера, то он пробыл в Эстонии 3 или 4 дня. Это было летом 1939 года. О Советском Союзе генерала Гальдера интересовали те же вопросы, что и адмирала Кариса. Он выяснял мобилизационные способности и возможности Советского Союза, уточнял данные насчет железнодорожного, гужевого и автомобильного транспорта, насчет людских резервов, запасов оружия, производственной способности военных предприятий и об авиационных силах СССР. Он тоже высказал мнение, что по техническому качеству авиация Германии стоит выше Советского Союза. Генерал, как и адмирал Канарис, сказал, что определить количество самолетов Советского Союза трудно, но он полагал, что в случае войны Советский Союз сможет на западной границе сосредоточить три четверти своей авиации, подтянув для этого соответствующие силы с других возможных театров войны».

О сговоре правящих кругов Эстонии с гитлеровской разведкой свидетельствуют также и документы внешней политики Англии, опубликованные в Лондоне в 1953 году. Вот что докладывал британский консул Галлиенн 11 июля 1939 года из Таллина: «У меня вчера была длительная беседа с министром иностранных дел Эстонии по вопросу британо-советских переговоров... Я добавил, что «Estonia was tending to become pro-German». Торговые круги, зажиточные классы и армия определенно повернули в том направлении, и эстонское правительство, по-видимому, поощряет это, принимая у себя множество немецких чиновников — Кариса, Бентевилле (Бентивеньи — *Л. Б.*), фон Клейста, Бёминга и других. Господин Сельтер был немного удивлен. Прежде всего он сказал, что принимал фон Клейста, но он не желал ничего иного, кроме основания здесь торгового представительства. Я внушал, что фон Клейст «might be after

bigger game», но Сельтер ответил, что он не видит в фон Клейсте какого-либо значительного лица. Он не сделал никаких замечаний относительно Канариса. Что касается армии (я, конечно, имел в виду начальника генерального штаба Рээка, а не главнокомандующего генерала Лайдонера), то господин Сельтер сказал — военные склоняются говорить громко (остро), но не они определяют внешнюю политику...».[5]

Как явствует из доклада Лайдонера президенту Эстонии Пятсу, последний раз Канарис находился в Эстонии осенью 1939 года под чужим именем. Встреча Канариса в Таллине с Лайдонером и Пятсом в связи с этим проходила с соблюдением условий конспирации. Во время визита в Эстонию начальника штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера последний специально приезжал в летнюю резиденцию Константина Пятса и имел с ним длительную беседу по эстонско-германским отношениям и другим вопросам международного характера.

Явно не по вкусу правящей верхушке Эстонии пришлось заключение 23 августа 1939 года советско-германского пакта о ненападении, который отодвигал непосредственную угрозу превращения Прибалтийских стран в базу германской агрессии против Советского Союза. Эстонские правящие круги были уверены, что Гитлер развяжет войну нападением на СССР. Пакт с Советским Союзом поверг их в растерянность. Лайдонер свидетельствует: «Пятс предложил мне послать кого-либо из военных немедленно в Берлин, чтобы постараться узнать через военные круги, а если можно — через адмирала Канариса истину по этому вопросу. Я предложил послать туда полковника Маазинга, как наиболее известного Канарису. В тот же день или днем позже Маазинг вылетел в Берлин и очень быстро вернулся обратно. Особенных результатов он там не достиг, так как адмирал Канарис заявил ему, что относительно договора Германии с Советским Союзом он ничего сказать не может. По возвращении из Германии Маазинг был настроен пессимистически. Во время доклада о результатах поездки в Берлин он заявил мне, что лучше было бы нам до заключения пакта начать войну с СССР». Вслед за Маазингом в Берлин был направлен агент политической полиции барон Юкскюль с тем же поручением — выяснить, как пакт отразится на планах антисоветской агрессии. Барон ничего определенного не узнал. Но вскоре все прояснилось, и правители Эстонии вновь воспряли духом. В середине сентября 1939 года в Таллин прибыл руководящий работник немецкой разведки доктор Клее. Из бесед с ним пятсовской клике стало ясно: война с Советским Союзом лишь отложена по стратегическим соображениям, и подготовка к ней должна продолжаться.

Однако Советское правительство разгадало планы гитлеровской Германии и приняло меры к обеспечению безопасности

своих северо-западных границ, в частности, предложило правительствам Прибалтийских стран заключить пакты о взаимопомощи. Это предложение застало их врасплох. Что делать? В Берлин, чтобы узнать мнение германского правительства по поводу советского предложения, вновь срочно были посланы полковник Маазинг и барон Юкскюль. Барон сообщил, что размещение частей Красной Армии на базах в Эстонии германское правительство рассматривает как явление временное. Такое же сообщение привез и Маазинг.[6] Но все же предстоящее вступление частей Красной Армии в Эстонию повергло правителей Эстонии в панику. До последней минуты они еще надеялись, что Германия воспрепятствует этому. Рано утром, в 05.00 28 сентября 1939 года, в день подписания между СССР и Эстонией пакта о взаимопомощи в Кадриоргский дворец президента был доставлен прямо с постели посол Германии Фроовейн. Пятс и Лайдонер ухватились за него, как утопающий за соломинку. Фроовейн отговаривался отсутствием инструкции из Берлина.[7] Буржуазные правители Эстонии были вынуждены пойти на договор с Советским Союзом. Но, ставя свою подпись под договором, они уже думали о том, как будут его нарушать, как, прикрываясь договором, будут продолжать антисоветские козни.

Примерно в то же время Пятса навестил один из директоров концерна «ИГ Фарбениндустри» Фриц Тер-Меер, прибывший в Эстонию. «В частном разговоре со мной, — сообщает Пятс, — директор не скрывал, что Германия и после заключения договора с Советским Союзом продолжает старую политику по отношению к СССР. В Германии, по его словам, все больше и больше распространяется убеждение, что природные богатства Советского Союза должны быть доступны только ей. В Германии прекрасно понимают, что Россия их добровольно не уступит и придется бороться. Без борьбы не обойтись, и надо ждать столкновения вооруженных сил. Все руководящие круги Германии это понимают и уже продолжительное время готовятся к борьбе». Такие речи были Пятсу, естественно, по душе. Осведомленные о тайных планах и приготовлениях гитлеровской Германии, эстонские фашиствующие правители развернули кипучую деятельность. Еще в сентябре 1934 года в Женеве была создана «Балтийская Антанта», целью которой была война против Советского Союза.[8] Лайдонер даже вынашивал планы создания объединенной армии «Балтийской Антанты» и уже видел себя ее главнокомандующим. Он зондировал на сей счет мнение союзников. О честолюбивых планах Лайдонера военный министр Латвии Балодис специально докладывал президенту Ульманису.

По мере того, как прибалтийские правители все крепче привязывали свои страны к военной колеснице гитлеровской Гер-

мании, Лайдонер все более рьяно выступал за объединение военных сил Эстонии, Латвии, Литвы, а также Польши и Финляндии в целях совместной войны. «Я лично, — сообщал позже Лайдонер, — как главнокомандующий эстонской армией, говоря откровенно, исходил из того, что пятеро всегда сильнее одного. Поэтому я считал, что военный союз, направленный против СССР, должен состоять из Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Литвы. Интересы антисоветской политики требовали, чтобы наши государства из года в год сообща усиливали свои вооруженные силы».

Будучи в январе 1939 года в Финляндии, Лайдонер в одном из своих публичных выступлений открыто призывал к объединению военно-политических усилий Эстонии и Финляндии. В этих же целях Лайдонер находился с визитом в Польше в апреле 1939 года. В июне 1939 года с визитом в Эстонию прибыл министр иностранных дел Польши полковник Бек. После заключения 28 сентября 1939 года договора с СССР, в прямое его нарушение правительственные круги Эстонии взяли курс на активизацию «Балтийской Антанты». То же делали латвийские и литовские правители. Антисоветский пыл «Балтийской Антанты» достиг апогея. Военные и дипломатические деятели Эстонии и Латвии зачастили друг к другу с визитами. В конце 1939 года в Таллин прибыл главнокомандующий латвийской армии генерал Беркис. Он вел переговоры в генштабе и произвел смотр артиллерийских частей, военного училища, арсенала и других объектов. В январе 1940 года начальник генерального штаба эстонской армии Яаксон совещался с военным министром Латвии Балодисом. Затем в Таллин прибыли главнокомандующий литовской армии генерал Ростикис, министр иностранных дел Литвы Урбшис и другие «высокопоставленные» лица. Антисоветская возня становилась все наглее.

К объединению сил для крестового похода против Советского Союза призывали и промышленно-банковские круги государств Прибалтики. Выдвигались идеи объединения не только армий, но и самих государств в одну «прибалтийскую державу». Так, 15 апреля 1940 года с большой речью выступил председатель торгово-промышленной палаты Эстонии Иоаким Пухк, который, в частности, заявил: «Сообща легче действовать, действуя совместно, мы имеем больше ресурсов. Жизнь показывает, что установление контактов лишь посредством конференций и проявления инициативы по отдельным вопросам никогда не приведут к цели. Объединение в едином государстве устранит препятствия в экономической деятельности и раздробленность в производстве...» Естественно, подлинные цели создания «прибалтийской державы» заключались в другом, и Пухк назвал их. «Какой эффект это даст в обеспечении нашей безопасности, само по себе понятно каждому...»[9] Пухк говорил о безопас-

ности стран Прибалтики, а подразумевал объединение военных сил против Советского Союза.

В декабре 1939 года и в марте 1940 года были проведены секретные совещания трех Прибалтийских государств с той же целью — укрепить антисоветский военный блок. Усилились взаимные связи генеральных штабов Латвии, Эстонии и Литвы. В феврале 1940 года был создан специальный печатный орган «Балтийской Антанты» — «The Baltic Review», издававшийся в Таллине на английском, немецком и французском языках. Этим сговором дирижировал Берлин. Примерно в мае 1940 года немецкое главнокомандование решило произвести инспекцию того, как Эстония готовится к войне против СССР. Через барона Юкскюля у правительства Эстонии была срочно затребована виза для разведчика Клее, имевшего «важное поручение от генерала Кейтеля, главнокомандующего германской армией, об установлении связи с германским правительством». Виза Клее, конечно, была выдана немедленно, и он вскоре прибыл в Таллин. «Клее дал понять, — свидетельствует бывший начальник политической полиции Эстонии Сооман, — что поскольку он послан генералом Кейтелем, то мы должны устроить ему встречу с Юримаа, министром внутренних дел...» Эта встреча состоялась в тот же день. «Клее заявил, — показывает далее Сооман, — что Германия скоро начнет войну с Советским Союзом, о чем Гитлер неоднократно заявляет в партийных и военных кругах». Это происходило в момент, когда гитлеровские генералы завершали разработку плана нападения на Советский Союз — «плана Барбаросса». На правителей Прибалтийских стран возлагалась задача открыть гитлеровским ордам ворота, а затем присоединиться для совместного вторжения в пределы СССР.

Правительство Пятса вполне определенно готовило дорогу в Эстонию немецко-фашистским полчищам. Свою последнюю попытку предать эстонский народ Пятс предпринял в июне 1940 года, связавшись с одним из главарей вапсовского движения Мяэ. В выступлении по этому поводу, которое было опубликовано в фашистской газете «Линна театая» 21 октября 1941 года, предатель эстонского народа, руководитель фашистского «Самоуправления» оккупированной Эстонии Мяэ сказал: «...26 июня прошлого года меня вызвал к себе Константин Пятс и сделал предложение поехать в Германию и просить у правительства германского государства помощи, чтобы спасти то, что еще возможно. Но было уже поздно, и поэтому я не смог ничего сделать».[10]

Эти черные планы были сорваны народами Прибалтики, которые летом 1940 года свергли фашистские правительства и восстановили Советскую власть. Из рук гитлеровских генералов уплыл важнейший плацдарм для осуществления «плана Барба-

росса». Народы Прибалтики не пожелали стать пушечным мясом для Гитлера, орудием его человеконенавистнических замыслов, они объединились с народами Советского Союза для совместного строительства социализма и отпора агрессорам.

КОМПАНЬОНЫ И СОЮЗНИКИ

Немецкое посольство в Таллине было центром по руководству деятельностью пятой колонны. Из эстонцев в эту колонну входили такие влиятельные лица, как министр иностранных дел Карл Сельтер, его помощник Оскар Эпик (судебный директор в период оккупации), помощник начальника штаба вооруженных сил Рихард Маазинг, начальник отдела разведки генерального штаба полковник Виллем Саарсен, председатель палаты депутатов Отто Пукк, начальник канцелярии президента Эльмар Тамбек, один из руководящих чиновников министерства внутренних дел Оскар Ангелус и многие другие.

Обо всем этом эстонские официальные учреждения были осведомлены. Это наглядно иллюстрирует, например, письмо министра внутренних дел К. Ээнпалу и директора полицейского управления И. Соомана министру иностранных дел Ю. Сельямаа, датированное 12 мая 1936 года. В этом письме высшие полицейские власти информировали министра иностранных дел о результатах расследования дела о шпионаже эстонских граждан Вальфрида Эйхгорна, Александра Таубе, Рихарда Пальма и германского гражданина Эбергарда Зоммера. Как показали результаты расследования, офицер разведки германского генерального штаба Альберт Ликфельд, выступавший в Эстонии под именем доктора Линке, организовал здесь широкую разведывательную сеть. В дело был посвящен советник германского посольства Александр Дернберг (в дальнейшем шеф протокольного отдела министерства иностранных дел Германии), который принимал у шпионов собранные разведывательные данные и вместе с дипломатической почтой посольства пересылал в Германию. Таким же путем пересылалась и корреспонденция местного союза немецких обществ. Эстонские власти ничего не предприняли для пресечения подобной деятельности.

На примере открыто враждебной деятельности в Эстонии гитлеровского шпиона Эрнста Туурманна и реакции на его деятельность властей Эстонии видно их действительное отношение к фашистской Германии. Из архивных материалов политической полиции явствует, что Туурманн Эрнст-Арнольд-Фридрих Робертович, 1892 года рождения, немец, с высшим образованием, почти весь период буржуазной власти в Эстонии, в особенности после 1933 года, безнаказанно занимался шпионской деятельностью в пользу Германии, сколачивал различные национал-

социалистские группировки, распространяя издававшуюся в Германии нацистскую литературу. С 1920 по 1939 год Туурманн был лишь трижды оштрафован за это по 100 крон — 30 ноября 1934 года, 23 апреля 1939 года и 8 июля 1939 года.[11]

Такой же деятельностью в Эстонии безнаказанно занимались Теодор Таубе и Андрей Юкскюль. Борис Мейснер, являющийся ныне профессором восточноевропейского права Института советологии в Кельне, прошел до начала второй мировой войны специальный курс обучения командиров СА и прибыл в Эстонию крейсамтслейтером нелегального фашистского движения.[12]

В 1936—1939 годах в Тартуском университете доцентом теологии работал один из «исследователей востока» (остфоршер) Георг фон Раух. Публиковавшиеся Раухом материалы в газетах «Иомебург» и «Дейчес архив фюр ландес-унд фольксфоршунг», которые издавались «Северо- и восточногерманским исследовательским обществом», свидетельствуют и о его враждебной деятельности.[13]

Шпионской деятельностью этих проживавших в Эстонии агентов руководили представители германского посольства. Вообще же все руководство немецкими национал-социалистскими группами в Эстонии имело постоянную связь с посольством и использовалось посольством в шпионской деятельности и в проведении фашистской пропаганды. Посольство информировало нацистов по различным политическим вопросам и снабжало их соответствующими материалами. Через аппарат посольства и учрежденную в Гамбурге организацию немцев, проживающих за границей (с февраля 1934 года — Заграничная организация национал-социалистской партии), фашисты взяли под контроль немецкие меньшинства во всем мире. Розенберг считал важным «помочь прогерманским элементам захватить власть в Прибалтийских странах» с тем, чтобы они затем попросили Германию о «помощи». Он неоднократно говорил руководителям фашистского движения в Эстонии, что Англия не будет чинить Германии препятствий.

Организацией, сплачивавшей всех местных немцев, было Немецкое культурное самоуправление, которое вело учет лиц немецкой национальности. Но это была лишь внешняя сторона деятельности организации. Ее политические цели были вскрыты на процессе местных немецких нацистов, который состоялся в ноябре 1934 года и вызвал широкий интерес как в Эстонии, так и за границей.

К суду было привлечено 25 нацистов во главе с Виктором цур Мюленом. Расследование показало, что местные нацисты начали свою активную деятельность еще в 1930 году. Душой дела был Виктор цур Мюлен, который неоднократно бывал в Германии, где встречался с Розенбергом и Гитлером. Как выяснилось позднее, Мюлен привез из Германии широкий план дей-

ствий, а также деньги на претворение этого плана в жизнь. Все денежные расчеты производились через банк Шеля и «Тартуский банк». По инициативе Мюлена группы нацистов были созданы в Таллине, Тарту, Нарве, Раквере, а также во многих пунктах в сельской местности. Раквереская группа нацистов была одной из самых активных. Возглавлял ее Роберт Генерт, летом 1933 года высланный из Эстонии за политическую деятельность. Руководил местными нацистами начальник восточного отдела национал-социалистской партии Мотс. Он совершил несколько инспекционных поездок в Эстонию. Деятельность нацистских групп координировали Виктор цур Мюлен и его помощники Ганс Шульман, Генрик Юкум и Эрнст Туурманн, которые назвали свою подпольную организацию «Прибалтийским национал-социалистским движением в Эстонии».

Для пропаганды гитлеровских идей в 1932 году была создана газета «Дер ауфштиг», ответственным редактором которой был назначен Георг Леберт, издателем — Ганс Шульман, политическим руководителем — Генрих Юкум. 25 июня 1933 года Виктор цур Мюлен опубликовал большую программную статью, в которой говорилось: «По своей крови мы принадлежим к великой германской нации, с Эстонией нас связала только судьба... Мы требуем предоставления прибалтийским немцам права участвовать в управлении государством... Мы требуем себе землю, которая нужна для существования нашей национальной группы... Мы признаем на всех территориях национал-социалистский принцип фюрера... Мы поддерживаем среди эстонского народа любое движение, пытавшееся осуществить обновление государства в духе национал-социалистских идей...»

Легальным местом сборищ нацистов стал Немецкий клуб, учрежденный весной 1932 года. Работой клуба руководили директор школы Эмиль Муссо, адвокат Эрнст Майдель, доктор Отто Галлер и директор Северной бумажно-картонажной фабрики Бруно Пауль Мейер-Ландрут. Членами Немецкого клуба могли быть и лица, постоянно проживавшие в Германии. Для клубной библиотеки приобреталась только национал-социалистская и антисемитская литература. Регулярно проводились клубные вечера, на которых выступали приезжавшие из Германии пропагандисты. Летом 1933 года нацисты организовали в Ляэнемааском уезде «рабочий лагерь» с тем, чтобы из-под их влияния не ускользнули немецкие студенты и школьники.

29 апреля 1933 года в Раквере состоялось совещание нацистских главарей, на котором обсуждалось политическое положение в Эстонии. Собравшиеся пришли к выводу, что приход к власти их единомышленников — эстонских вапсов — лишь вопрос времени. Исходя из этого прогноза, была составлена новая программа деятельности «Прибалтийского национал-социалистского движения в Эстонии», которое призвано было заменить

собой Немецко-Балтийскую партию и Немецкое культурное самоуправление. Была также разработана подробная программа распространения фашистских идей среди тартуских студентов и эстонской интеллигенции. Для этого признали необходимым в качестве временного тактического приема расширить личные контакты с руководящими деятелями эстонских студенческих корпораций, а также с эстонскими писателями, художниками и высшими военнослужащими.

Первую задачу нацистам решить не удалось. На съезде Немецко-Балтийской партии, который состоялся 26 ноября 1933 года, из 48 делегатов 26 были членами «Прибалтийского движения», которые, конечно, избрали своим лидером Виктора цур Мюлена. Новое правление партии состояло только из нацистов. Это вызвало среди общественности большое беспокойство, и власти были вынуждены начать расследование. Руководители «Прибалтийского движения» были привлечены к судебной ответственности.

Прокурор Эльмар Тамбек (в дальнейшем начальник канцелярии президента и гестаповец времен оккупации) выступил на суде с исключительно мягкой обвинительной речью. Признаки состава преступления он обнаружил только в деятельности Мюлена, Шульмана, Юкума и Туурманна. К остальным у него претензий не было.

Большие политические процессы двадцатых годов, когда руководителям рабочего движения выносили смертные приговоры или осуждали их на десятки лет тюрьмы, показали эстонской общественности одну из сторон буржуазного суда. Процесс нацистов из прибалтийских немцев, состоявшийся в конце 1934 года, пролил свет и на другую сторону буржуазного суда. С немцами-гитлеровцами обращались исключительно мягко. Приговор предусматривал только денежный штраф. Гаулейтер Мюлен и его помощники Шульман, Юкум и Туурманн должны были внести в государственную кассу по 100 крон, а десяток более мелких нацистов и того меньше — по 50 крон.[14]

Как СД, так и Абвер активно использовали легальные возможности Германского Доверительного управления, созданного при консульстве Германии в Таллине 15 октября 1939 года. Формально это управление являлось законным уполномоченным переселенцев в Германию и имело право брать под свою опеку все их имущество в Эстонии. Во главе Доверительного управления стоял Хейнц Воллерт, а его заместителем был майор в отставке Франц Эдуард Бендлер. Другими руководящими работниками управления являлись Ганс Отто Шиндовский, Фридрих Грубе, Дитрих Вааль, Герхард Ханзен, Виктор Васильев, Леонид Матизен и Александр Бирк. Все они в той или иной степени были связаны с германскими разведывательными органами.

После восстановления в Эстонии Советской власти переселе-

ние лиц немецкой национальности в Германию продолжалось. Между СССР и Германией 10 января 1941 года было заключено специальное соглашение, по которому из Эстонии в Германию на 1 марта 1941 года выехало 5674 человека. До этого из Эстонии выехало около 15 000 человек.

Главный штаб по переселению находился в Риге. Немецкая комиссия по переселению с территории Эстонии размещалась в Таллине, в здании бывшего французского посольства. В комиссии работало свыше 50 человек, в основном бывшие служащие германского посольства и консульства. Сотрудники комиссии имели постоянные резиденции также в Тарту, Пярну и Нарве. В апреле 1941 года все сотрудники посольства и члены Германской комиссии по переселению выехали в Германию.

Представители разведорганов фашистской Германии, действуя в качестве членов комиссии по переселению, активно занимались вербовкой агентуры, сбором шпионских сведений о дислокации и вооружении частей Красной Армии, антисоветской пропагандой и созданием диверсионно-шпионских групп для действия в первые же дни войны.

Наиболее характерным примером может служить шпионская деятельность сотрудников немецкой комиссии по переселению Леонида Матизена, 1913 года рождения, уроженца г. Ленинграда, и Александра Бирка, 1915 года рождения, уроженца г. Хельсинки.

В марте 1941 года Матизен завербовал для работы в пользу Германии консультанта по правовым вопросам при советской комиссии по переселению немцев в Германию Бориса Тийта, 1913 года рождения, который ранее являлся членом фашистской партии. Матизен поручил Тийту создать шпионско-повстанческую организацию. После выезда Матизена в Германию Тийт был передан на связь Бирку, по предложению которого Тийт завербовал в организацию около 50 человек. Матизен и Бирк информировали Тийта и его единомышленников о предстоящих военных действиях между Германией и СССР и поставили перед организацией задачу развернуть массовую повстанческую деятельность, подобрать восемь площадок для выброски немецких парашютистов, подготовить захват аэродромов, захват почты, телеграфа, тюрьмы, банка, здания правительства ЭССР и других объектов.

При ликвидации этой шпионской организации было изъято большое количество оружия, боеприпасов, средств связи, часть из которых была получена непосредственно из бывшего германского посольства в Таллине.

Посольство фашистской Германии в Эстонии руководило в предвоенные годы сложными и запутанными интригами, нити которых тянулись сюда не только от Абвера и СД, но и от рейхсканцелярии и МИД. Всего, что делало посольство в этой грязной работе, не перечислить.

Из ставших известными после разгрома фашизма материалов явствует, что германский генеральный штаб был хорошо осведомлен через свою шпионскую сеть о военном и политическом положении своих противников. Исключение в этом отношении составлял лишь Советский Союз. Генерал-лейтенант Пиккенброк, говоря о трудностях работы в СССР, отмечал: «Засылка нашей агентуры в Россию со специальным заданием для ведения разведки вследствие особых условий в этой стране была сопряжена с большими трудностями. Россия являлась для нас самой тяжелой страной для внедрения агентов. Трудности заключались в большой ее изолированности от других стран и сложных условиях въезда и выезда иностранцев. На территории России находилось небольшое количество иностранцев, которые в других странах нами активно использовались в своих целях. Иностранцы в России обращали на себя внимание, за ними велось наблюдение и они не имели возможности совершать незаметные поездки в нужные места. Практически с их помощью мы не могли заглянуть туда, куда желали бы. Проживавшие в Германии и других странах русские эмигранты, которых мы использовали в плане сбора информации о Советском Союзе, не знали условий жизни в новой России и не имели с ней связи. Оказавшись по нашему заданию в Союзе, они в большинстве своем были разоблачены советскими контрразведывательными органами. Что же касается находившихся в Европе советских граждан, то это были проверенные и надежные люди, заниматься вербовкой которых было напрасным трудом. Деньги для таких людей не являются приманкой. Все это затрудняло ведение разведки в России, особенно в Сибири и среднеазиатских республиках. К тому же, до 1939 года Германия не имела общих границ с Россией. Свои разведывательные операции против России до весны 1941 года руководимое мною управление проводило через «абверштелле» в Кенигсберге, Бреслау, Вене, Штеттине, Гамбурге и Берлине. Результаты работы более или менее удовлетворительные имел лишь «Абверштелле Кенигсберг». Другие органы материалов о Красной Армии и флоте собирали недостаточно. Агенты вербовались из латышей, литовцев, поляков, эстонцев и финнов, проживавших около русской границы и нелегально по нашему заданию переходивших ее. Они имели на русской стороне знакомых и родных, которых использовали втемную или открыто — за деньги. Мы еще получали самостоятельную информацию от разведок пограничных с Россией стран и были особенно довольны работой эстонской и финской разведок, которые по нашему заданию и наводкам сами засылали в Россию своих агентов. В период вступления в Прибалтику в 1939 году советских гарнизонов, с помощью эстонской военной разведки и полиции были подго-

товлены и расставлены в районе расположения частей Красной Армии агенты, которые подробно информировали нас о вооружении и боеготовности советских частей. В этот же период нам удалось создать в Эстонии и так называемую резервную агентуру, которая в тот момент не проявляла какой-либо активности, чтобы до поры до времени не обнаружить себя. Она вместе с другой агентурой стала активно действовать в первые же дни войны. В Литве и Латвии мы проводили такую же работу, но местные разведывательные органы сотрудничали с нами менее плодотворно. Сведения о советской промышленности нами добывались также путем опроса возвращавшихся из СССР немецких рабочих и инженерно-технического состава, которые работали на стройках. После окончания польского похода между Германией и Россией возникла общая граница. В результате войны с Польшей многие поляки из восточных областей очутились в западных областях и наоборот. Выявилась большая склонность к переходу демаркационной линии. Благодаря наличию у поляков родственных связей по ту сторону демаркационной линии, мы получили возможность активизировать свою работу против России. Возникли, правда, и объективные трудности такого рода, что поляки из числа солидных граждан категорически отказывались с нами работать и проявляли открытую враждебность, в связи с чем нам приходилось прибегать к помощи низов и опустившихся людей, которые шли на такую приманку, как водка, продукты питания, вещи и одежда, чего нельзя было свободно достать. Результаты работы этих агентов были не очень хороши, но все же кое-что о советских войсках нам стало известно. Число возвратившихся агентов из этой категории составляло почти 50%. Была ли вторая половина задержана советскими органами или добровольно осталась на другой стороне, мне неизвестно».

Гитлеровская разведка, как известно, использовала в своих интересах буквально всех — «от принца до нищего». В картотеке ее значились князья и королевы, члены царственных фамилий и кабатчики, горничные и матросы, крестьяне и железнодорожники, военные атташе ряда стран и девицы-завсегдатаи баров, сообразительные актрисы и безмозглые принцессы, политические деятели и кардиналы, бульварные красотки и аристократические отпрыски, гувернантки и клерки, гадалки и мошенники, авантюристы, искатели приключений и дамы из общества — все они проходили по материалам разведывательной службы гитлеровской Германии.

Вскоре после прихода к власти в Германии национал-социалистов начальник политической полиции буржуазной Эстонии Сооман установил связь с разведкой фашистской Германии и стал участвовать вместе с ее представителями в проведении о территории Эстонии шпионской деятельности против Советского

Союза. На допросе 23 сентября 1940 года Сооман подробно показал, как он, с ведома правительства, поддерживал связь вначале с английской, а затем и с германской разведками. Совместная работа эстонской полиции с германской разведкой была также направлена, главным образом, против Советского Союза. «На протяжении ряда лет, — сообщил 28 ноября 1940 года Константин Кирсимяги, — разведывательной работой против Советского Союза руководил начальник политической полиции Сооман. С немцами он связался значительно раньше меня. Я же фактически возглавил эту работу с середины 1938 года, когда был назначен вице-директором управления полиции. Для практической работы на территории СССР политическая полиция (иногда мы пользовались в этом услугами представителей Германии) вербовала служащих железнодорожных поездов, перебрасывала через границу агентов-ходоков, а также имела агентуру в приграничных районах. Агенты, которых мы засылали в Советский Союз, получали задания собирать сведения военного характера, выяснять намерения советских властей в отношении Эстонии, а также выяснять характер революционной деятельности Коминтерна и эстонской колонии. Через свою агентуру мы собрали относительно точные данные о состоянии охраны советско-эстонской границы, об укрепленных точках на ней, о численности и вооружении пограничной охраны, расположении застав и комендатур. Большую помощь в этом нам оказала немецкая разведывательная служба, с которой мы согласовывали работу, вели постоянный обмен собранной информацией».

Особую активность стала проявлять немецкая разведывательная служба в Эстонии после подписания 28 сентября 1939 года между Советским Союзом и Эстонией пакта о взаимопомощи, по которому на островах Сааремаа и Хийумаа и в г. Палдиски были размещены части советской армии. По приказу начальника разведывательного отдела полковника Саарсена весь штат отдела приступил к сбору шпионской информации о частях и соединениях Красной Армии. Все собранные сведения в спешном порядке передавались немецкой разведке. По указанию генерала Лайдонера полковник Саарсен связался с вице-директором департамента полиции Кирсимяги и привлек через него к сбору шпионских сведений о Красной Армии также аппарат политической полиции. Саарсен передал в ноябре 1939 года Кирсимяги крупную сумму эстонских крон и предложил распределить ее между полицейскими, занимающимися сбором шпионской информации. Лично Кирсимяги получил от Саарсена за услуги 50 000 эстонских крон. Вскоре после этого Кирсимяги вызвал к себе комиссаров политической полиции Ээксалу, Рамла, Викса, Ярвица и других и провел с ними совещание по поводу активизации шпионской деятельности против Советского Союза. Каждому участнику совещания был вручен вопросник о пред-

ставляющих интерес разведывательных сведениях, разработанный вторым отделом генштаба эстонской буржуазной армии.

В течение 1939—1940 годов полицией были собраны и переданы Саарсену весьма важные сведения шпионского характера, которые он незамедлительно переадресовывал немецким разведывательным органам. К этому времени бывший начальник разведывательного отдела эстонской буржуазной армии полковник Маазинг, бежавший за границу, уже находился в Германии и в свою очередь использовался Абвером в шпионской деятельности против Советского Союза. В июне 1940 года немецкая военная разведка организовала бегство и переправу Саарсена, его подчиненных Кургвеля и Кальмусте из Эстонии в Финляндию, где они продолжали выполнять задания немецкой разведки.

ГЛАВА III РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБВЕРА И СД С ПОЗИЦИИ ОККУПИРОВАННОЙ ГИТЛЕРОВЦАМИ ЭСТОНИИ

АБВЕР НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

К моменту вероломного нападения на Советский Союз фашистская Германия имела разведывательные органы, которые по их структуре с теоретической точки зрения можно было считать во всех отношениях совершенными. Главная роль отводилась военной разведке — Абверу. Кроме того, в ведении «тайной войны» против СССР участвовали службы безопасности — СД, гестапо, разведка министерства иностранных дел, иностранный отдел министерства пропаганды, иностранная организация фашистской партии — АО и другие.

Но сколь идеальной ни представлялась внешне организация германской разведки, уже вскоре после начала войны стало ясно, что имеются существенные недостатки. Крупный просчет допустила разведка в оценке боевой мощи Советского Союза и его армии. Западногерманский военный историк Гёрлитц указывает в связи с этим, что разведка неправильно оценила силы Советского Союза и возложила большие надежды на слабость советской армии. Гёрлитц указывает также, что «полное неведение отмечалось со стороны Германии и в вопросе о производственной мощности русской индустрии».[1]

Говоря о том, что гитлеровская разведка не смогла накануне войны решить ни одну из поставленных перед нею задач, мы должны вместе с тем вскрыть причины, которые помешали ей сделать это.

Основную роль в срыве планов «тайной войны» против СССР сыграли огромные исторические преобразования, осуществленные в нашей стране за годы Советской власти, а также мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по укреплению безопасности нашей Родины. Немецко-фашистской агентуре довелось убедиться в прочном морально-политическом единстве советского народа, его горячей любви к Родине, высокой революционной бдительности. «Не найдя никакой опоры внутри СССР, — писала «Правда», — столкнувшись с единым, сплоченным советским народом и высоким мастерством советских разведчиков, фашистская агентура оказалась бессильной осуществить планы своих хозяев».[2] Оценивая деятельность не-

мецко-фашистской разведки накануне войны, один из ее руководителей писал: «Надо заметить, ... что мы не выполнили поставленной перед нами задачи. Это зависело не от плохой агентурной работы немцев, а от высоко поставленной работы русских, от хорошей бдительности не только военнослужащих, но и гражданского населения».[3]

Большие потенциальные возможности социалистического государства по пресечению разрушительной работы хорошо обученной агентуры врага реализовывались через советские органы госбезопасности. Они вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с подрывной деятельностью немецко-фашистской разведки накануне и в ходе войны. В предвоенные годы органы госбезопасности нанесли целый ряд ударов по агентуре империалистических разведок внутри СССР, в том числе и по немецко-фашистской агентуре. Была вскрыта и обезврежена хорошо законспирированная шпионская сеть, созданная во многих пунктах Советского Союза. Вступив в единоборство с немецко-фашистской разведкой, советские органы госбезопасности вышли из этой борьбы победителями.

Уместно будет напомнить, что свои неудачи на советско-германском фронте Гитлер приписывал не превосходству советского оружия, а превосходству советской разведывательной службы. 17 мая 1942 года Гитлер заявил своим приближенным: «Если мы не знаем, что делать с танковыми дивизиями русских, это потому, что Советы намного превосходят нас в одной области — в разведке».[4] Воздавая должное высокой результативности советской разведки, он выразил глубокое сожаление о том, что его собственная разведка работает намного хуже.[5]

Ошиблась фашистская разведка и в своих расчетах на то, что нападение Германии на Советский Союз вызовет внутреннее брожение, открытое выступление против Советской власти, национальную рознь между народами СССР и т. д.

Пороком гитлеровской разведки было то, что в ее работе допускался параллелизм и своего рода конкуренция, отсутствие какого-либо доверия, взаимная слежка — гестапо за СД, СД — за Абвером и т. д. Бывший начальник VI управления Главного управления имперской безопасности Шелленберг, опубликовавший после войны свои мемуары, не случайно сетует на это. Дело доходило до курьезов. Шелленберг вспоминает, например, как по линии имперского управления безопасности в одну из организаций, которая подозревалась в сотрудничестве с французской разведкой, было внедрено семь агентов. Через некоторое время по линии Абвера в этой организации были произведены аресты, в том числе были арестованы по подозрению в шпионаже и агенты Главного управления имперской безопасности. Сам Шелленберг признает, что когда он ездил в 1941 году в Стокгольм, за ним следили агенты Канариса.[6] Но и сам Канарис не

без участия сотрудников Главного управления имперской безопасности в 1943 году был отстранен от работы в Абвере и затем в 1945 году казнен, причем его арест был поручен 23 июля 1944 года не кому-нибудь, а именно Шелленбергу.

Рассмотрим теперь, в каких же направлениях развертывалась деятельность Абвера против Советского Союза во время войны и каковы были цели, ради которых гитлеровцы тратили огромные средства на разведку.

Завершающим мероприятием в подготовке к войне было создание в июне 1941 года в системе Абвера штаба «Валли» для руководства всеми видами шпионажа и диверсий против СССР. Штаб «Валли» руководил командами и группами, приданными армейским группировкам для ведения разведывательной и диверсионно-подрывной работы на соответствующих участках фронтов. Он размещался тогда под Варшавой, в местечке Сулеювек и возглавлял его подполковник Шмальшлегер.

Структура штаба «Валли» в целом повторяла структуру Абвера. Отдел «Валли I» осуществлял руководство военной и экономической разведкой на Восточном фронте. Отдел «Валли 2» занимался организацией диверсионно-террористической деятельности в частях Красной Армии в ее тылу. Отдел «Валли 3» руководил контрразведывательной деятельностью против советской разведки партизан и антифашистского подполья на оккупированной советской территории.

Штабу «Валли» подчинялись действовавшие на советско-германском фронте и на оккупированной советской территории разведывательные команды и группы (по линии Абвер-1), диверсионно-террористические команды и группы (по линии Абвер-2) и контрразведывательные команды и группы (по линии Абвер-3).

Команды и группы Абвер-1 занимались сбором разведывательных данных о советской армии и оборонительных сооружениях на участках фронта армейских группировок и армий, которым они были приданы. За время войны на советско-германском фронте действовало шесть разведывательных абверкоманд: 101-я, 102-я, 103-я, 104-я, 105-я, 106-я. В подчинении каждой абверкоманды находилось от трех до шести абвергрупп.

Разведывательные данные команды и группы собирали через забрасываемую в советский тыл агентуру и путем опроса советских военнопленных. Опрос пленных производили официальные сотрудники разведывательных органов и специально завербованные для этой цели агенты из числа предателей, которые одновременно использовались и в качестве вербовщиков. Опросами добывались прежде всего сведения о личном составе и вооружении частей и соединений советской армии, а также представляющие разведывательный интерес сведения о предприятиях оборонной промышленности СССР, о состоянии тыла, коммуникаций, наличии резервных частей, о порядке формирования и

изменениях в документах советских военнослужащих и гражданского населения.

Агентура вербовалась из националистов, антисоветски настроенных военнопленных и местных жителей оккупированных районов. Предпочтение отдавалось предателям, добровольно перешедшим на сторону немцев, подвергавшимся репрессиям со стороны органов Советской власти, а также лицам, давшим нужные показания о частях Красной Армии. Завербованная агентура направлялась в школы и на курсы, действовавшие при командах и группах, и после подготовки забрасывалась в тыл советских частей. Команды и группы, кроме того, получали обученную агентуру из Варшавской, Бройтенфуртской и других разведывательных школ штаба «Валли».

Часть агентуры специальной подготовки не проходила, а в течение 3—5 дней инструктировалась по существу полученного задания, после чего забрасывалась в тыл советских войск. Инструктаж обычно проводил начальник разведывательной группы или специально выделенный для этой цели опытный сотрудник.

Перебрасываемым в тыл советских войск немецким агентам давались разнообразные задания по сбору шпионских сведений об оборонительных сооружениях, наименованиях, численности, дислокации и вооружении воинских частей, о подходящих к линии фронта резервах, о наличии аэродромов, количестве и типах самолетов и т. п.

Перед заброской в советский тыл такая агентура экипировалась в форму советских военнослужащих или гражданскую одежду, снабжалась продовольствием, оружием и фиктивными документами, изготовленными в Абвере, либо отобранными у пленных или собранными на поле боя. Переброска агентов в тыл производилась с самолетов на парашютах или пешим порядком через линию фронта, а при отступлении немецких войск агенты оседали в специально подготовленных для этой цели местах. На самолетах агентура перебрасывалась на расстояния 150—200 километров за линию фронта группами по два-три человека, из которых один был радист. В зависимости от характера задания срок пребывания в тылу устанавливался от одной недели до нескольких месяцев.

Засылка агентов в ближайший тыл пешим порядком происходила обычно ночью, в местах, удобных для скрытого перехода, — на стыках частей, в болотистой и лесистой местности. В целях зашифровки и прикрытия переброски агентов немецкая разведка часто прибегала к различным комбинациям, в частности инсценировала выход из окружения, побег из плена, возвращение после выполнения спецзадания советского командования. Связь с агентурой поддерживалась по радио и через агентов-связников. Для обратного перехода линии фронта агентура

снабжалась паролем, обозначавшим, как правило, наименование разведоргана или фамилию начальника разведоргана.

Возвратившиеся после выполнения задания агенты содержались изолированно от других агентов, подвергались тщательному допросу и проверялись через особо доверенную агентуру. Вызывавшие подозрение агенты направлялись для допроса в органы тайной полевой полиции (ГФП) или в органы политики безопасности и СД.

Руководство военной и экономической разведкой на советско-германском фронте осуществлял начальник отдела штаба «Валли 1» подполковник Баун, который сдался в конце войны в плен к американцам и использовался ими для организации шпионажа против СССР.

Диверсионные команды и группы Абвер-2 занимались вербовкой, подготовкой и переброской агентуры с заданиями диверсионно-террористического, повстанческого и пропагандистского характера. На советско-германском фронте действовало шесть диверсионных команд: 201-я, 202-я, 203-я, 204-я, 205-я и 206-я. В подчинении каждой такой абверкоманды было от двух до шести абвергрупп.

Специально подготовленные диверсанты создавали из изменников Родины различные бандитские группы и националистические формирования для захвата, сохранения от разрушения и удержания до подхода главных сил немецкой армии мостов и прочих стратегически важных объектов в тылу советских войск. Эти же подразделения использовались для войсковой разведки переднего края обороны, захвата «языков», подрыва отдельных укрепленных точек.

Агентура диверсионных команд забрасывалась в тыл советской армии с целью разложения военнослужащих и склонения их к измене. Для этого же распространялись антисоветские листовки, проводилась устная пропаганда на переднем крае обороны при помощи рупоров и радиопередач. Наряду с подрывной деятельностью в тылу советских войск, диверсионные команды и группы вели активную борьбу с партизанским движением.

Агенты экипировались и снабжались документами в соответствии с разработанной легендой. Получали задания по подрыву поездов, железнодорожного полотна, мостов и других сооружений на железных дорогах, идущих к фронту, уничтожать военные и продовольственные склады, совершать террористические акты над офицерами и генералами Красной Армии, партийными и советскими руководящими работниками.

Диверсанты снабжались взрывчатыми веществами и зажигательными средствами в портативной упаковке, замаскированными в противогазах, вещевых мешках, консервных банках, в виде пищевых концентратов и т. д.

Агентам-диверсантам давались и разведывательные задания,

хотя основная их задача состояла в активных акциях. Срок выполнения задания был от трех до пяти дней, после чего агенты по паролю возвращались на сторону немцев. Агенты с заданием пропагандистского характера перебрасывались на более длительный срок. Донесения агентов о произведенных ими диверсиях проверялись.

Начиная с 1944 года команды приступили к подготовке диверсионно-террористических групп для оставления их в тылу советских войск. С этой целью заранее закладывались базы и хранилища с оружием, взрывчатыми веществами, продовольствием и одеждой, которыми должны были пользоваться диверсанты.

Так, например, весной 1944 года Абвер подготовил для заброски на территорию бывшей Калмыцкой АССР специальную десантную часть из числа предателей-калмыков, во главе которой стоял известный немецкий разведчик Верба. На эту часть возлагалась задача объединить действовавшие в Калмыкии мелкие бандитские группы, организовать восстание против Советской власти, проводить крупные диверсионные акты. Абвер планировал также организовать там крупную промежуточную радиостанцию для связи с агентурой, забрасываемой в глубь СССР.

В мае 1944 года самолетом Ю-290 в район поселка Утта (Калмыцкой АССР) была заброшена первая диверсионная группа в составе 24 человек во главе с официальным сотрудником немецкой разведки капитаном Шеллером. Эта группа должна была подготовить необходимые базы для приема личного состава «калмыцкого корпуса» и его последующей деятельности. В июне 1944 года в район расположения группы Шеллера прибыл второй самолет, доставивший людей, деньги и вооружение. Однако попытка немецкой разведки развернуть активные действия и перебросить на территорию Калмыкии «калмыцкий корпус» была сорвана мероприятиями советской контрразведки.

В июле 1944 года в Навлянский район Брянской области абверкомандой 203 была заброшена группа диверсантов из 34 человек с задачей организовать на месте выброски необходимую базу и создать крупную банду. Эта группа была захвачена органами советской контрразведки. Некоторые ее участники были использованы в радиоигре, в результате которой в сентябре 1944 года Абвер дополнительно забросил 15 диверсантов, а в октябре того же года — 12 пропагандистов. Все эти агенты также были задержаны органами госбезопасности.

В период общего наступления советских войск, развернувшегося на всех фронтах Великой Отечественной войны, гитлеровская разведка уделяла особое внимание диверсионной деятельности на коммуникациях Красной Армии. Было принято решение начать в тылу советских войск настоящую диверсионную войну, чтобы деморализовать тыл.

В штабе «Валли» акты саботажа и диверсии на советско-германском фронте возглавляли начальник отдела «Валли-2» майор Зелигер, позже капитан Беккер. Они работали под руководством шефа этой службы в системе Абвера генерала Лахузена.

Контрразведывательные команды и группы Абвер-3, действовавшие на советско-германском фронте в тылу немецких армейских группировок и армий, которым они были приданы, проводили активную агентурную работу по выявлению советских разведчиков, партизан, подпольных работников, а также собирали и обрабатывали трофейные документы. Руководством Абвера было создано пять контрразведывательных абверкоманд: 301-я, 302-я, 303-я, 304-я, 305-я. В подчинении каждой абверкоманды находилось от трех до восьми абвергрупп, которые придавались армиям, а также тыловым комендатурам и охранным дивизиям.

Контрразведывательные команды и группы перевербовывали некоторых задержанных советских разведчиков, через которых проводили радиоигры в целях дезинформации органов советской разведки. Часть перевербованных агентов немецкие контрразведчики забрасывали в советский тыл с целью внедрения в органы МГБ и разведотделы Красной Армии для изучения методов работы этих органов и выявления советских разведчиков, подготавливаемых к заброске в тыл немецких войск.

Каждая контрразведывательная команда и группа имела при себе агентов, завербованных из предателей, зарекомендовавших себя на практической работе. Эти агенты передвигались вместе с командами и группами и внедрялись в создаваемые оккупантами административные учреждения и предприятия. По месту дислокации органа создавалась также агентурная сеть из местных предателей. При отступлении немецких войск эта агентура передавалась в распоряжение разведывательных и диверсионных групп или же оставалась в тылу советских войск с контрразведывательным заданием.

Провокация была одним из более распространенных методов агентурной работы немецкой контрразведки. Так, агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных в тыл немецких войск со спецзаданием, поселялись у советских патриотов, входили в их доверие, давали задания, направленные против оккупантов, организовывали патриотические группы. Затем все эти патриоты подвергались аресту.

С этой же целью из агентов-предателей создавали ложные партизанские отряды, в которые вовлекались честные советские люди, желавшие вести борьбу с оккупантами. Позднее их арестовывали. Для дискредитации партизанского движения лжепартизанские отряды организовывали бандитские налеты, грабили, убивали мирное население и сжигали деревни. Для проведения

карательных операций против советских партизан создавались специальные отряды.

Контрразведывательные команды и группы Абвера свою работу проводили в тесном контакте с органами тайной полевой полиции — ГФП и СД. Они вели агентурное изучение подозрительных с их точки зрения лиц и полученные данные передавали в органы СД и ГФП.

Как видно из немецких трофейных материалов, на советско-германском фронте действовало еще пять команд экономической разведки Абвера, каждая из которых имела от трех до пяти абвергрупп. Добытые материалы группы и команды обрабатывали и направляли в отделение экономической разведки штаба «Валли 1». Команды и группы экономической разведки проводили сбор разведывательных данных о состоянии различных отраслей народного хозяйства Советского Союза путем опроса специалистов, выявленных в лагерях военнопленных или проживавших на оккупированной территории. Опросы вели официальные сотрудники с соответствующей специальной подготовкой. Для более глубокой обработки полученных материалов штаб «Валли» в конце 1943 года создал два особых лагеря, один из которых располагался в Польше, в городе Торн, другой — в Восточной Пруссии в имении Думмельгоф, близ города Николайкена. В этих лагерях содержались специалисты, выполнявшие чертежно-конструкторские работы, а также разрабатывавшие различные технические проблемы. Работы велись в строгом секрете.

Команды и группы экономической разведки, по признанию руководящих работников Абвера, собрали много ценных материалов, однако главной задачи — получения необходимых данных о технико-экономическом состоянии Советского Союза — им решить не удалось.

Военно-политическое руководство фашистской Германии ставило перед своими разведывательными и контрразведывательными органами весьма обширные и далеко идущие задачи. Они должны были еще до начала войны собрать исчерпывающую разведывательную информацию о военном потенциале Советского Союза для планирования войны в целом, а также подготовить в разведывательном отношении первые операции по разгрому Красной Армии. С началом военных действий немецко-фашистская агентура обязана была непрерывно снабжать военное командование данными о советских войсках, а также о работе советской промышленности и транспорта. Кроме того, гитлеровские органы тайной войны нацеливались на то, чтобы путем массовой диверсионной деятельности, организации повстанческих выступлений, саботажа, террора и пораженческой агитации деморализовать наш тыл и тем самым подорвать боеспособность советских войск на фронте.

По имеющимся сведениям, для достижения этих целей гит-

леровцы сосредоточили на советско-германском фронте более 130 разведывательных и контрразведывательных органов, создали около 60 специальных школ по подготовке агентуры. Гитлеровские генералы рассчитывали, что это даст им возможность базировать свое вероломное нападение на точном знании военно-промышленного и политического потенциала Советской страны. Но в войне с Советской страной шпионская стратегия фашизма потерпела крах. Как карточный домик, рухнули надежды гитлеровцев на «пятую колонну», на «слабость» тыла, на «щели» в нашем общественном и государственном строе. Все происки немецко-фашистской агентуры разбивались о единство советского народа, его любовь к своей Родине, высокую революционную бдительность, о мужество и стойкость советских чекистов.

НАЦИСТСКИЙ ШПИОНАЖ И ДИВЕРСИИ В ЭСТОНИИ В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

Молодая Советская Эстония лишь вступила на путь построения социализма, когда мирный труд советских народов был прерван вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз. В военной обстановке активизировалась антигосударственная деятельность классово враждебных элементов, мечтавших о восстановлении капиталистических порядков. Оживилась диверсионно-шпионская деятельность агентуры фашистской разведки, специально подготовленной на случай войны еще в период буржуазной власти в Эстонии.

Ни в одной европейской стране, пожалуй, германская разведка не запустила свои щупальца так глубоко, как в буржуазной Эстонии. Можно без преувеличения утверждать, что государственный механизм довоенной Эстонии был опутан сетями шпионажа и измены, а многие эстонские буржуазные деятели являлись прямыми или косвенными пособниками германской разведки.

Интересные сведения о связях ряда бывших офицеров эстонской буржуазной армии с фашистской разведкой были обнаружены в архиве службы безопасности Германии. Так, в одном из отчетов указывается: «Офицеры эстонской армии, бежавшие в Германию, находятся под покровительством управления «Абвер — заграница». Полковник Маазинг, являвшийся на протяжении многих лет руководителем эстонской военной разведки, за полгода до присоединения Эстонии к СССР был назначен на должность заместителя начальника генерального штаба эстонской армии. Находясь в Германии, был постоянно связан с Абвер-1. Время от времени он выезжал за границу и по возвращении представлял Абверу доклады о виденном и слышанном. В конце 1941 года Маазинг выехал в Швецию и оттуда не возвратился.

Он разведчик до мозга костей и другой работы не имел. Никакими капиталами не располагал, однако, находясь в Швеции, жил на широкую ногу. Исходя из этого было высказано предположение, что он работает на какую-то разведку, которая платит ему хорошие деньги. Зная хорошо самого Маазинга и его отношение к Германии, Пиккенброк в беседах со своими сотрудниками не допускает, чтобы Маазинг стал работать против Германии, т. е. что он мог перейти на службу разведок Англии, США или СССР. Проверкой удалось установить, что Маазинг работает с разведкой союзного Германии государства — Японии, которая всегда очень хорошо оплачивает своих агентов. Было установлено, что ранее Маазинг поддерживал связь с японским военным атташе в Германии генералом Осхима. В Швеции Маазинг оказывал также определенные услуги доктору Грефе из зарубежной разведывательной службы СД.

Полковник Саарсен, ставший начальником эстонской военной разведки после Маазинга, проживая в Берлине, представлял донесения о становившихся ему известными фактах, которые представляли интерес главным образом для управления «Абвер — заграница». Когда германские войска вошли в Эстонию, Саарсен был направлен туда и под руководством Целлариуса занимался разведкой и контрразведкой против Советского Союза.

Бежавший из Эстонии капитан Кристиан, работавший в эстонской разведке в качестве руководителя разведывательного отделения, поселился в Финляндии. Там он был принят на работу в финскую разведку и зачислен на службу в финскую армию с сохранением имевшегося у него офицерского звания. Из Финляндии Кристиан посылал нам интересные сведения, касающиеся не только Советского Союза, но и относящиеся к другим странам. В прошлом, когда в Берлин приезжали представители эстонской военной разведки для обмена информации с Абвером, в их числе начиная с 1936 года всегда находился также и Кристиан, благодаря чему я и сумел тогда с ним познакомиться».

В 1940 году и первом квартале 1941 года советские органы госбезопасности нанесли ряд чувствительных ударов по осевшей в Эстонии немецко-фашистской агентуре. Были вскрыты и обезврежены многие гитлеровские резидентуры и разоблачено немало немецких шпионов. Чекисты в этот период ликвидировали также многие подпольные антисоветские организации и группы: «Легионерское движение востока», «Комитет спасения», «Эстонская военно-разведывательная организация» и другие подобные формирования, являвшиеся опорой разведывательных служб фашистской Германии.

И все же, несмотря на принятые меры, нашим органам государственной безопасности к началу войны не удалось в полной мере очистить Советскую Эстонию от немецко-фашистских шпионов и диверсантов. Большая часть фашистской агентуры про-

должала наносить ощутимые удары и была разоблачена значительно позднее.

С октября 1939 года по 22 июня 1941 года в Прибалтике и на всей советско-германской границе была развернута значительная сеть фашистских разведывательных подразделений, которые начали массовую засылку в тыл своей агентуры. Главная роль в этом отводилась военной разведке Германии — Абверу.

Гитлеровское военное командование рассматривало Эстонию как один из первостепенных объектов своей агрессии. На действовавшие здесь разведывательные органы командование возложило задачу добывать необходимую информацию для армейской группировки «Норд», перешедшей 22 июня 1941 года границу СССР. Напомним, что группа «Норд» должна была полностью уничтожить войска Красной Армии, отступавшие из Литвы, Латвии и Эстонии, овладеть портами Прибалтики, а также Ленинградом, Кронштадтом с последующим выходом восточнее Ленинграда на соединение с войсками Финляндии. Группу армий «Норд» возглавлял крупный фашистский военачальник — фельдмаршал фон Лееб. В ее состав входила 16-я армия генерал-полковника Буша, 18-я армия генерал-полковника Геппнера и 1-й воздушный флот генерал-полковника Келлера, т. е. около трети сил и средств армии вторжения на территорию Советского Союза.

С началом войны деятельность немецко-фашистской разведки была целиком подчинена обеспечению успеха боевых действий германских войск. В тыл Красной Армии было заброшено большое количество агентов, заблаговременно подготовленных на случай войны. «В распоряжение немецких армий, — говорилось в докладной записке Канариса от 4 июля 1941 года, — направлялись многочисленные группы агентов из коренного населения, то есть из русских, украинцев, грузин, финнов, эстонцев и т. п. Каждая группа насчитывала 25 (или более) человек. Во главе этих групп стояли немецкие офицеры. Группы использовали трофейное русское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50—300 километров перед фронтом наступающих немецких армий с тем, чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений. Обращалось особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником».[7]

После начала войны против Советского Союза Целлариус совместно с белофиннами развернул активную работу по созданию шпионско-диверсионных групп. Группы формировались из проживавших в Финляндии эстонских националистов и перебрасывались в тыл Красной Армии для захвата стратегически важных пунктов и организации бандитского движения в Эстонии. Из числа эстонских националистов в формировании таких

шпионских групп участвовали Макс Гоффман, Аксель Кристиан, Ральф Хорн, Антс-Хейно Кург и другие.[8] Первая шпионско-диверсионная группа была создана Целлариусом и заброшена на территорию Эстонии под руководством бывшего полковника буржуазной армии Курга.[9] Названа эта группа была «Эрна» (Unternehmung Erna). В нее вошли 14 шпионов, окончивших разведкурсы в местечке Секе, и 70 человек из числа бывших военнослужащих эстонской буржуазной армии. Отплытие в Эстонию с побережья Финляндии началось 7 июля 1941 года. Первые 40 человек во главе с Кургом на трех катерах благополучно достигли берега Эстонии в районе местечка Кабернээме Харьюского уезда. Перед этой группой была поставлена задача осуществлять шпионско-диверсионную деятельность по шоссейным и железнодорожным магистралям в тылу Красной Армии. Для поддержания связи с центром группа имела две радиостанции. Оставшийся в Финляндии состав, ввиду невозможности пробиться по морю, был пополнен новыми людьми, разбит на подгруппы и выброшен в Эстонию на самолетах. Группа «Эрна-А» выброшена самолетом 22 июля 1941 года в районе Вируского уезда с задачей вести шпионаж за передвижением частей Красной Армии по шоссейным и железным дорогам. Группа «Эрна-В» выброшена в тот же день в районе волости Равила Харьюского уезда с задачей вести наблюдение за передвижением частей 8-й армии и за работой железнодорожной магистрали Тапа—Таллин. Группа «Эрна-Ц» выброшена 21 июля 1941 года в районе Таллина с заданием вести наблюдение за работой на оборонительных рубежах Красной Армии вокруг Таллина. Группа «Эрна-Д» выброшена 22 июля 1941 года в районе Харьюского уезда с аналогичным заданием. Все четыре группы были снабжены радиостанциями. Впоследствии к этим шпионским группам присоединились участники националистических банд. Шпионы и бандиты из группы «Эрна» жестоко расправлялись с местным партийно-советским активом и военнослужащими Красной Армии. Совершая свои коварные террористические налеты на представителей Советской власти и убивая советских людей, участники этого формирования зачастую, как знак своей особой жестокости, вырезали на теле жертвы букву «Е» и оставляли на месте преступления окровавленный финский нож.[10]

С началом войны шпионско-диверсионные группы забрасывались в Эстонию и непосредственно с территории Германии. В конце июня 1941 года из Германии самолетом на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Выруского уезда была заброшена шпионская группа, которую возглавлял бывший собственник мызы Рогози капитан Курт фон Глазенапп, незадолго до начала войны выехавший из Эстонии в Германию. Глазенапп активизировал деятельность бандитского подполья Выруского уезда. По

требованию Глазенаппа немцы произвели выброску оружия и боеприпасов. Ему удалось установить связь с бандитскими группами, скрывавшимися на территории Тартуского уезда В бандитские группы были влиты шпионы-радисты Глазенаппа, которые поддерживали регулярную связь со своим центром.[11]

В первых числах июля 1941 года была произведена выброска разведывательно-диверсионной группы немцев в волость Тали Пярнуского уезда, которая сразу же установила связь с подпольем эстонских буржуазных националистов. По рации было сообщено немецкому командованию о необходимости вооружения бандитских элементов волости Тали, и немцы тут же сбросили им 27 винтовок, 2 легких пулемета, 2 снайперские винтовки и 7000 патронов. После захвата гитлеровскими войсками волости Тали бандиты направили в Ригу своих представителей и получили от оккупантов дополнительно 160 винтовок.[12]

Помимо других разведывательно-диверсионных групп, забрасывавшихся на территорию Эстонии немецкой военной разведкой, здесь активно действовали также агенты Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА).[13] Фашистские главари возлагали на органы Главного управления имперской безопасности задачи по физическому истреблению неугодных им элементов. В целях осуществления этих преступных планов на советскую территорию заранее забрасывалась агентура полиции безопасности и СД, специально подготовленная для карательной деятельности. Перед агентурой полиции безопасности была поставлена задача выявить коммунистов, комсомольцев, руководителей местных советских органов и общественный актив. Для массового и планомерного истребления патриотов заранее составлялись списки жертв. В этих целях использовалась и уточнялась «Особая розыскная книга для СССР», а также так называемый «Справочный лист по установлению местожительства», справочник «Балтийские страны» (с планами городов) и другие материалы. В зоне боевых действий на территории Эстонии полицейская агентура при активном содействии бандитского подполья участвовала в налетах на волисполкомы, служебные здания различных ведомств, помещения партийных органов, где могли быть документы, архивы и другие материалы.

Когда Советская Эстония оказалась полностью оккупированной гитлеровскими полчищами, здесь были созданы и стали действовать многие разведывательные органы фашистской Германии. Особо следует назвать такие органы военной разведки, как «Абвернебенштелле Ревал», абверкоманды 102-я, 166 М, 204-я, 304-я, 151 ВИ; абвергруппы 111-я, 112-я, 206-я, 210-я, 211-я, 212-я, 311-я, 312-я, 313-я, 317-я, 319-я, 326-я; разведывательно-диверсионные школы Абвера в городе Валга, в местечке Вана-Нурси недалеко от Выру, в местечке Вихула, в бывшем имении барона Шуберта, в мызе Кумна в 22 километрах от Таллина, в

местечке Кейла-Йоа, в местечке Лээтсе в пяти километрах от города Палдиски.

Шпионскую деятельность против Советского Союза активно развернула с территории оккупированной Эстонии и немецкая полиция безопасности и СД.

Ведя тяжелые бои, наши войска под нажимом превосходящих сил противника вынуждены были отступать. Враг вторгся в пределы Ленинградской области. Возникла непосредственная угроза Ленинграду. Созданные в оккупированной Эстонии разведывательные органы предприняли попытки перенести свою деятельность на территорию Ленинграда, Ленинградской, Архангельской областей и Советской Карелии.

ТАЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБВЕРА В ОККУПИРОВАННОЙ ЭСТОНИИ

Особую активность проявлял разведывательный и контрразведывательный орган Абвера, именовавшийся «Абвернебенштелле Ревал», сокращенно — «АНСТ Ревал», который действовал под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев», или «Бюро Целлариуса».

Размещался разведорган по ул. Койдула, в домах 3 и 14.

Формально «АНСТ Ревал» был подчинен «Абверштелле Остланд», но фактически всю работу вел самостоятельно, в контакте с командами и группами военной разведки немецкой армейской группировки «Норд». Этот орган вел вербовку, обучение и переброску разведывательной и диверсионной агентуры за линию фронта, организовывал десантные группы, действовавшие на побережье Балтийского моря и Ладожского озера и на островах Финского залива. Одновременно он занимался контрразведывательной работой в оккупированной немцами Эстонской ССР.

В подчинении «АНСТ Ревал» находился пункт авиационной разведки — «Реферат люфт» в Таллине и пункт морской разведки — «Реферат марине», дислоцировавшийся сначала в местечке Дудергоф и в городе Красное Село Ленинградской области, а с февраля по сентябрь 1944 года — в городе Кохтла-Ярве.

«Реферат марине» собирал шпионские сведения о Балтийском флоте и о состоянии береговой обороны Ленинграда и Кронштадта.

Летом 1944 года в «АНСТ Ревал» была создана морская разведывательная команда, именовавшаяся абверкомандой 166 М, возглавлял ее корвет-капитан Линнеберг. Ей подчинялся филиал в Кохтла-Ярве. Команда вела разведывательную работу против частей Красной Армии, военно-морского и торгового

флота на побережье Балтийского моря и Финского залива. Она забрасывала в советский тыл агентов, подготовленных в разведшколе Кейла-Йоа.

Переброска агентуры, как правило, проводилась группами по 3—5 человек на катерах и гидросамолетах. При отступлении немецких войск агентуру оставляли в советском тылу. Связь с агентурой поддерживали по радио. Для возвращения агентура получала пароль «Либава».

До сентября 1944 года команда находилась в Таллине, а затем выбыла в Данциг, где была переформирована и направлена в местечко Бальга, расположенное в 30 километрах западнее Кенигсберга.

«Реферат люфт» производил разведку и фотографирование с самолетов объектов, намеченных для диверсий, проверял результаты совершенных диверсий, поддерживал связь с воздушной разведкой фронтовых частей. Реферат имел несколько самолетов.

Во время дислокации в Кохтла-Ярве (февраль-сентябрь 1944 года) «Реферат марине» проводил активную работу по вербовке агентуры из числа только что захваченных военнопленных, перебрасывая их после короткой подготовки в расположение частей Красной Армии. На месте из эстонских националистов готовилась агентура для оседания на освобождаемой советскими войсками территории.

«АНСТ Ревал» располагал сетью радиостанций. Мощная станция, условно именовавшаяся «Пагар», для связи с подчиненными и вышестоящими органами была в служебном помещении АНСТ.

По ул. Константина Пятса, 20 находилась радиостанция, куда привозили для проведения радиоигр захваченных советских парашютистов.

Кроме того, на окраине Таллина — в Ласнамяэ и на площади Победы в доме ЭККА размещались радиопеленгаторные станции Абвера. Для десантных операций «АНСТ Ревал» имел самоходные баржи, буксиры, мотокатера и штурмботы.

В распоряжении АНСТ были вещевой, продовольственный и оружейный склады, а также сапожная и портняжная мастерские, снабжавшие агентуру и официальных сотрудников АНСТ обмундированием, снаряжением, продовольствием и оружием.

АНСТ подчинялись школы разведчиков и диверсантов в местечках Кумна, Лээтсе и Кейла-Йоа ЭССР. До конца 1943 года в них было подготовлено около 150 агентов.

В марте 1943 года из этих агентов был сформирован и направлен на передовую линию фронта под Ораниенбаум сводный десантный отряд в количестве 80 человек, условно названный «Оран».

Здесь отряд в течение двух месяцев готовился к десантным

операциям: проводил практические занятия по высадке с штурмботов, занимался строительством оборонительных сооружений. Специально выделенный взвод агитаторов вел по радио антисоветскую пропаганду, склоняя бойцов Красной Армии к переходу на сторону немецких войск.

В начале 1942 года работавший в «АНСТ Ревал» майор Кристиан подобрал специальную группу из 13 агентов, завербованных из спортсменов, принимавших активное участие в вооруженной борьбе против Советской власти и владевших русским языком. Группа проходила подготовку в течение нескольких месяцев в Таллине, а затем в местечке Вазен Карело-Финской ССР.

Во время обучения каждому агенту выплачивалось 210 немецких марок в месяц; их семьи обеспечивались карточками и продовольственными пайками.

Большое внимание при обучении уделялось физической подготовке агентов и ориентировке в лесистой местности. Разведчики тренировались в стрельбе и хождении на лыжах в дневное и ночное время при любой погоде; изучали топографию, русский язык, радиодело; прослушали ряд лекций о структуре Красной Армии и методах сбора разведывательных сведений, знакомились с аппаратом для подслушивания телефонных разговоров, изучали взрывчатые вещества.

Осенью 1942 года эти агенты были выброшены с самолета в Каношском районе Архангельской области для выполнения шпионских и диверсионных заданий. Группа была ликвидирована органами МГБ, о чем будет сказано позднее.

«Абвернебенштелле Ревал» следил за продвижением своих агентов на советской территории и систематически сбрасывал им в условленные по радио пункты продовольствие, боеприпасы и одежду. Одновременно сбрасывалась в особых пакетах взрывчатка и яд для отравления розыскных собак.

В составе АНСТ была специальная картографическая группа, располагавшая картами Ленинграда и Ленинградской области. Все добытые АНСТ данные об укреплениях, минных полях, стоянках судов, аэродромах и др. наносились на карты и передавались немецкому командованию.

Контрразведывательная работа «АНСТ Ревал» в основном была сосредоточена в Таллинском порту, в лагерях советских военнопленных, на сланцевых разработках и связанных с ними предприятиях.

В одной из докладных записок «Абвернебенштелле Ревал» в конце 1943 года о контрразведывательной работе в Эстонии указывалось: «Кроме активных действий агентов-парашютистов из России, других случаев шпионажа за отчетный период не наблюдалось, хотя можно подозревать, что иностранная разведка, особенно англо-американская, попытается укрепиться в Эстонии

путем использования оживленных нелегальных связеи с Финляндией. Соответствующие меры по линии разведки и контрразведки предприняты. Находившаяся в Эстонии в июле 1942 года шведская делегация, имевшая своей целью посетить проживающих в Эстонии шведов и обеспечить их предметами первой необходимости, привезла с собой письма примерно для 1000 эстонских шведов. Проверка писем цензурой показала, что в письмах имелись крупные суммы в иностранной валюте, а также сообщения из Швеции.

По линии Абвера осуществлялся контроль за переселением ингерманландцев из северных областей в Эстонию. Никаких особых инцидентов замечено не было. На военных предприятиях и предприятиях военного значения продолжали насаждать уполномоченных Абвера.

В конце июня 1943 года состоялось совещание уполномоченных Абвера, которым читались инструктивные доклады об их задачах. В тесном сотрудничестве с дирекцией имперских железных дорог была создана широкая агентурная сеть.

Усиление охраны предприятий и ее единая система, особенно в районах разработок горючих битуминозных сланцев, препятствовала проведению там крупных диверсий и шпионажа».

По линии контрразведки АНСТ активно использовал созданную при нем «эстонскую группу», куда входило до 100 резидентов и агентов, возглавляемых офицерами разведотдела бывшей эстонской армии — капитаном Кальмусте, полковником Якобсоном, полковником Саарсеном, морским капитаном Хольдом. Подполковник Айн возглавлял резидентуру в г. Хаапсалу. В выявлении советской агентуры использовались также вооруженные отряды «Омакайтсе».

В Таллине «АНСТ Ревал» располагал многими конспиративными квартирами, где происходил прием агентуры и доверенных лиц.

В связи с отступлением немецких войск основной состав «АНСТ Ревал» в начале сентября 1944 года эвакуировался в Берлин, а остальные сотрудники в составе абверкоманды-166 М выбыли в Восточную Пруссию.

В «Абвернебенштелле Ревал» специальная группа сотрудников занималась анализом прессы, выходившей на оккупированной Эстонии, вела учет сбрасывавшихся советских листовок и анализировала степень их влияния на население. В отчете этой группы за 1943 год, например, указывается: «В отчетном году над Эстонией разбрасывались советские листовки на немецком, эстонском и русском языках.

В период зимних месяцев 1942—1943 годов вражеская пропаганда была очень активной. При сравнении было установлено, что преобладают листовки на эстонском языке. В листовках содержится обращение к молодежи, а также к эстонским трудя-

щимся. В них они подстрекаются к созданию бандитских групп, к саботажу и к террористическим актам.

Большое место в листовках отводится чисто эстонским событиям; печатаются стихотворения бежавших эстонских поэтов. В основном они апеллируют к национальной гордости эстонцев и подстрекают против всего того, что является немецким. Особенно резко говорится о господстве немецких рыцарей. В листовках сообщаются цифры потерь держав оси, а также помещаются сообщения о победах большевиков и их союзников. В листовках большевики рассказывают о их якобы неисчерпаемых ресурсах, пытаясь доказать этим, что Германия никогда не сможет победить.

До января 1943 года были отмечены многочисленные случаи слушания радиопередач противника. В период с февраля по апрель 1943 года было отмечено особое увеличение количества подобных фактов. Это объясняется попытками населения узнать из радиопередач противника о положении на Восточном фронте. Из донесений видно, что население слушает русские радиостанции. Случаи слушания английских передач не установлены».

Другим центром военной разведки Германии, активно действовавшим во время войны с Советским Союзом с территории оккупированной Эстонии, была абвергруппа-326. Она размещалась в Тарту под видом команды войск связи. Некоторое время группа дислоцировалась в Пайде. Ее начальником был капитан Хельмут Дамерау. Группа вела активную контрразведывательную работу на территории Эстонии. Заместителем начальника абвергруппы-326 был лейтенант Вернер Редлих, ставший ее начальником уже на территории Германии в марте 1945 года. Вот что рассказывает он об этом: «До прибытия абвергруппы-326 в Эстонию ее функции выполнял «Абвернебенштелле Ревал», откуда мы получали все учеты по линии «Реферата III Ф» (закордонная контрразведывательная служба, внедрявшая свою агентуру в разведывательные органы противника — *Л. Б.*). При «Абвернебенштелле Ревал» остались все остальные рефераты, в том числе и контрразведка в промышленности, в лагерях военнопленных, в армии, порту Таллин и т. д. В работе мы опирались на существовавшие во всех уездах Эстонии вооруженные отряды «Омакайтсе». Эти отряды являлись главным фактором в борьбе с советскими разведчиками, парашютистами и партизанами. Располагаясь по хуторам всей Эстонии, вооруженные люди из «Омакайтсе» сообщали своему начальству все ими замеченное и при малейшем подозрении прочесывали леса. Офицеры разведки при штабах полков «Омакайтсе» имели своих доверенных и особо благонадежных лиц, через которых они получали необходимые сведения. Все эстонские офицеры, проводившие эту работу в штабах уездных «Омакайтсе», регулярно присылали в наше распоряжение доклады. В них отражались сведения не

только о лицах, подозреваемых в связях с советскими разведорганами, но и содержались данные о событиях отрицательного отношения местных жителей к немецким оккупационным властям. Мы охотно принимали такие сведения, тем более, что штат у нас был небольшой. В абвергруппе-326 всего было по штату 29 человек: начальник, два офицера, три переводчика в унтерофицерском чине и два радиста. Остальные выполняли техническую и вспомогательную работу. Агентурной работой занимались только офицеры. Функции абвергруппы-326 сводились к следующему: 1) поимка и разоблачение советской агентуры, направленной в наш тыл; 2) захват партизан и разоблачение среди них советской агентуры; 3) выявление замыслов противника на нашем участке фронта; 4) ведение радиоигр и выявление интересов того разведывательного органа, которым агент был заброшен; 5) анализ материалов и информация вышестоящих инстанций по документам, представляющим интерес для разведки, которые захвачены передовыми частями армии.

В городе Тарту, кроме нашего органа, находилось отделение СД и ГФП, в задачу которых также входила борьба с советской агентурой. В связи с этим порядок наших действий был таков, что мы работали совместно. Каждого задержанного советского агента полагалось допрашивать по всем линиям. Если советский агент задерживался частями «Омакайтсе», то офицер контрразведки «Омакайтсе» ставил в известность Дамерау или меня по телефону. Мы организовывали доставку задержанного в абвергруппу и допрашивали его, а затем передавали в распоряжение СД. После того, как его допрашивали там, мы вновь получали задержанного в свое распоряжение и определяли, следует ли его оставить при абвергруппе или передать в ГФП для приговора. Такой же порядок существовал, если мы сами производили задержание. При захвате парашютиста органами СД, ГФП или полицией, первый допрос снимали эти органы и лишь после этого допрашивали мы.

Сразу после задержания и допроса таких лиц мы направляли сообщение в абверкоманду-304, которая с июня 1942 года до февраля 1944 года размещалась во Пскове. В сообщении указывалось название органа, которым произведена выброска, задание и все прочие данные, связанные с фактом захвата агента. В абверкоманде-304 имелась специальная карта, на которой по полученным из абвергрупп сообщениям отмечались замыслы противника. Эта карта регулярно докладывалась командованию армейской группировки «Норд». Руководители абверкоманды-304 хорошо знали обстановку в Эстонии, так как сама эта команда в сентябре-ноябре 1941 года размещалась в Таллине, а затем до июля 1942 года — в Печорах. Тогда она именовалась абверкомандой-3 Ц армейской группы «Норд». Именно руководители этой команды, с учетом местных условий и возможностей,

выработали специальную инструкцию по задержанию, допросу и обработке задержанных в Эстонии советских разведчиков. Мы действовали в соответствии с этой инструкцией».

Характерно, что в первые месяцы войны командование северной армейской группировки не придавало особого значения сведениям агентурной разведки, так как в его распоряжении имелось тогда большое количество пленных и трофейных документов, достаточно полно характеризовавших положение на участках фронта. Предпочтение в этот период времени отдавалось диверсионной деятельности. Однако когда наступление замедлилось и затем совсем приостановилось, возникла необходимость глубокой агентурной разведки советских частей, противостоящих 16-й и 18-й немецким армиям. Фельдмаршал Лееб, генерал-полковник Буш и генерал-полковник Кюхлер потребовали от Абвера активизации работы по всем линиям. В январе 1942 года Канарис провел в Риге специальное совещание фронтовых абверкоманд армейской группы «Норд», на котором присутствовали также его ближайшие помощники Пиккенброк и Бентивеньи. Руководителям абверкоманд было предложено всемерно активизировать работу абвергрупп по агентурному проникновению в части Красной Армии, в военные и важные хозяйственные объекты тыла. Особое внимание было обращено на Ленинград. Из Риги Канарис прибыл в Таллин, где инспектировал «Абвернебенштелле Ревал» и другие органы. Через месяц Канарис, Пиккенброк и Бентивеньи повторили инспекционную поездку по абверкомандам и частям северной армейской группировки.

В соответствии с полученными указаниями разведывательная абвергруппа-111 в январе 1942 года начала использовать квалифицированную агентуру из числа предателей, подготовленную в разведшколе Валга. Результаты разведки тщательно перепроверялись. С этой целью в один район с аналогичными заданиями направлялось несколько шпионских групп. Активизировала свою работу и абвергруппа-112, которая дислоцировалась на территории Вируского уезда в местечке Риканди. Она занималась разведывательной деятельностью в ближнем тылу Ленинградского, Волховского, а позже 3-го Прибалтийского фронта. В тех же целях в октябре 1943 года в Таллин из Киева была переброшена разведывательная абверкоманда-102. Через некоторое время она перебазировалась в мызу Кумна, где функционировала специальная школа по подготовке шпионов. Здесь она размещалась до июля 1944 года. На абверкоманду экономической разведки ВИ/151 с начала 1942 года возлагалась задача ускорить опрос военнопленных, содержавшихся в Валга (лагерь № 110), Вильянди (лагерь № 375), Тапа (лагерь № 154), Кохтла-Ярве (лагерь № 377). Специальное отделение для этого было создано в Тарту. Его возглавлял зондерфюрер Кроль. Сотрудники этого

отделения участвовали в вербовке агентуры из числа военнопленных для других служб Абвера.

Любопытные сведения о работе разведорганов Абвера на участке фронта армейской группы «Норд» содержатся в одном из отчетов, написанном в декабре 1941 года. В нем в частности говорится: «Сразу после вторжения германских войск в Прибалтику мы приступили к подбору агентов не только из числа местных жителей, но и из захваченных в плен военнослужащих Красной Армии и моряков Красного флота. На вербовку многие из них шли охотно, но было трудно распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или же намеревались таким путем снова вернуться в ряды Красной Армии, а возможно, просто не желали оставаться в лагере военнопленных. Для подготовки агентов были организованы разведывательные школы, где проходили и сейчас проходят подготовку большие группы согласившихся на работу пленных и офицеров армий Прибалтийских государств. Мы отдаем себе отчет в отрицательной и опасной стороне подготовки агентов в школе, но мы не имеем достаточного количества офицеров Абвера и переводчиков, чтобы проводить подготовку агентов в индивидуальном порядке. Программа обучения в школах по линии «Валли 1» состоит из общей военной разведывательной подготовки, умения распознавать штабы, воинские части, виды оружия, умения составлять донесения, правил поведения при проверке документов, политических занятий, правил маскировки и поведения после выполнения задания.

Многие агенты после переброски никаких донесений нам не представили. Причины их молчания для нас остаются неизвестными. Явились ли они добровольно с повинной к советским властям, были ли арестованы или же вышли из строя их рации — неизвестно.

Заброска агентов производилась: 1) на самолетах, посредством прыжка с парашютом, причем получить от командования самолет порой было делом трудным. Правильнее было бы сажать в самолет по одной группе агентов — 2—3, чтобы группы не знали друг друга, но нехватка самолетов заставляла нас сбрасывать с одного самолета несколько групп разом; 2) путем незаметного приставания агентов к отступающим русским частям. Заброска таким способом агентов на трофейных автомашинах встречала затруднения, потому что воинские части не хотели отдавать нам исправные трофейные автомашины, а направление агентуры на велосипедном транспорте не могло быть произведено, потому что у Красной Армии их нет. Трудно было также выбрать подходящий момент, чтобы незаметно пристать к отходящим русским войскам; 3) пешим порядком через линию фронта во время позиционной войны и для разведки ближнего тыла.

Самые надежные сведения мы, однако, получали от агентуры, заранее приобретенной в Литве, Латвии и Эстонии. Наилучшего успеха добились местные националисты, которые проживали в районе расположения советских войск и не были скомпрометированы дружественными отношениями к национал-социалистам и общением с немцами. Для заброски таких людей в советский тыл требуется безупречная экипировка — форма, знаки различия, снаряжение, соответствующие документы и хорошее знание русского языка. Как показал опыт, на успех можно рассчитывать тогда, когда в школе или абверофицеру, ведущему подготовку агента, будет предоставлено достаточно времени для подготовки и обучения агента и когда сам офицер имеет достаточный опыт в работе. В 16-й и 18-й армиях такие возможности часто отсутствовали, а офицеры торопились иметь результаты».

Исходя из требования командования армейской группировки «Норд», новые задачи получили также и существовавшие в оккупированной Эстонии диверсионные подразделения Абвера. Планы диверсий стали разрабатываться на основе новых военных задач и путем детального анализа разведывательной информации. При этом взвешивались и оценивались данные о потенциале ресурсов противника, доступных для диверсии и саботажа. В этот потенциал включалось сырье, источники энергии, важнейшие промышленные предприятия, транспорт и связь. Каждый известный объект рассматривался отдельно, примерно так же, как рассматривались объекты бомбежки командованием приданного северной армейской группировке 1-го воздушного флота. Кардинальным правилом стало, что в диверсионных операциях конкретный исполнитель мог знать только то, что было непосредственно связано с его задачей. Больше стало обращаться внимания на идеологическую и политическую обработку кадров. Диверсантам постоянно внушали, что их разрушительная деятельность преследует благородные цели. Руководители Абвера исходили из того, что диверсия, если ею заниматься активно в течение долгого времени, может уничтожить в человеке совесть, пробудить в нем чувства, оправдывающие ее методы. Люди, в течение долгого времени привыкшие к такой деятельности, будут склонны верить в то, что цель оправдывает применяемые ими средства. Организаторы диверсионно-разведывательной работы стали делать все, что могли, чтобы отобрать наиболее подходящих людей и дать им тщательную подготовку для успешного выполнения специальных заданий.

Действовавшая при армейской группировке «Норд» диверсионная абверкоманда-204, которую возглавляли полковники Эшвигер, Мутрайт и майор Реннеке, усилила диверсионно-разведывательную работу против Ленинградского, а затем Прибалтийского фронта.

При 4-й немецкой танковой армии действовала диверсионная

абвергруппа-206, переброшенная в Эстонию в конце 1943 года. Здесь она до отступления немцев из Эстонии располагалась в Эраствере, а затем в Выру и Вильянди. Эта абвергруппа готовила агентов непосредственно по местам ее дислокации. Переброска агентов осуществлялась, как правило, пешим порядком. Летом 1944 года она стала создавать из числа эстонских националистов, пособничавших оккупантам, вооруженные банды для подрывной деятельности в тылу Красной Армии на случай отступления немецких войск из Эстонии. Работу по созданию банд возглавляли капитан Мишелевский, лейтенант Броя и лейтенант Рамдор. Такой же деятельностью занималась и абвергруппа-211, передислоцировавшаяся в Пярну в январе 1944 года. На территории Пярнуского уезда она стала создавать тайные склады с оружием и вербовать агентуру для совершения диверсий и террористических актов в тылу советских войск. Из диверсионных подразделений, занимавшихся подготовкой и обучением своих людей в оккупированной Эстонии, следует указать еще абвергруппу-210, представители которой также вербовали агентуру в лагерях военнопленных в Таллине и Вильянди, а также абвергруппу-212, с октября 1941 года по апрель 1943 года располагавшуюся в Вихула.

Абвергруппа-212 обучала свою агентуру в различных диверсионных школах, находившихся на территории Прибалтики. Такая школа существовала и по месту дислокации группы в Вихула. Здесь одновременно обучалось до 50 диверсантов и 15 радистов. Обучение продолжалось 2—3 месяца. В ходе обучения шпионы комплектовались в группы по 4—8 человек. В каждую группу включался радист. Окончившие школу направлялись в Таллин, Ригу, Псков, где размещались на конспиративных квартирах, получали задание, фиктивные документы и соответствующую экипировку, выбирали и отрабатывали легенду, под прикрытием которой должны были действовать в тылу советских войск. Выброску агентов на задание осуществляла абверкоманда-204. Подготовленные в Вихула агенты специализировались на совершении диверсионных актов на железнодорожных коммуникациях, питавших фронты северного направления, и сборе разведывательных данных о дислокации воинских частей, аэродромов и складов горючего.

Надежды, которые, казалось, подавали диверсии и саботаж, однако не оправдались. Гитлеровским диверсантам так и не удалось причинить серьезного ущерба войскам Ленинградского фронта, хотя отдельные из них все же проникли в войска и в осажденный город и пытались наносить удары в спину Красной Армии.

Всем действовавшим на советско-германском фронте органам Абвера была присвоена следующая нумерация: разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101 и выше;

команды и группы экономической разведки — от 150 и выше; диверсионные команды и группы — от 201 и выше, и контрразведывательные — от 301 и выше.

Войсковые разведывательные отделы штабов армий, корпусов и дивизий («1 Ц»), проводившие разведывательную работу против советских войск, формально не подчинялись Абверу, но действовали в тесном контакте с ним и по единому плану. Во взаимодействии с Абвером работал на советско-германском фронте и отдел «Иностранные армии — Восток» генерального штаба фашистских войск, которым в то время руководил полковник, затем генерал Гелен.

Контрразведывательная деятельность Абвера в широком смысле являлась отраслью разведывательной деятельности. На оккупированной фашистами территории Эстонии ее проводили: абверкоманда-304 и абвергруппы 311-я, 312-я, 313-я, 317-я, 319-я, 326-я. В своей работе они не были стеснены никакими законами. Для получения положительных результатов им разрешалось вести свои дела любыми методами, причем работали они в тесном контакте с органами СД. Считалось, что наиболее результативным из всех методов является внедрение или приобретение своего человека в партизанских отрядах, патриотических группах и разведывательных органах Советского Союза. Именно этого-то и желали добиться занимавшиеся контрразведкой оперативные команды и группы Абвера. Пытаясь преуспеть, они нередко мешали друг другу. Им приходилось соперничать с многочисленной агентурой СД, гестапо и других органов, что также отрицательно сказывалось на результатах их работы.

Хотя цели германской контрразведки являлись оборонительными, действовала она всегда преимущественно наступательными методами. Ее постоянной целью было раскрытие планов разведки противника на самой ранней их стадии, а не после того, как они начнут осуществляться. Чтобы выполнить эту задачу, Абвер стремился проникнуть во внутренние сферы разведывательных служб противника, вплоть до самого высокого уровня — туда, где готовят разведчиков. И надо сказать, что кое-где это Абверу удавалось. Именно с этих позиций руководители Абвера пытались построить работу и против советской разведки, но здесь их ожидал полный провал. Ни военной разведке фашистской Германии, ни другим разведывательным службам эту задачу решить не удалось. Гитлеровская разведка так и не смогла добыть о Советском Союзе разведывательную информацию, необходимую для ведения войны.

Еще до того, как служба разведки и контрразведки вермахта была целиком и полностью поглощена аппаратом СД, Абвер самым тесным образом сотрудничал с органами Главного управления имперской безопасности, независимо от личных антипатий Канариса и его окружения к этой организации убийц. Эту антипатию сглаживала совместная лояльная работа ради победы третьего рейха, боязнь за собственную жизнь и трепет всех военных органов, включая и Абвер, перед Гитлером.

К тюрьмам, концлагерям, пыткам и казням Абвер формально не имел отношения, хотя офицеры Абвера постоянно посещали места заключения, нередко даже и накануне казни приговоренных. Ими двигало, разумеется, не любопытство, а стремление получить от обреченных на смерть людей ценные признания, которые помогли бы военной разведке вершить свои черные дела. 15 сентября 1941 года Канарис в своем меморандуме начальнику ОКВ Кейтелю критиковал изданное за неделю до этого (8 сентября 1941 года) распоряжение ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных», которое уточняло политику убийств и сотрудничество с СД в этом деле. По-видимому, на трезвый юридический подход Канариса к зверствам, совершаемым в отношении советских военнопленных, должен был повлиять не только тот факт, что тогда в его руках находился советский закон, касающийся обращения с военнопленными, который, по словам Канариса, «соответствует основным положениям общего международного права и, более того, положениям Женевской конвенции о военнопленных».[14] Главное, помимо всех прочих мотивов, заключалось в том, что зверствами и жестокостями, как он писал, «закрываются возможные источники информации. Военнопленные, которые могли быть использованы контрразведкой, как внутриполитические противники большевистского режима, в особенности принадлежащие к национальным меньшинствам, должны потерять всякую готовность к тому, чтобы дать себя завербовать».[15]

Доводы Канариса, однако, не были приняты во внимание. На полях его меморандума имеется резолюция Кейтеля, гласящая, что возражения Канариса проистекают из представлений солдата о рыцарском способе ведения войны, а данная война направлена на уничтожение враждебной идеологии.

Не подлежит сомнению, что «сотрудничество на высшем уровне» — Канарис — Гейдрих, затем Кальтенбруннер, а также взаимодействие на периферии между представителями Абвера и членами СД сохранялось до конца гитлеризма. Результатом этой связи и сотрудничества были единство и согласованность действий подразделений Абвера и СД по всем принципиальным вопросам как в центре, так и на советско-германском фронте.

Еще накануне войны, в мае 1941 года, при основных группировках немецко-фашистской армии Главным управлением имперской безопасности Германии были созданы четыре оперативных группы полиции безопасности и СД под условным наименованием «А», «Б», «Ц» и «Д». Эти подвижные формирования создавались специально для карательной деятельности на советской территории.

Понятие «оперативная группа» СД возникло и установилось еще перед самым началом сентябрьской кампании 1939 года как обозначение формирований полиции безопасности, которые предназначались для действия в зонах армейских группировок при захвате Польши. Деятельность оперативных групп историками пока что исследована мало. Из имеющихся у нас документов явствует, что оперативные группы в тесном взаимодействии с Абвером должны были ликвидировать всякие попытки сопротивления фашизму народов оккупированных стран. Бывший начальник управления зарубежной разведывательной службы СД (VI управление РСХА) эсэсовский генерал Вальтер Шелленберг показал, что главной задачей оперативных групп было проведение «массовых казней евреев, коммунистов и иных элементов сопротивления в тылу германских войск на Востоке».[16] Образование этих эсэсовских групп явилось первым шагом к практической реализации известных заявлений Гитлера о развитии так называемой «техники обезлюживания», направленной к уничтожению целых этнических групп населения.[17] В составе оперативных групп (айнзатцгруппы) для действия в районах передовых частей армии были образованы особые команды (зондеркоманды), а для развертывания карательных операций в армейском тылу — оперативные команды (айнзатцкоманды). Оперативные группы и команды были укомплектованы отъявленными головорезами из чиновников гестапо, уголовной полиции, а также сотрудников СД. Оперативные группы в основном состояли из членов СС и в миниатюре отражали сотрудничество различных компонентов полицейской системы Гиммлера и частей СС.

В изданной в 1960 году в Берлине книге «Германский империализм и вторая мировая война» об этих эсэсовских подразделениях говорится: «Как известно, еще до начала войны в системе СС были созданы четыре айнзатцгруппы (А, В, С, Д) для осуществления массового истребления мирных советских людей по мере продвижения гитлеровцев на восток. Этими айнзатцгруппами были осуществлены расстрелы миллионов людей, в том числе такие исключительные по своей бесчеловечности полицейские акции, как массовый расстрел более чем 130 тысяч советских граждан в Бабьем Яру под Киевом и многие другие. Именно айнзатцгруппы впервые применили сперва на юге СССР, затем в других временно оккупированных районах, душегубки».[18]

За несколько дней до начала военных действий руководитель

Главного управления имперской безопасности Гейдрих приказал оперативным группам занять исходные пункты, откуда они должны были продвигаться совместно с германскими войсками на советскую территорию. К этому времени каждая оперативная группа с командами и полицейскими подразделениями насчитывала до 600—700 человек начальствующего и рядового состава. Оперативные и особые команды насчитывали от 120 до 170 человек, из них 10—15 офицеров, 40—60 унтер-офицеров и 50—80 рядовых эсэсовцев. Для большей мобильности все подразделения были снабжены легковыми, грузовыми и специальными автомобилями и мотоциклами.

Из числа действовавших на оккупированной советской территории оперативных групп ограничимся рассмотрением оперативной группы А, которая проводила свою преступную деятельность и в Эстонской ССР.

Оперативная группа А полиции безопасности и СД была создана при северной армейской группировке. С первых дней войны она начала продвижение в глубь Советского Союза из Кенигсберга. Карательные операции этой группы развернулись на территории Литвы, Латвии, Эстонии, Псковской, Новгородской и Ленинградской областей. Команды оперативной группы А дошли до окрестностей Ленинграда. Они действовали в Тихвине, Новгороде и Чудове. Начальником оперативной группы А являлся генерал СС Франц Шталекер, затем бригаденфюрер СС Гейнц Иост и оберфюрер СС Фриц Панцингер. Штаб группы находился в Риге. Группа проводила свою кровавую карательную деятельность в тылах 18-й и 16-й армий. Из архивных эсэсовских документов видно, что только по состоянию на 15 октября 1941 года в Прибалтике подразделениями оперативной группы А было убито 135 567 человек.[19]

В заключительной речи на Нюрнбергском процессе по делу преступных организаций обвинитель от Великобритании Максуэлл-Файфа привел показательный факт по личному составу руководимой Шталекером оперативной группы: «Вот каков, например, состав оперативной группы А: войска СС — 34,4 процента, СД — 30,3 процента, уголовная полиция — 4,1 процента, гестапо — 9,0 процента, вспомогательная полиция — 8,8 процента, другие виды полиции — 13,4 процента».[20] Войска СС были передовым отрядом во всех нацистских агрессивных войнах. Они в особенности проявили себя при вторжении на территорию Советского Союза. Здесь войска СС олицетворяли собой режим тирании, кровавых убийств и террора.

В составе оперативной группы А находились оперативные и особые команды, действовавшие в Литве, Латвии, Белоруссии, Псковской, Новгородской и Ленинградской областях.

На оккупированной территории Эстонской ССР карательные операции организовывала и проводила особая команда 1а. Она

действовала в тылах 18-й армии. Команду возглавлял штурмбанфюрер СС доктор Мартин Карл Зандбергер. Штаб особой команды 1а дислоцировался в Таллине, а отряды — в Нарве, Тарту, Пярну и Курессааре, Пскове и Луге. В середине декабря 1941 года особая команда 1а была преобразована в территориальный орган полиции безопасности. В связи с установлением в Эстонии так называемой немецкой гражданской власти была создана полиция безопасности и СД генерального округа Эстонии. Особая команда 1а со всеми подразделениями вошла в состав этого вновь созданного карательного органа. Начальником полиции безопасности и СД Эстонии стал уже упоминавшийся Зандбергер, бывший до того руководителем особой команды 1а. Полиция безопасности была единым аппаратом, выполнявшим функции гестапо, уголовной полиции и СД. Она постоянно согласовывала свою карательную деятельность с армейской тайной полицией (гехаймфельдполицай), полевой жандармерией и органами военной контрразведки, которые располагали на территории Эстонии значительными возможностями. В Эстонии, как уже указывалось, дислоцировался ряд абвергрупп, в частности «Абвернебенштелле Ревал», «абвергруппа-326» и другие, которые также активно участвовали в борьбе с партизанами. Органы полиции безопасности и Абвера постоянно обменивались ориентировками и передавали друг другу в необходимых случаях арестованных. После проведенной реорганизации Зандбергер стал подчиняться начальнику полиции безопасности и СД Остланда Пифрадеру, который со своим штабом размещался в Риге.

В феврале 1942 года Главное управление имперской безопасности создало специальный разведывательно-диверсионный орган под условным наименованием «Предприятие Цеппелин» («Unternehmen Zeppelin»). Этот орган предназначался для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла. Фашистские главари надеялись, что «Цеппелин» путем заброски агентуры в глубокие тыловые районы Советского Союза окажет реальную помощь командованию немецкой армии. В своей деятельности «Цеппелин» руководствовался так называемым «планом действий для политического разложения Советского Союза». Главные задачи в этом плане определялись следующим образом: «Надо стремиться к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть образованы специальные группы действий, а именно: разведывательные группы — для сбора и передачи политических сведений из Советского Союза; пропагандистские группы — для распространения национальной, социальной и религиозной пропаганды; повстанческие группы — для организации и проведения восстаний; диверсионные группы — для проведения политических диверсий и террора».[21]

В августе 1943 года для претворения в жизнь этих планов и более эффективной германизации советской Прибалтики приказом Кальтенбруннера начальником полиции безопасности и СД Остланда был назначен руководящий работник Главного управления имперской безопасности эсэсовский генерал Фриц Панцингер. Он обязался перед Гиммлером подавить всякое проявление большевизма, полностью ликвидировать в Прибалтике партизанское движение и улучшить разведывательную деятельность.

Сам Панцингер на допросе 16 декабря 1949 года показал: «Главным управлением имперской безопасности Германии я был назначен в Прибалтику в качестве командующего полицией безопасности. Мне были подчинены все органы гестапо и СД на территории Латвии, Литвы и Эстонии. До меня в Риге на этой должности находился гестаповец Пифрадер, на долю которого выпало проведение массовых казней и других карательных мероприятий на территории советских Прибалтийских республик. К 1943 году германская армия получила ряд сокрушительных ударов со стороны советских войск, и в роли командующего полицией безопасности в Прибалтике нужен был не просто палач, каковым являлся Пифрадер, а квалифицированный разведчик, имеющий солидные знания разведывательной и карательной работы. В связи с этим начальник гестапо группенфюрер Мюллер объявил мне в августе 1943 года, что я буду направлен в Прибалтику. Начальник гестапо Мюллер дал мне указание во что бы то ни стало активизировать разведку против Ленинграда. Дело в том, что, несмотря на блокаду, непрерывный обстрел Ленинграда, население этого города упорно держалось и путало все карты германского командования. Надо было разведать, каково действительное положение в Ленинграде и через нашу агентуру внести разложение в ряды защитников. Мюллер специально указал мне уделить серьезное внимание борьбе с подпольным коммунистическим движением в Прибалтике и подавлением партизан, которые в связи с ухудшением нашего положения на фронте становились для нас прямо-таки невыносимыми. Перед отъездом я явился к начальнику Главного управления имперской безопасности Германии Кальтенбруннеру. Он подчеркнул, что в деле подавления советских патриотов я должен сотрудничать с высшим руководителем СС в Прибалтике Еккельном... Не хвастаясь, должен сказать, что я не щадил своих сил для выполнения указаний начальства. По моему указанию советских граждан расстреливали, вешали и заключали в тюрьмы. Путем применения жестоких мер мне все же удалось до некоторой степени подавить партизанское движение в отдельных районах Прибалтики и ликвидировать целый ряд подпольных коммунистических организаций. Полтора месяца спустя после того, как я приступил к выполнению своих обязанностей, в Ригу прибыл Гимм-

лер с целью инспекции германских оккупационных органов в Латвии и Эстонии. Я был у него на докладе. Гиммлер приказал мне еще решительнее действовать в борьбе с подпольными коммунистическими организациями и оказывать всемерную поддержку упомянутому выше Еккельну по подавлению партизанского движения... В Эстонии по линии борьбы с коммунистическим подпольем под моим руководством были ликвидированы нелегальные группы. По моему указанию был проведен ряд мероприятий по выявлению и аресту эстонцев, уклонившихся от мобилизации в германскую армию. Должен, однако, сказать, что местное население оказывало настолько сильное сопротивление призыву в германскую армию, что работа по мобилизации эстонцев чуть не была сорвана. Важнейшей задачей органов полиции безопасности в Эстонии являлась охрана сланцевых источников возле Кивиыли. В связи с этим, по моим указаниям, совместно с органами военной контрразведки была проведена соответствующая проверка инженерно-технического персонала и рабочих. Для работы на заводах было завезено большое количество евреев, которых впоследствии уничтожили. С территории Эстонии мною была организована переброска шпионов в осажденный Ленинград. Эта агентура вербовалась из числа предательского и уголовного элемента и засылалась в Ленинград под видом лиц, бежавших от немецкого ига».

Руководящими работниками полиции безопасности и СД Эстонии, кроме Зандбергера, являлись Уллманн, Зейлер, Зеефельд, Бергманн, Бюттнер, Шмитнегельм, Сторц и др. Зандбергер на должности начальника полиции безопасности и СД Эстонии находился до конца 1943 года, после чего уже в звании оберштурмбанфюрера был переведен на руководящую полицейскую работу в Берлине. Вместо Зандбергера в Эстонию прибыл оберштурмбанфюрер СС Баатс.

На руководящий состав полиции Эстонии Главное управление имперской безопасности и возложило задачу организовать физическое истребление «нежелательных». Но, как указывает Шталекер в своем отчете за 1941 год, «для этих целей полиция безопасности немедленно после захвата города формировала добровольные отряды из надежных граждан (бандитов и предателей — *Л. Б.*). Это практиковалось во всех трех балтийских государствах, причем эти люди выполняли свои обязанности под нашим руководством довольно успешно».[22]

С первых дней фашистской оккупации Эстонии карательную деятельность и расправу над советскими патриотами наравне с эсэсовскими подразделениями немецкой полиции осуществляли специально созданные в системе самоуправления эстонская политическая полиция и военно-фашистская организация «Омакайтсе». В самоуправлении была образована директория внутренних дел, в состав которой входили управление полиции и

«Омакайтсе». Самостоятельным органом в этом управлении являлась эстонская политическая полиция. Она была создана еще при правлении Эстонией генералом фон Рокком. Первым начальником политической полиции в сентябре 1941 года стал Роланд Лепик, являвшийся в июле-августе 1941 года одним из организаторов Тартуского концентрационного лагеря. Оккупанты поручили политической полиции непосредственную исполнительную работу по расправе над советскими патриотами.

Особая команда 1а, а затем полиция безопасности и СД Эстонии повседневно руководили и направляли карательную деятельность эстонских буржуазных националистов. В течение трех лет буржуазные националисты рука об руку с гитлеровскими захватчиками изо дня в день сознательно и планомерно убивали невинных людей, число которых постепенно достигло десятков тысяч.

РАЗВЕДКА В РОЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Определенным успехам нацистской пропаганды в решающей степени способствовало то, что с самого начала она, наряду с террором, считалась основным инструментом сохранения и упрочения нацистского господства. Гитлер утверждал, что все неудачи и поражения Германии до прихода нацистов к власти объясняются тем, что в руководящих кругах считали возможным «направлять на пропагандистскую работу любого, находящегося под рукой осла, вместе того, чтобы понять, что для этой деятельности подходят лишь гениальнейшие знатоки человеческих душ».[23]

Полемизируя против недооценки пропаганды, Геббельс патетически восклицал: «Но разве пропаганда есть что-либо недостойное? Разве пропаганда не является искусством в своем роде? Разве национал-социалисты пришли к власти благодаря своим теоретикам? Нет, они пришли к власти благодаря пропагандистам. Чем был бы национал-социализм без пропаганды? И куда попадет наше государство, если ему творческая пропаганда не даст состояния равновесия».[24]

Французский исследователь Жак Иво пишет о Геббельсе следующее: «Один из парадоксов мировой истории состоит в том, что Иозеф Геббельс, самый «неарийский» из приспешников Гитлера, является той личностью, которой третья империя в основном обязана своими успехами... Кто знает, что осталось бы от Гитлера, если бы руководителем его «отдела рекламы» не был бы Геббельс».[25]

Внимание, уделяемое пропаганде, нашло практическое выражение в создании в нацистской Германии первого в мире мини-

стерства пропаганды, формирование которого завершилось уже летом 1933 года. Этим министерством фактически была монополизирована вся духовная и культурная жизнь страны.[26]

Нацистская пропаганда стремилась заставить людей поступать так, как это было нужно режиму, думать именно так, как хотели нацисты. Людям внушались фашистские идеи, никакого несогласия с ними не допускалось. Пропаганда пыталась исключить все аргументы, противоречившие ее целям, не допуская никакой альтернативы. Объекты пропаганды должны были принимать ее «доказательства» без каких бы то ни было оговорок или отклонений.

Отсюда вытекали и следующие две особенности нацистской пропаганды. Во-первых, лживость, возведенная в систему; Геббельс не раз указывал своим подручным, что выдумка всегда выгоднее, чем правда, ибо ее гораздо легче приспособить к потребностям дня, что ее постоянное повторение придает ей большую правдоподобность, что чем масштабней ложь, тем больше шансов, что ей поверят.[27] Он считал также, что ущерб от разоблачения пропагандистской лжи не так уж велик, ибо ей всегда можно найти правдоподобное объяснение, и, во всяком случае, меньше, чем польза, которую она может принести.[28]

Во-вторых, морализующий пафос. Если право всегда на твоей стороне, если противник всегда виновен, это позволяет поднимать любое свое действие на «моральный» пьедестал. Поэтому брань по адресу противника всегда сопровождалась у нацистских пропагандистов неумеренным превознесением целей и задач своей политики. В этом отношении они не скупились ни на эпитеты, ни на превосходные степени преувеличения. Немецкий народ в их изображении выступал в качестве самого благородного, самого бескорыстного, самого терпимого. Акции нацистского правительства всегда вызывали «всеобщее восхищение и поддержку». Заявления нацистских лидеров «потрясали мир», «прокладывали новые пути», оставались навеки в «анналах истории».[29]

Особое место пропаганде, как виду подрывной деятельности, отводила нацистская теория ведения войны. Во время войны нацистская пропаганда приобрела колоссальное значение и, наконец, превратилась в сплошную завесу обмана. Ее целью было превозносить гитлеризм и его захватнические планы как «дело справедливое и ведущее к победе», преуменьшать поражения и преувеличивать победы, всячески поносить врага и его систему.

При штабе верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) был создан специальный отдел военной пропаганды. Армиям придавались роты пропаганды, действовавшие в тесном контакте с разведывательными отделами штабов — «1 Ц».

Органы Абвера, ГФП и оперативные группы СД, находившиеся на советско-германском фронте и на оккупированной

фашистами территории, имели собственные секции и инструкции по ведению пропаганды.

В 1942 году в системе Абвера был создан специальный разведывательный орган — «Особый штаб Россия» («Зондерштаб Р»), дислоцировавшийся в Варшаве и маскировавшийся под вывеской «Восточная строительная фирма Гильген».

Всю практическую деятельность «Особый штаб Россия» проводил через резидентуры. Оккупированная советская территория была разделена руководством штаба на пять областей. Разведывательная область Д включала в себя также и оккупированную Эстонию. Областной аппарат находился в Пскове, затем в Выру, резидентуры — в Таллине, Нарве, Луге, Порхове, Гдове, Опочке, Острове и Себеже. Агентурная сеть состояла из штатных агентов, находившихся в Абвере на полном содержании, разъездных агентов-пропагандистов, а также информаторов по населенным пунктам. Агентурная сеть создавалась главным образом в местах наиболее активной деятельности партизан. Сотрудники этого органа вели активную антисоветскую и профашистскую пропаганду. Они распространяли антисоветскую литературу и листовки, восхваляющие «новый порядок», организовывали собрания и беседы, на которых призывали население к сотрудничеству с оккупантами, к повиновению назначенным ими властям.

Широкую сеть агентов-пропагандистов, прославлявших фашизм, насаждало на оккупированной советской территории руководимое Альфредом Розенбергом так называемое «Восточное министерство». На это министерство возлагалась задача превращения оккупированных районов в германскую колонию, закабаления и ограбления советских людей. Этой работе в значительной степени содействовали созданные оккупантами из их пособников местные административные и хозяйственные аппараты.

Кадры агентов-пропагандистов вербовались из предателей и антисоветски настроенных местных жителей. Часть их проходила обучение в специальных школах «Восточного министерства», которые были созданы в городе Кельце (Польша), в местечках Вустрау, Цитенхорст и Вутзец (Германия). Здесь слушатели изучали историю национал-социализма, немецкой расы, «нового порядка» и идеологию. Вся подготовка была направлена на обман и разложение советских людей, оказавшихся на оккупированной территории.

Многие агенты-пропагандисты после обучения в школе наряду с пропагандистской, административной и хозяйственной деятельностью выполняли различные задания Абвера или СД. Установлено также, что часть обучавшихся в этих школах агентов перевербовывалась официальными сотрудниками немецких разведорганов. После соответствующей подготовки их забрасывали в тыл советских войск со специальным пропагандистским заданием.

Летом 1943 года на советско-германском фронте при отделах «1 Ц» дивизий были созданы так называемые «взводы обслуживания», или как их еще называли — «русские взводы пропаганды». В этих взводах оказались также некоторые лица, обучавшиеся в школах «Восточного министерства». Характерным приемом работы этих пропагандистских подразделений была заброска на территорию Советского Союза антисоветских листовок и газет, документов, якобы выпущенных на советской территории «подпольными организациями», распространение провокационных слухов и сплетен, ведение радиопропаганды, которая иногда выдавалась за передачи «подпольных радиостанций», организация радиопередач на передовой линии с призывом к военнослужащим Красной Армии сдаваться в плен и т. п.

Внедрение в массы национал-социалистской идеологии в оккупированной Эстонии было возложено органами Абвера и СД на различные преступные организации эстонских буржуазных националистов. Духовный мир человека стал предметом постоянной национал-социалистской обработки со стороны буржуазных националистов. В эту сферу была направлена значительная энергия оккупантов и их сообщников из числа буржуазных националистов, в связи с чем целесообразно более подробно осветить данный вопрос.

Враждебные Советскому Союзу националистические круги, находившиеся на службе у фашистских захватчиков, путем преступной демагогической пропаганды пытались завладеть вниманием масс, чтобы таким образом превратить эстонский народ в послушного исполнителя велений фашистского режима. Националисты вели систематическую, планомерную фашистскую пропаганду, стремились затемнить и отравить сознание народа, подорвать его преданность делу социализма. Такого рода идеологические диверсии, подготавливавшие путь гитлеризму, осуществлялись еще и во время буржуазной власти в Эстонии. Они и тогда велись вапсами в прямых и циничных призывах к торжеству национал-социализма, но то, что было сделано националистами во время оккупации, — беспрецедентно. Пропаганда национал-социализма в оккупированной ЭССР было пущена по всем каналам идеологического воздействия: литература, кино, пресса, собрания и т. д. Более трех лет националисты одурманивали эстонский народ мифом «благодарности освободителям» и подвергали его идеологическому воздействию в пользу фашистского колониального режима. Националисты развернули усиленную пропаганду расовой ненависти.[30]

Без такой обработки масс националистам не удалось бы заманить в свои ряды некоторое число трудящихся.

Националисты создали целую сеть органов фашистской пропаганды, которые действовали по указке оккупантов и строго выполняли все приказы немецких поработителей. Не зря все руко-

водство национал-социалистской пропаганды в Эстонии было сосредоточено в подразделениях СД и органах Абвера.

Нацисты хорошо знали, что покоренные народы способны к объединению и борьбе за свое освобождение, поэтому они старались посеять вражду между народами, разжечь ненависть и сломить волю трудящихся к сопротивлению. Они также хорошо знали, где и в каких кругах можно лучше всего в этом преуспеть. Убийства, погромы и другие преступления гитлеровцев в Эстонии имели столь большой успех главным образом потому, что здесь можно было положиться на грубый национализм, вскормленный в различных буржуазных слоях за время пятсовского режима. Фашистские оккупанты хорошо знали, кому они оказывали доверие. Гитлеровцы не просто превратили Советскую Эстонию в свою колонию. Самая преступная часть их плана заключалась в том, что они пытались заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональности, силы разума и превратить в бездушного и трусливого раба.

Однако, несмотря на эти преступления, эстонский народ не только сохранил свой человеческий облик, но и приобрел силы и способность к активному сопротивлению гитлеризму. Уже в конце первого года оккупации гитлеровцы, хотя и в весьма мягких выражениях, вынуждены были констатировать: «Необычайные трудности прошлой зимы, недостатки в снабжении продовольствием, топливом и т. д. положили основу первой отрицательной критике. К этому прибавилось личное разочарование в немецком человеке. Высокое мнение эстонцев об организаторских, умственных и характерных свойствах немцев, которое они имели с бывших времен, впервые уже пошатнулось в дни военного правления, когда население увидело в тыловых службах преступность, жадность, спекуляцию, эгоизм, ссоры, соперничество и т. д....».[31]

Особенно рьяно националисты фальсифицировали историю СССР. Главный упор ими делался на доказательство наличия якобы глубокой пропасти между русскими и другими народами Советского Союза, с одной стороны, и народами Прибалтики — с другой. Националисты всячески восхваляли оккупацию Прибалтики частями немецко-фашистской армии как некую «освободительную миссию» Германии на Востоке. Но каких-либо серьезных успехов в народе фальсификаторам истории достичь не удалось. Об этом свидетельствует донесение руководителя полиции Эстонии в Берлин в июле 1943 года: «Мысль, что эстонский народ уже с прошлых веков мог существовать перед Востоком только благодаря немецкому господству, отклонялась полностью и всеми и не имела глубокого влияния. Это тем более характерно, что подобные идеи, только в менее развитом виде, широко распространялись в начале немецкой оккупации. Такая переориентировка мировоззрения значительно затруднялась

также разными высказываниями с немецкой стороны. Статьи газет «Дас шварце корпс» и «Фёлькишер беобахтер», в которых говорилось о преобразовании Востока, истолковывались эстонцами в том смысле, что Германия видит единственную возможность присоединения Прибалтийских стран к европейской системе в их немецкой колонизации. Поэтому в настоящее время чувство взаимопонимания все в большей мере исчезает. Существует глубокое недоверие, которое в основном выражается в том факте, что пропаганда больше не действует и встречает почти единодушное сопротивление. Эстонцы полностью разочарованы в Германии».[32]

Национал-социалистские органы пропаганды начали действовать сразу же после оккупации территории Эстонской ССР. Руководящим центром фашистской пропаганды эстонских националистов, действовавшим по указанию оккупантов, было так называемое Правление народного воспитания при Директории просвещения. 1 декабря 1942 года это правление было выделено из Директории просвещения в непосредственное подчинение директору самоуправления Мяэ и стало называться Главным управлением народного воспитания. Возглавил его агент СД Борис Мерет. На управление были возложены следующие задачи: воспитание эстонского народа в национал-социалистском духе; информация самоуправления о политических настроениях населения; контроль и направление работы прессы и других учреждений в интересах оккупационного режима; привитие эстонскому народу духа «Новой Европы» и доверчивого сотрудничества со «спасителями» — немецкими военными властями и немецкими гражданскими учреждениями.[33]

Все другие органы самоуправления должны были помогать Главному управлению народного воспитания в осуществлении возложенных на него задач.

Местными органами этого управления были так называемые народно-воспитательные бюро с центром в уездных городах и отдельно в Таллине, Тарту и Нарве. В волостях и на крупных предприятиях они имели своих советников.

При помощи Главного управления народного воспитания и его органов на местах велась постоянная демагогическая национал-социалистская пропаганда по возвеличиванию «спасителей». В отчете полиции безопасности и СД за 1942 год указывалось: «Эстонское самоуправление проводит пропагандистскую работу через созданное во всей стране народно-воспитательное бюро, которое образовано специально для проведения крупных пропагандистских кампаний... 1942 год эстонским самоуправлением был объявлен годом благодарности эстонского народа за освобождение. Под этим девизом проводятся все пропагандистские мероприятия и, в частности, происходящие сейчас праздники в честь прошлогоднего освобождения».[34]

И хотя фашистская пропаганда должна была привить эстонскому народу «чувство признательности за освобождение», сколько-нибудь серьезного успеха она не имела. Не помогли фашистским захватчикам и усилия националистов. Совсем не из добрых побуждений начальник полиции безопасности и СД Зандбергер вынужден был писать в Берлин своему шефу: «Влияние пропаганды эстонского самоуправления очень ограничено. Причина этого, с одной стороны, в том, что ее считают находящейся под немецким влиянием и, с другой стороны, в том, что она не имеет собственной идеологической основы. Она пыталась достичь переориентации эстонского народа, но столкнулась с самым ожесточенным сопротивлением. Первый ландесдиректор др. Мяэ в ноябре 1942 г. произнес речь, в которой он пытался трактовать эстонскую историю не с обычной для них точки зрения — немецко-эстонского антагонизма, а с позиции немецко-эстонской общности. Отклонение было настолько сильное, что ему даже нельзя было противостоять».[35]

Главное управление народного воспитания и его бюро на местах проводили широкую антисемитскую пропаганду. В директиве этого управления от 5 мая 1943 года, разосланной редакторам газет, вместе с другими указаниями, предписывалось: «...Газеты обязаны систематически продолжать антисемитские акции, применяя для этого статьи, написанные по своей инициативе».[36] Решением Директории просвещения при Тартуском университете 13 октября 1943 года был создан институт антропологии и расовой науки.[37]

В знаменательные для фашистов дни проводились собрания и устраивались различные торжества. Фашистские ораторы убеждали население в том, что Эстония может существовать лишь как часть Германии, призывали эстонский народ к пособничеству, разжигали антисемитские националистические чувства, клеветали на политику Коммунистической партии и советского правительства и всячески угодничали перед немецко-фашистскими захватчиками. Особую ненависть функционеры этого фашистского органа пропаганды высказывали по отношению к коммунизму и русскому народу. Главной темой докладов было «уничтожение большевизма и возвеличивание спасителей».

Этот фашистский аппарат идеологического воздействия направлялся и постоянно контролировался органами военной контрразведки и СД. Они же подбирали кадры пропагандистов и других чиновников управления. Видя, что трудящиеся Эстонии не поддаются фашистской пропаганде, Зандбергер сообщал в свои полицейские инстанции: «Пропаганду эстонского самоуправления надо постоянно умственно направлять и руководить ею. При руководстве пропагандой в Эстонии целесообразно принимать во внимание психологический склад эстонцев. Эстонец

очень чувствителен к пропаганде и отходит от нее, как только замечает, что пропаганда направлена прямо на него».[38]

Особую ставку фашистская пропаганда делала на молодежь. В составе Главного управления народного воспитания существовал молодежный отдел, на базе которого в июле 1942 года была создана фашистская молодежная организация «Ээсти нооред» («Эстонская молодежь»). Эта организация функционировала по типу немецкой национал-социалистской молодежной организации «Гитлер югенд». Целью организации было вовлечение эстонской молодежи в строительство «Новой Европы» под руководством Адольфа Гитлера, освоение фашистского мировоззрения и освобождение молодежи «от всех демократически-либеральных идеологий». В уставе организации «Эстонская молодежь», который был составлен лично Мяэ, говорилось: «Молодежь обязывается к позитивной, взаимной работе за укрепление общей судьбы и борьбы немецкого и эстонского народов, привлекается как авангард новой европейской культуры к возрождению Новой Европы под предводительством Адольфа Гитлера».[39]

Руководство организации «Эстонская молодежь» обратилось к бывшим участникам молодежных организаций буржуазной Эстонии «Молодые соколы», «Дочери родины», «Скауты», «Гайды», «Христианский союз молодых людей» и т. п. с призывом принять участие в деятельности организации. По указанию оккупантов было заявлено, что «Эстонская молодежь» отказывается от «буржуазных шлаков» и полностью опирается на принципы «нового порядка». Члены организации строго предупреждались о недопустимости отклонения от этих принципов. Им было прямо заявлено, что нельзя впадать в «отрицательную пассивность», иначе у немецкого командования может сложиться иная оценка эстонской молодежи и к ней станут относиться, как к молодежи в оккупированных немецкими войсками русских областях.[40]

Определяя задачи фашистской пропаганды среди молодежи, оккупанты писали в свой центр: «Основной задачей эстонской молодежной пропаганды следует назвать показ общей судьбы немецкого и эстонского народа не только в совместной борьбе против всемирного большевизма, но и в будущем преобразовании Европы. Здесь должен быть такой ход мысли, что эстонец обязан нести такие же обязанности и тяготы, как и немец. Его взгляд надо расширить, чтобы он смог рассматривать настоящие события с более общей точки зрения».[41]

Для того, чтобы фашистская пропаганда среди молодежи была более действенной, самоуправление проводило националистическую обработку преподавательского состава средних школ и высших учебных заведений. В целях распространения опыта по ведению фашистской пропаганды в Германии организовыва-

лись специальные курсы для преподавателей, куда направлялись наиболее реакционно настроенные буржуазные националисты.

9 марта 1942 года в Германию выехало 30 эстонских школьных деятелей. Как указывается в их отчете самоуправлению, «целью этой поездки было ознакомление с нынешним положением Германии, особенно со школьным образованием и национал-социалистской системой воспитания». Расходы, связанные с поездкой и питанием, взяло на себя ведомство Розенберга — так называемое Министерство оккупированных восточных областей.

По одному лишь названию тем, которые были предметом изучения на курсах, можно судить об их действительных целях. В дневнике, который велся с первого дня прибытия группы в Германию, указывается, что 20 марта 1942 года были заслушаны два доклада — «Нацистский путь немецкой молодежи» и «О принципах национал-социалистского воспитания»; 25 марта — «доклад господина Клауса по расовым вопросам»; 28 марта — «реферат доктора Шлиска о методике немецкой народной школы» и т. п. А вот что говорил эстонским учителям на этих курсах в своем нравоучении «знаток Скандинавии и Прибалтики» некий Шрётен: «Демократический эксперимент в Германии привел к полному разложению, в Швеции же — к нормальной совместной работе всех слоев. Причина: в Германии много евреев, влияние которых всегда разлагающе, в Швеции же евреев мало. Особенно в научной сфере в Германии роль евреев была очень велика, и вся демократия в Германии была еврейской. В Швеции же демократия могла развиваться без еврейского влияния. Союзнические державы не дали возможности после мировой войны стать Германии на демократическую почву. Только национал-социалистское движение спасло Германию от голодной смерти».

Действительно было чему учиться у этих господ! Лишь чувство раболепия перед «освободителями» и звериная ненависть к социалистическому строю позволили людям, именующим себя педагогами, слушать подобную ересь и взяться за то, чтобы сеять семена гитлеризма среди эстонской молодежи. Однако и для всхода этих семян надо было иметь благоприятную почву, каковой оказалась не эстонская молодежь, а эстонский национализм, в своем политическом, духовном и общественном развитии уже давно прокладывавший дорогу гитлеризму.

Об учебном процессе указанных курсов в дневнике группы говорится весьма определенно, и поэтому мы позволим себе привести эту любопытную запись полностью: «Накануне отъезда выступил группенлейтер Кийнцлен. Он заявил: «Для чего, собственно, были предусмотрены эти курсы? В первую очередь для того, чтобы мы лучше понимали друг друга... Что же произойдет теперь с Эстонией и эстонцами? Это вопрос, который вас

интересует. Честно говоря, сейчас невозможно дать точный ответ, так как все еще находится в движении, все еще только формируется! Нашей первейшей задачей является — установить в Европе порядок и дать германскому народу жизненное пространство... Две силы борются сейчас в Европе. В результате этой борьбы Европа превратится в марксистскую или же в целую, руководимую Германией, единицу. Эстония должна воспитывать свой народ, чтобы он созрел для Новой Европы. Для этого вы и были сюда приглашены. Профессия учителя — это сверхполитическая профессия. Вы будете ответственны перед своим народом за то, будет ли ваша молодежь воспитана в правильном направлении — для Новой Европы или нет. Ваша молодежь должна германизироваться — мыслить, чувствовать и действовать по-германски... Ваше воспитание должно удовлетворять практические потребности. Излишний интеллектуализм следует устранить. Не много знающих, а много могущих надо воспитывать из молодежи». Господину Кийнцлену ответил руководитель нашей группы господин Яанвярк, который поблагодарил от всего курса немецких коллег за оказанный прием и отметил, что мы получили от Германии и от немецких условий воспитания много хороших впечатлений».

В заключение об этой поездке школьных деятелей в Германию хочется отметить, что их там особо не баловали. Гитлеровцы и к ним относились, как к своим холуям. Несмотря на столь «представительную» делегацию, приглашенную ведомством самого Розенберга, прием оказался менее чем скромным. Об этом участники поездки писали в том же дневнике: «К сожалению, мы не попали ни разу в немецкую оперу и не были в филармонии, хотя соответствующие заявки и были сделаны. Трудности были в поездке по железной дороге. Но еще большие трудности и неудобства были позднее, в переполненных автобусах, где у многих даже не было места для того, чтобы стоять на двух ногах, не говоря уже о сидении. Трудности эти продолжались от Тильзита до Тарту».

После прибытия этой группы на родину национал-социалистская пропаганда развернулась с еще большей силой. Как уже упоминалось, в группе было 30 преподавателей, которые представляли все уезды оккупированной Эстонии. Они полностью оправдали взятые на себя обязательства.

В школах стали изучать так называемые проблемы превосходства арийской расы над всеми другими расами; рассеивать неблагоприятное впечатление от 700-летнего владычества немецких феодалов в Эстонии; фальсифицировать исторические события прошлого; возвеличивать фашистскую Германию и всячески прославлять захват ее армией различных стран как строительство «Новой Европы».[42]

Под руководством оккупантов националисты пытались погру-

зить эстонский народ в беспросветный мрак невежества. Растаптывая культуру, они твердили, что образование, как и совесть, калечит людей. Раболепствуя перед немецко-фашистскими захватчиками, националисты сеяли в народе их человеконенавистнические взгляды. Вся пропаганда националистов была проникнута духом гитлеризма. Гитлер, этот изверг человечества, говорил своим сообщникам: «Малообразованный, но физически здоровый человек полезнее для общества, чем умственно развитый человек... Мы должны остерегаться мысли, сознания и должны подчиняться только нашим инстинктам. Раз и навсегда надо покончить с тем, что называется всеобщим образованием. Всеобщее образование — это яд... Полная свобода образования является привилегией избранных и тех, кого они допускают в свою среду. Будучи последовательными... мы представляем огромной массе низких классов благо неграмотности. Чем ниже культурный уровень рабочего класса и всего народа, тем больше у нас шансов удержать власть».[43] Таковы были взгляды фашистов на цивилизацию, науку и образование. Эти взгляды и распространяли националисты в оккупированной Эстонии.

Буржуазные националисты постоянно черпали фашистские убеждения в гитлеровской Германии. Они неоднократно направляли туда на курсы своих наиболее проверенных людей. 16 августа 1942 года главный штаб организации «Эстонская молодежь» отправил в учебную экскурсию по Германии группу руководителей организации из 20 человек — все бывшие офицеры эстонской буржуазной армии. Группа эта посетила Берлин и Брауншвейг и ознакомилась там с учреждениями гитлеровской молодежи, со школой для руководителей молодежи — баннфюреров — «Петер Фритц» и другими заведениями. В программу входило слушание лекций на кратковременных курсах, а также практика в молодежных фашистских организациях.

С возвращением группы в Эстонию среди членов организации «Эстонская молодежь» стала вестись усиленная пропаганда за выезд на трудовую повинность в Германию и о вступлении молодежи в эстонский легион СС.[44]

Большую деятельность по внедрению фашистской идеологии гитлеровцы развили через организацию эстонских националистов, именовавшуюся «Эстонской народной взаимопомощью» («Юхисаби»). Она была основана 10 декабря 1941 года в Таллине по инициативе эстонской буржуазии. На первом заседании, при участии Мяэ, была принята программа ее деятельности. «Юхисаби» также стремилась забрать под свое влияние руководство по воспитанию молодежи. Она пропагандировала идею «борьбы за единое государство» в составе фашистской Германии. Как видно из архивных документов, пропаганда «Юхисаби» была «... должна дать эстонскому населению чувство признательности за освобождение».[45]

В подчинении «Юхисаби» находились детские сады, детские площадки, детские дома-интернаты, лагеря молодежи и фашистские дома отдыха, где особенно рьяно велась пропаганда. Руководители этой организации издавали специальные циркуляры для своих членов, которые должны были следить, чтобы при оказании той или иной материальной помощи в списки не попали бы инвалиды, воевавшие в Красной Армии или лица, сочувствующие коммунистам. Проверка этих списков возлагалась на полицию.[46]

Эффективность и проницательная способность нацистской пропаганды постепенно все более ослаблялась. Это было обусловлено в большой степени поражением немецких войск на фронте, но, с другой стороны, способствовали этому и зверства, и злодеяния гитлеровцев в стране. Ухудшение военно-политического положения Германии быстро усилило восприимчивость населения Эстонии к передачам советского радио — единственно правильного источника информации.

Несмотря на все старания немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, на развернутую ими национал-социалистскую демагогическую пропаганду, трудящиеся Советской Эстонии знали ей истинную цену и видели, какие цели она преследует. О том, что пропаганда фашистов провалилась, явствует из донесений оккупантов в вышестоящие ведомства. Так, в одном из них указывается: «Немецкая пропаганда в течение отчетного года имела все меньше и меньше успеха. Дела дошли до того, что начиная с июня 1943 года пропаганда отклонялась почти всеми слоями населения. Причиной этого являются неблагоприятные предпосылки, возникшие вследствие военной и политической обстановки, а также и то, что лейтмотивом нашей пропаганды вот уже два года является мысль о благодарности за освобождение. Мысль о будущем Новой Европы всегда застревала в общих фразах. Мы предприняли попытку взять духовное руководство эстонским народом на себя, но мы всегда уничтожали мечту эстонского народа о самостоятельности, притом не предлагали народному чувству собственного достоинства нового содержания».[47]

Если в первые годы при помощи самой разнузданной националистической демагогии удавалось порой заманить в сети фашизма политически отсталые слои населения, то уже с весны 1943 года в Эстонии возникло повсеместное недовольство оккупационным режимом. В июле 1943 года оккупанты сообщали в Берлин: «В настоящее время существует сплошной фронт против немецкого господства. Конкретно это выражается в том, что, например, освидетельствование для трудовой повинности и в легион встречает сильную контрпропаганду. Симпатия к рейху существует лишь в узких кругах, которые испытывают бойкот общества».[48]

Кроме перечисленных организаций, национал-социалистскую пропаганду на оккупированной территории активно проводили созданные националистами «Общество друзей эстонского легиона СС», военно-фашистская организация «Омакайтсе», подразделения эстонских полицейских органов, все ведомства самоуправления и другие националистические организации. Однако и их попытки привить эстонскому народу «чувство признательности за освобождение» потерпели крах.

Фашисты и их сообщники основывали свою пропаганду на националистической фразеологии, но фразы не только обманывали падких на них, но и показывали, что национализм не то знамя, под которое могут встать трудящиеся, не оступясь в топкое болото прошлого. Еще Авраам Линкольн говорил, что можно дурачить одного человека некоторое время, некоторых людей — все время, но нельзя дурачить всех людей и все время. Эта истина вовремя была распознана трудящимися Эстонии, единодушно выступившими не только против немецкого оккупационного режима, но и против их пособников — буржуазных националистов.

БОРЬБА СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ФАШИСТАМИ ЭСТОНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Фашистам и их пособникам не удалось подавить волю эстонского народа к сопротивлению. Ненависть к оккупантам росла день ото дня. В конце 1941 года и в 1942 году возникли подпольные группы в Нарве, Тарту, Петсери и других городах оккупированной Эстонии. Они занимались сбором разведывательных данных, распространяли листовки и проводили работу по вовлечению в подпольную деятельность других советских патриотов.

Не оставляет в этом сомнений документ СД, повествующий об активизации в Эстонии антифашистской деятельности. В годовом отчете полиции безопасности обстановка в Эстонии на конец 1942 года оценивается таким образом:

«Летом 42 г. в Петсериском округе, граничащем с русским районом Пскова, русские Павел, Борис и Петр объединили отдельные устойчивые группы, а затем начали вербовку членов в созданную нелегальную коммунистическую организацию. После того, как стало известно об этой деятельности, а также после установления слежки Павел, Борис и Петр, оказавшие при аресте сопротивление, были убиты. Деятельность коммунистической партии в Петсериском округе стала возможна благодаря тому, что этот округ заселен наибольшими сторонниками коммунистов.

Вследствие общего ухудшения настроений в поведении многих эстонцев стала замечаться несговорчивость. Наблюдаются признаки оппозиции. В сентябре 1942 года среди студентов университета Тарту была обнаружена группа в 8 человек, которая нелегально скупала оружие. Дело было передано для вынесения приговора. Хотя некоторое время приговор и действовал предостерегающе, оппозиционные круги все же вновь зашевелились, о чем свидетельствовало нелегальное распространение обращений и листовок. Если вначале их было мало, то за последнее время их распространение усилилось, причем особенно бросалась в глаза одна листовка, которая распространялась в копиях 8 раз.

Неправильно проводимая пропаганда трудовой повинности дала оппозиции богатый материал и побудила легкомысленных молодых людей уходить нелегально через границу Эстонии. По имеющимся на настоящее время данным, через водную границу в Финляндию нелегально перешли 450 человек. Небольшая часть, примерно 40 человек, была задержана при попытке перехода границы.

От трудовой повинности уклонилось всего примерно 2600 человек. Они изменили свое местожительство и в настоящее время задержаны быть не могут. Часть их скрывается у родственников, часть пытается избежать трудовой повинности бегством в леса. Следует заметить, что большая часть лиц, подлежащих трудовой повинности и находящихся в лесах, связана с коммунистами или в свое время принимала активное участие в коммунистическом движении. В последнее время советская пропаганда в радиопередачах и листовках уделяет большое внимание этим бежавшим лицам, подлежащим трудовой повинности, и пытается перетянуть их на свою сторону. По показаниям задержанных советских агентов-парашютистов, они также имели задание установить связь с такими бежавшими людьми и использовать их в целях шпионажа, диверсий и т. д.».

О нарастании народного сопротивления свидетельствовали участившиеся случаи саботажа и диверсий на заводах Таллина, Нарвы и других городов. Об одном из таких случаев, имевшем место в Таллине в ноябре 1941 года, в отчете полиции сообщалось следующее: «Саботажник в 14 часов прошел на предприятие через главный вход, не предъявив употребляемое на данном предприятии удостоверение, но не был задержан часовым. Несмотря на незначительное движение, саботажник подошел к рабочему ящику с контрольными картами, взял из ящика желательный табель, сунул его в контрольный аппарат и вошел в предприятие, не будучи задержан часовым. Он прошел дальше в помещение, где должен был произвести саботаж. Здесь он после небольшого осмотра поместил взрывчатое вещество в желаемом месте и затем, никем не задержанный, пошел поджигать

шнур. Действия саботажника были замечены многими работниками предприятия, но никто из них не поставил об этом в известность руководителя обороны или руководителей предприятия. Часовой, входящий в состав охраны предприятия, в этом случае ошибся, допустив саботажника на предприятие. Установлено точно, что контроль служебных удостоверений проводился слишком легко. В пределах предприятия не следили достаточно строго за деятельностью посторонних, руководитель задач обороны не объяснил сотрудникам возможностей саботажа».

В полицейской переписке попадаются и другие донесения, свидетельствующие о борьбе советских патриотов против оккупационного режима. В очередном сообщении Зандбергер доносил своим шефам из СД: «В летние месяцы 1942 года в округе Тарту были совершены диверсионные акты на телефонных линиях, взорваны столбы и уничтожены провода. Виновники обнаружены не были. Следует предполагать, что это были либо агенты-парашютисты, либо бежавшие военнопленные. С начала 1943 года на железной дороге участились случаи похищения тормозных рукавов товарных вагонов. В нескольких случаях это было сделано эстонскими железнодорожными служащими. В другом случае были задержаны двое заключенных таллинского исправительно-трудового лагеря, которые насыпали песок в буксы товарных вагонов, чтобы вызвать тем самым перегревание осей».

Действия советских разведчиков-подпольщиков и партизан постепенно все более активизировались. Борьба советских патриотов создавала для оккупантов серьезные трудности. Не без оснований оккупанты сетовали, что «на местах очень много коммунистического элемента».[49] Беспокойство оккупантов усматривается и из отчета полиции безопасности за февраль 1942 года, где говорится: «Не раз бывало так, что в лице священнослужителей и проповедников большевики засылали в наш тыл своих агентов, и они, маскируясь таким образом, успешно проводили свою деятельность. Эти люди поддерживали связь между нелегальными организациями, передавали сообщения и распространяли враждебную пропаганду. В целях пресечения усиливающейся антигерманской деятельности и выявления действующих большевистских агентов нам пришлось активно использовать благонадежных пасторов, многие из которых участвуют также в ведении пропаганды в пользу существующего строя и политического направления. Все периферийные отделения усилили наблюдение за церквями, религиозными организациями и за их прихожанами. О деятельности служителей культа будем докладывать со всеми подробностями к каждому 15 числу следующего месяца. В конкретных случаях доклады последуют немедленно».

Полиция безопасности и СД в своей работе по поимке совет-

ских разведчиков, партизан и парашютистов действовала в тесном контакте с армейской контрразведкой — Абвером, тайной полевой полицией и командирами воинских частей, которые также повинны в кровавых злодеяниях фашизма.

В отчете начальника СД оккупированной Эстонии за сентябрь 1941 года о совместной работе полиции безопасности и военной комендатуры города Тарту, например, говорится: «Сотрудничество между полевой комендатурой и полицией безопасности в части пресечения деятельности противников существующего режима во всех отношениях было хорошим. В особенности было хорошим сотрудничество с отделами «1 Б» (майор Шайхенбауер), «1 Ц» (капитан Вильмс) и с высшим военным советником суда доктором Глаазеном. О всех касающихся меня вопросах я был уведомлен или по телефону, или они были обсуждены устно в отдельных комнатах названных отделов. Нередко актуальные вопросы разрешались в служебных помещениях полиции безопасности. Материалы о гражданском населении из полевой комендатуры незамедлительно передавались службе безопасности. Приговоры, вынесенные полицией безопасности, становились окончательными. Несколько ошибок все же вкралось в работу полевой комендатуры, как например, преждевременное освобождение пяти заключенных из концлагеря. Полиция безопасности настойчиво, но больше дружеским путем, указывала на подобного рода неосновательные освобождения, и все вопросы стали разрешаться правильно. В остальном полевая комендатура Дорпата без каких-либо колебаний была готова помогать нам. Она помогла в доставке 84 эстонских арестованных из Дорпата в Ригу, она помогала при очистке лагеря (т. е. в убийстве заключенных — *Л. Б.*) и предлагала полиции запасы дров еще до наступления зимы. Она всегда участвовала в мероприятиях полиции, в случае, если в этом была необходимость».

В период войны, когда наибольшая ответственность за существование гитлеровского государства легла на плечи вермахта, эта опора нацистского режима и установленного в оккупированных районах «порядка», оказалась вполне достойной доверия. Сражаясь и защищая гитлеризм до конца, вермахт в выборе средств борьбы не стеснялся никакими ограничениями, налагаемыми международным правом. Фашистская армия все более скатывалась до уровня СД. Именно от ОКВ и его штаба оперативного руководства исходили директивы и приказы, которые обеспечивали гитлеровскому командованию и всему вермахту прочное место в истории тягчайших преступлений. Приведем в этой связи еще один документ, иллюстрирующий связь и взаимодействие армии с СД. 19 февраля 1943 года начальник полиции безопасности и СД Эстонии писал в Берлин: «В борьбе с партизанами, парашютистами и бежавшими военнопленными в течение последних месяцев возникли некоторые недоразумения. Поэтому

между полицией безопасности и командующим Северной армейской группой войск заключено соглашение о совместных действиях в пределах бывшей Эстонской республики по борьбе с парашютистами, партизанами и антинацистами. Совещание состоялось 3 февраля 1943 года во Пскове. С обеих сторон было проявлено стремление заключить это соглашение, чтобы облегчить экзекуционную работу и устранить все недоразумения. У парашютистов, помимо военных заданий, выяснением которых занимается контрразведка, часто имеются приказы связываться с местным населением и устанавливать возможность действия с учетом негативных настроений народа. Наблюдение за противниками режима является больше делом полиции безопасности, чем контрразведки, в силу чего мы достигли договоренности о том, что военные после допроса задержанных парашютистов или партизан в контрразведке, ГФП и в ортскомендатуре, будут передавать их немедленно в распоряжение полиции безопасности и СД для дальнейшего следствия».

Приведенные, а также многочисленные другие архивные документы свидетельствуют об энергичной совместной работе органов Абвера, СД и полиции безопасности по захвату советских разведчиков. В рапорте одного из официальных сотрудников говорится, например, о задержании советского парашютиста Голунова Григория, 1917 года рождения, уроженца Латвии, заброшенного на самолете 29 июня 1943 года в район Пирита-Козе. После задержания он подвергся допросу по специально составленной анкете. Содержащиеся в ней вопросы говорят о тщательности, с какой армейские органы и СД выявляли состав группы, в которой был заброшен разведчик, задание и связи по различным районам Эстонии, а также многочисленные вопросы, касающиеся органа, который его готовил и перебрасывал.

Борьба в тылу врага приобрела особое значение в условиях начавшегося массового изгнания фашистских захватчиков с советской земли. В 1943 году с каждым днем росло и ширилось партизанское движение также и в оккупированной Эстонии. По сравнению с 1942 годом численность партизан увеличилась в два раза. Важную роль в борьбе с фашистскими оккупантами сыграла деятельность в тылу немецких войск советских разведывательных групп. Цель зафронтовых мероприятий состояла прежде всего в том, чтобы парализовать подрывную работу фашистских разведывательных служб, собрать разведывательные данные, необходимые военному командованию для планирования наступательных операций советских войск, осуществлять активные диверсионные операции и повсеместно развернуть партизанское движение. О том, насколько значителен был размах такой деятельности, свидетельствует донесение командира абвергруппы-326 капитана Дамерау, составленное им в Тарту в декабре 1943 года. В нем говорится: «Случаи заброски агентов-парашютистов

в Эстонии значительно участились по сравнению с 1941—1942 годами. В их задачи входят разведка, саботаж на железных дорогах, мостах, политическое разложение населения и приобретение среди него агентуры. Известны случаи, когда группам выдавались полевые типографии для изготовления листовок. Донесения, как правило, передаются по радио. Выброска происходила группами по 4—6 человек и даже в 12 человек. Из пунктов заброски известны: разведывательный отдел Красного Флота в Ленинграде, разведывательный отдел Командующего русской северной армии, эстонский партизанский штаб в Москве. Этот штаб возглавляет генерал-майор Карогамм. Наблюдаются также заброски Ленинградским штабом партизанского движения, руководимым генералом Никитиным. Парашютисты имеют на вооружении пистолеты, автоматы, винтовки, наганы, гранаты, взрывчатое вещество и пулеметы. Высадившаяся в Тартуском уезде группа имела даже миномет и противотанковое ружье. Официальные места укрытия парашютистов в Эстонии не известны. Жители деревень при приземлении парашютистов все же оказывают им помощь и становятся виновниками в предоставлении приюта и питания, это, главным образом, родственники высадившихся парашютистов. Разведывательный отдел Красного Флота больше внимания уделяет побережью Финского залива, Нарве и Вирускому уезду. Штаб эстонских партизан в Москве высаживает своих людей в разные районы Эстонии с неограниченным сроком пребывания, в большинстве случаев — до предполагаемого прихода Красной Армии. Радиопитания агентам хватает на 3—4 недели, после чего они ожидают новое. На эстонской территории с русским населением выявлены группы в 4—6 человек. Они скрываются около Нарвы, Рая, Пийри и на западном берегу Чудского озера. Усиленное выступление партизан наблюдается также на западном берегу Псковского озера и около Печор. Численность их там достигает 170 человек. Они получают подкрепление из Ленинграда. Есть небольшие группы из сбежавших русских военнопленных, из числа уклонившихся от службы в немецкой армии и сбежавших из армии. Всех их поддерживают жители деревень, и те не хотят сообщить об их присутствии. До настоящего времени выявлено около 450 скрывающихся партизан. Руководство ими из единого центра на территории Эстонии не установлено».

Об участии эстонского трудового народа в партизанском движении написан целый ряд работ. Подробно исследованы успехи и трудности этого движения в условиях оккупированной Эстонии, в связи с чем нам нет необходимости повторять уже известные факты и события. Читатель самостоятельно сможет ознакомиться с работами таких авторов, как Лееде, Пуста, Луми, Ларин и др.[14] В этой связи представляется целесообразным дать порой слово лишь самому противнику, с которым советские люди имели

дело в годы Великой Отечественной войны, тем более, что приводимые архивные документы СД, Абвера и других органов еще не публиковались.

В рамках данной работы предполагалось показать, да и то не в полном объеме, подрывные действия разведки Германии против СССР в годы войны, наиболее характерные моменты организации и деятельности фашистской разведки в это время с территории оккупированной Эстонии, а также основные направления борьбы советских чекистов с гитлеровской агентурой.

Непосредственно в зоне боевых действий задача ограждения Красной Армии от агентуры противника была возложена на органы военной контрразведки. Несмотря на большие трудности, особые отделы успешно справлялись с этой задачей. На Ленинградском фронте, как и на других участках, была создана стройная система борьбы со шпионами и диверсантами. Гитлеровская разведка была не в состоянии добыть информацию об оперативных планах наших войск, о возможностях нашей военной промышленности.

Советские чекисты, действуя в тесном контакте с армейскими штабами, систематически дезинформировали врага относительно замыслов советского командования, передвижения войск и обстановки в тылу. Определенные предпосылки для успешной деятельности советской разведки в тылу врага на оккупированной фашистами территории Эстонии были созданы еще в 1941 году, однако первые ощутимые результаты в этой работе были получены в конце 1942 года. В 1943 году эта работа стала более широкой и совершенной, а в 1944 году достигла своего наибольшего размаха и эффективности.

В июне 1942 года органами госбезопасности были получены данные о предполагавшейся заброске разведывательным органом «Абвернебенштелле Ревал» в советский тыл группы агентов для проведения широкой шпионско-диверсионной деятельности. Точная дата и место выброски известны не были. Однако уже 31 августа и 1 сентября 1942 года была зафиксирована заброска самолетами двух шпионских групп и около 10 парашютов с грузом в Коношском районе Архангельской области. В результате поисков и преследования четверо шпионов чекистами были убиты. Ими оказались эстонские буржуазные националисты Артур Рягастик, Артур Вебель, Петер Роотс и Харальд Рооберг. Остальные девять человек были захвачены живыми. Это были Рюрик Палло, Оскар Луттер, Вольдемар Рандмяэ, Хуго Тарту, Энн Кармо, Рудольф Тяхесте, Арнольд Тедер, Харальд Петерсон, Освальд Кривайн.

Следствием было установлено, что немецкое командование намеревалось в октябре 1942 года высадить в районе Коноши Архангельской области воздушный десант, преследуя цель перерезать северные коммуникации, изолировать север от централь-

ной части СССР и развить наступательные операции от станции Коноши на юг в направлении Вологды.

Для обеспечения планировавшейся операции необходимыми данными разведорганом «Абвернебенштелле Ревал» под руководством Целлариуса после прохождения специальной подготовки указанные шпионы были переброшены на немецком самолете в Коношский район Архангельской области с заданием: подыскать подходящие естественные площадки для высадки воздушных десантов; собрать подробные данные о состоянии военностратегических дорог и установить возможность прохождения по ним моторизованных частей и автотранспорта; путем личного наблюдения вблизи железных дорог установить количество проходящих воинских эшелонов в сутки и какой груз перевозится по Северной железной дороге, добывать подробные сведения о политико-моральном состоянии частей Красной Армии и выяснить, какие возрасты призваны в армию и на оборонные работы; выяснить количество аэродромов в Коношском, Няндомском и Каргопольском районах Архангельской области и базирующихся на них самолетов; изучить водоемы с точки зрения их пригодности для посадки гидросамолетов и ежедневно сообщать метеосводки.

Шпионам рекомендовалось добывать все эти сведения путем личного наблюдения и подслушивания телефонных переговоров при помощи специального аппарата, а также опросом отдельных лиц из населения и военнослужащих.

Всех опрашиваемых лиц, если они вызывали подозрение в том, что могут выдать шпионов, было дано задание убивать.

У шпионов были изъяты радиопередатчики, карта местности, где они действовали, с нанесенными на ней специальными квадратами и знаками. При помощи этой карты таллинский центр разведки следил за передвижением агентов на советской территории и систематически сбрасывал им в заранее обусловленных по радио пунктах продовольствие, боеприпасы и одежду. Одновременно с продуктами и экипировкой были сброшены в особых пакетах взрывчатка для уничтожения отрядов, преследовавших шпионов, и яд для отравления служебно-розыскных собак.

Разоблачение этой шпионской группы позволило получить дополнительные сведения о планах созданных в оккупированной Эстонии гитлеровских разведывательных органов. Многое стало известно о подготовке агентуры врага в специальных разведывательных школах. Шпионов, как правило, стали задерживать сразу после приземления.

Большую помощь органам госбезопасности в этот период оказал советский патриот капитан-лейтенант Андрей Макарович Добрянский. Будучи командиром отряда торпедных катеров КБФ и участвуя в июне 1942 года в Соомерской операции, Добрянский в бою был захвачен в плен и находился в лагерях воен-

нопленных в Финляндии. В июле 1942 года Добрянский дал согласие на сотрудничество с немецкой военной разведкой, имея в виду использовать свое положение для сбора и передачи Советской Отчизне необходимой информации. Целлариус определил Добрянского в разведывательную школу Кейла-Йоа. Как человек с высшим военно-морским образованием, Добрянский вскоре стал инструктором военно-морского дела в этой школе, а в марте 1943 года был назначен командиром плавбазы штурмботов «Фера». С января до марта 1944 года Добрянский замещал даже коменданта разведшколы Кейла-Йоа.

В этой разведшколе Добрянский создал подпольную группу, куда вовлек 12 обучавшихся в школе бывших советских моряков и военнослужащих, попавших в плен. Часть их была вызволена из лагерей военнопленных при помощи Добрянского под видом согласия на сотрудничество с немецкой военной разведкой. Став руководителем подпольной группы, Добрянский поставил перед своими товарищами следующие задачи: срывать задания немецко-фашистского командования по переброске агентуры в советский тыл, а в случае выброски являться с повинной в органы госбезопасности; установить связь с советской разведкой и полностью предоставить себя и свою группу в ее распоряжение; в случае эвакуации разведывательной школы захватить оружие и перейти на сторону партизан.

В марте 1944 года в тыл Красной Армии была заброшена группа шпионов, обучавшихся в разведывательной школе Кейла-Йоа, в том числе и несколько единомышленников Добрянского. Эта группа в полном составе явилась с повинной к советским властям и представила весьма ценные сведения о замыслах противника.

Располагая данными о патриотической деятельности Добрянского, советские чекисты в марте 1944 года провели зафронтовую операцию по возвращению в немецкий тыл для связи с Добрянским двух присланных им членов подпольной группы. Эти люди благополучно прибыли в Таллин, устроились на квартире у своих знакомых, но связаться с Добрянским не смогли, так как последний уже был арестован немцами и содержался в тюрьме. 15 августа 1944 года Добрянскому во время конвоирования на расстрел удалось бежать.

Ценные сведения, давшие возможность ввести врага в заблуждение, были получены чекистами от захваченных в августе 1942 года трех агентов, обучавшихся в разведшколе Лээтсе, недалеко от Палдиски. И в этой школе, как выяснилось позднее, также существовала патриотическая группа, целью которой было установление связи с советской разведкой. Здесь, для выявления настроений агентов, во время занятий разрешалось задавать вопросы преподавателям в письменном виде, без подписи. Если в содержании вопроса усматривали неблагонадежность автора, за

ним начиналось наблюдение. В этих же целях агентам разрешали слушать советские радиопередачи и вести между собой разговоры на политические темы. В это время через специальных осведомителей выявлялись слушатели, отрицательно настроенные к оккупантам. Так по доносу провокатора осенью 1942 года в школе было арестовано семь человек, готовивших в случае выброски явку с повинной к советским властям.

8 октября 1943 года в район дислокации школы Лээтсе чекистами были заброшены на самолете два разведчика, ранее обучавшиеся в этой школе. В их задачу входило привлекать к сотрудничеству с советской разведкой лиц, проявивших патриотические настроения к Советскому Союзу и давших свое согласие на работу с нацистами в целях возвращения на родину.

Дезинформируя гитлеровские разведывательные службы, чекистские органы активно использовали захваченных фашистских агентов, которые работали под их контролем и сообщали врагу ложные сведения. На территорию оккупированной Эстонии забрасывались парашютисты с портативными передатчиками специально для подставы разведорганами противника. Разведчику давалось задание признаться, что он направлен с заданием собирать необходимую информацию о передвижении войск и передавать ее в центр по радио. Руководитель «Абвернебештелле Ревал» Целлариус и командир абвергруппы-326 Дамерау считали более полезным оставлять этих лиц в живых, поскольку их рация была прямым каналом для передачи ложных сведений советской разведке. В подобных случаях наши чекистские органы знали, что их разведчик работает под контролем противника, и снабжали немецкую разведку дезинформационными сведениями. Под этой легендой на протяжении длительного времени трое мужественных советских разведчиков самостоятельно действовали в логове врага в Таллине и двое в Тарту.

В конце декабря 1943 года советская разведка из своего источника получила сведения о создании в абвергруппе-326 специального разведывательного подразделения из 30 человек с агентами-опознавателями для захвата забрасываемых в Тартуский уезд советских парашютистов и грузов для них. Советским разведорганам это подразделение было представлено по радиоигре как патриотическая организация, действующая в немецком тылу. Чекисты сделали вид, что поверили и провели небольшую комбинацию. Когда летом 1944 года руководитель абвергруппы Дамерау запросил по радиоигре для своего человека, выдаваемого им за участника патриотической организации, очередной груз с запчастями для радиостанции и продуктами, ему было сообщено, что с этим грузом будет заброшено еще нечто более важное. Груз был принят и доставлен в распоряжение руководства абвергруппы. Распаковать его было поручено командиру

созданного подразделения лейтенанту Вахури. Присутствовавший при этом и ставший позднее начальником абвергруппы-326 лейтенант Вернер Редлих рассказал об этой комбинации следующее: «Через несколько дней нас известили о выброске груза, которая будет произведена на вторую ночь после данного срока. Мешок приняли несколько немецких солдат под руководством опознавателя Тракса и по приказу Дамерау привезли, не раскрывая, к командиру боевого взвода, где лейтенант Вахури должен был вскрыть пакет. В полученной нами радиограмме было сказано, что деньги, радиолампы и все остальное, о чем шла речь ранее, будет находиться в мешке в небольшом чемоданчике. Когда лейтенант Вахури стал раскрывать этот чемодан, раздался сильный взрыв. Вся окрестность была облита каким-то горючим веществом. Осколками этой адской машины Вахури тут же был убит, Тракс и несколько солдат были ранены. Лица и руки солдат, находившихся в этом районе, получили ожоги. Нам просто повезло, что вскрытие пакета происходило на улице».

Тактика затягивания войны в условиях приближавшегося разгрома гитлеровской Германии внесла определенные коррективы в задачи, стоявшие перед немецкой разведкой. Главное внимание в 1944 году стало уделяться выявлению наступательных замыслов советского командования, планов и интересов советской разведки на фронтовых объектах и в оккупированных районах. Противник стал уделять значительно меньше внимания организации подрывной работы в глубинных районах СССР, так как проникнуть туда было уже трудно, а главное — такого рода действия уже не могли существенно повлиять на ход войны. Начиная с 1944 года СД, Абвер и другие органы делают ставку на выигрыш времени, анализируют свои промахи, тщательно изучают методы работы советской разведки, а также объекты, представляющие для нее повышенный интерес. В одном из отчетов в Берлин за февраль 1944 года начальник полиции безопасности и СД в разделе о кадрах советских разведчиков и целях советской разведки в Эстонии писал: «Подготовка включала в себя изучение оружия, топографии, пользования взрывчатыми веществами и политическое воспитание. Подготовка радистов происходила на специальных курсах в Москве и Ленинграде. Большей частью использовались те эстонцы, которые в период советского господства в Эстонии добровольно уехали в Советский Союз или были мобилизованы. Таким образом, в качестве агентов-парашютистов использовались главным образом люди, знакомые со страной и населением. Лица, эвакуировавшиеся в Россию добровольно и являвшиеся либо членами компартии или комсомольцами, либо настроенные прокоммунистически, пытались из внутренних убеждений или фанатизма выполнить поставленные перед ними задачи.

Задержание этих агентов-парашютистов часто приводило к перестрелкам, причем агенты сражались до последнего патрона и часто сами кончали с собой. Некоторые захваченные и завербованные затем парашютисты оказали Абверу ценные услуги в борьбе с советскими агентами. Отдельные агенты-парашютисты в Эстонии большей частью направлялись в те области, откуда они были родом, чтобы они могли использовать свои знания местных условий и установить связь со своими родственниками или знакомыми.

В соответствии с районом их использования советской разведкой перед агентами-парашютистами ставились различные задачи. Перед агентами, которые посылались отделом разведки Балтийского Красного флота в Эстонский прибрежный район, ставится теперь задача собирать сведения о движении судов, их количестве, грузах, по возможности, о местонахождении кораблей, о береговых укреплениях и минных полях. Агенты, направленные в глубинные районы страны отделом разведки штаба русской северной армии или, как в последнее время, Эстонским партизанским штабом в Москве, пытались установить местонахождение воинских частей, их численность, местонахождение штабов, продовольственных и материальных складов, складов боеприпасов, аэродромов, количество и типы самолетов и т. п. Перед частью парашютистов была поставлена задача собрать сведения о промышленных предприятиях, имеющих военное значение, зенитной обороне этих предприятий и охране заводов, о железнодорожном движении, объеме перевозок и др.

Агенты-парашютисты, являвшиеся выходцами из интеллигенции, должны сообщать о настроениях и положении городского и сельского населения, пополнении эстонского легиона и т. д. и вести пропаганду против добровольной явки на работу. Большая часть агентов-парашютистов снабжена средствами для совершения диверсионных актов. Для передачи результатов разведки и получения дальнейших заданий агенты-парашютисты были снабжены радиоаппаратами. До марта 1943 года большей частью использовались только мелкие группы численностью до трех человек. С наступлением теплой погоды стали, однако, появляться группы численностью до пяти человек под руководством убежденного коммуниста. В Эстонском партизанском штабе в Москве эти группы-пятерки считаются передовыми группами, они должны провести подготовительную работу для больших осенних групп. За отчетный период, как установлено, было сброшено 125 агентов-парашютистов. Розыски многих парашютистов до сих пор остались безрезультатными. Нужно полагать, что большинство из них вернулось на территорию Советского Союза. Значительная часть сброшенных агентов, а именно 33 человека, были заброшены в район разработки битуминозных сланцев. Район разработки сланцев считается самым интересным

и наиболее благоприятным для проведения диверсионных актов».

Находившиеся в оккупированной Эстонии разведывательные органы проводили довольно широкий круг мероприятий, с помощью которых они пытались ввести в заблуждение советскую разведку, отвлечь ее силы от наиболее важных объектов, побудить чекистские органы к производству необоснованных арестов. Фальсифицировались документы, изобличающие мнимую связь отдельных советских людей с Абвером, и проводились специальные мероприятия по компрометации советских патриотов. Типичная немецкая фальшивка была организована весной 1944 года в отношении начальника штаба 8-го Эстонского стрелкового корпуса генерал-майора Яна Марковича Лукаса.

6 марта 1944 года органами госбезопасности был арестован немецкий шпион Сергей Честнов, заброшенный в советский тыл с документами сержанта батальона охраны штаба 22-й армии Шадрина Сергея. На допросах Честнов показал, что в обусловленном масте в районе города Торопец он в течение суток ждал человека, который якобы должен был связать его с генералом Лукасом. Ему следовало передать письмо, изготовленное немецкой разведкой. Узнав, что 8-й стрелковый корпус выбыл к месту новой дислокации, Честнов решил возвратиться к немцам. Опасаясь провала в случае задержания, он уничтожил имевшийся у него пакет на имя Лукаса. В связи с разоблачением Честнова эта провокация с генералом Лукасом цели не достигла. Несмотря на это, абверовцы сочли возможным продолжать свою затею. Они забросили в советский тыл еще одного агента — Анатолия Парамонова, которому вменялось в обязанность встретиться с Лукасом и передать ему письмо. Этот агент 11 июня 1944 года был задержан и обезврежен лично генералом Лукасом. О том, как это произошло, Лукас в своем рапорте указал: «11 7 1944 около 11.30 мой ординарец ст. сержант Феофанов мне доложил, что боец соседней части прибыл с секретным пакетом и желает вручить этот пакет мне лично. Я приказал бойца пропустить. Вошел незнакомый мне человек в форме рядового КА и молча передал конверт, адресованный начальнику штаба 8-го ЭСК. На мой вопрос, какой он части, боец назвал какой-то номер полевой почты и добавил, что если письмо прочесть, то все станет ясно. Приказал бойцу подождать у входа моего домика и распечатал конверт. В пакете оказалось два письма, в одном из которых содержались шифры и данные для переговоров. Мне стало ясно, что имею перед собой не бойца соседней части, а шпиона из временно оккупированной ЭССР. Я позвал его к себе и потребовал предъявить документ. Он предъявил красноармейскую книжку и удостоверение со штампом I УА на имя Парамонова и при проверке вскоре сознался, что эти документы поддельные, что он в 171 сп. 182 сд. 14 А никогда не служил.

Я начал краткий допрос с целью выяснить, с каким заданием, когда и где он переброшен. Прежде, чем ответить, шпион спросил, можно ли обо всем говорить, не слышит ли кто-либо из посторонних. На мой утвердительный ответ шпион сказал, что родом он из Тулы, в феврале 1944 года под Лугой попал в плен. Немцы обучали его, потом перевели на фронт и забросили к нам. Приказали добраться до гор. Ораниенбаума, где находится Эстонский корпус. Пакет хранить надежно и доставить начальнику штаба корпуса генералу Лукасу. При этом ему объяснили, что генерал Лукас оставит его служить в своей части или отпустит, иначе генерала Лукаса ожидают большие неприятности. Сразу после этого я отдал шпиона под охрану своих часовых, сам же доложил обо всем лично командиру корпуса генерал-лейтенанту Пэрну. Выслушав мой доклад, ген.-лейт. Пэрн вызвал начальника отдела контрразведки «Смерш» 8-го ЭСК, в распоряжение которого шпион и был передан».

Вместе с другими шпионскими документами у Парамонова было изъято направленное с ним генералу Лукасу письмо бывшего агента разведотдела эстонской буржуазной армии Вахури, перешедшего во время войны на службу в Абвер. Вот содержание этого письма:

«И. Вахури

Родина, 8. 5. 1944.

Дорогой соратник!

Как выяснилось, наш прежний способ связи благодаря «красным друзьям» перестал существовать, поэтому вынужден перейти на новый способ с тем, чтобы держать Вас в курсе моих дальнейших намерений.

Прилагаемый код-морзе должен опять служить нам, чтобы восстановить нарушенную связь между нами. Чтобы идти вполне уверенно и чтобы в эти решающие дни быть в постоянном контакте, эти же основы, но уже другим способом, будут переданы и нашему пионеру, майору Кив., от которого мы недавно получили весьма интересные данные.

Наши дела обстоят хорошо, не поддавайтесь, терпение приведет к цели.

Да здравствует наша свободная Эстония!

И. Вахури.»

Этот случай служит прекрасным примером того, как непродуманно поступала нацистская разведка в своем стремлении как можно больше затруднить действия наших чекистских органов и как мало результатов она могла ожидать от подобных комбинаций.

Для борьбы с фашистскими оккупантами на временно оккупированную территорию Эстонии неоднократно посылались и

офицеры-чекисты. Ярким примером мужества и отваги чекистов является боевая деятельность старшего оперуполномоченного Особого отдела КБФ старшего лейтенанта Николая Петровича Боровкова, до войны проживавшего в Нарве.

25 февраля 1944 года Боровков вместе с группой разведчиков был заброшен на территорию Тартуского уезда. Несмотря на неблагоприятно сложившуюся обстановку, гибель товарищей, Боровков и советский разведчик Василий Никифорович Шевляков выполнили задание командования. Они добыли важные сведения о противнике и в трудных условиях перешли линию фронта. Из участников группы Боровкова до последнего патрона отстреливались окруженные карателями и геройски погибли Николай Федорович Горшанов и Владимир Федорович Климов.

23 сентября 1944 года из неприятельского тыла, после выполнения специального задания вышла заброшенная чекистами в Эстонию группа советских разведчиков, подорвавшая на минах три немецких воинских эшелона с грузами. В составе этой группы действовал советский разведчик бывший боец первого Эстонского запасного полка Виктор Михайлович Когер. 17 сентября 1944 года Когер вместе со своими товарищами по оружию был окружен карателями на хуторе Рехе-Нигуару, волости Кяру Ярваского уезда. Возникла перестрелка, и затем Когеру было предложено сдаться. Не имея другого выхода и не желая сдаваться, Когер подорвался на гранате.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории Советской Эстонии чекисты немедленно приступили к очистке освобожденных уездов от немецкой агентуры, предателей, пособников и других изменников Родины. Эта деятельность была успешной потому, что огромную помощь чекистам оказывали советские люди, проживавшие на временно оккупированной территории. Коммунисты и комсомольцы, действовавшие в подполье, партизаны, все честные советские люди зорко следили за врагом, брали на учет всех, кто помогал угнетать и грабить эстонский народ. Опираясь на информацию советских людей, чекисты быстро находили и обезвреживали оставленных здесь гитлеровских агентов, как бы искусно они ни маскировались.

В октябре 1944 года, например, органами госбезопасности на территории ЭССР была вскрыта шпионско-террористическая организация, оставленная немецкой разведкой в тылу советских войск. По этому делу было арестовано 25 человек, у которых изъято 6 портативных радиостанций, 2 ручных пулемета, 19 автоматов, 14 винтовок, 17 пистолетов, 170 гранат, боеприпасы, обмундирование солдат и офицеров советской армии, советские ордена и фиктивные документы. Ядром организации были шесть немецких разведчиков, специально оставленных в тылу с радиостанциями и другими средствами для ведения шпионской и террористической деятельности.

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для всего советского народа. Она была самой тяжелой из всех войн, какие когда-либо знала история. Победа советского народа подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное движение социалистического общества к коммунизму.

Вооруженная борьба на фронтах Великой Отечественной войны была главной, но не единственной формой борьбы между Советским Союзом и фашистской Германией. Наряду с открытой вооруженной борьбой велась ожесточенная тайная война, масштабы и напряженность которой также не имеют себе равных в истории. Эта война явилась беспримерным испытанием и для советской разведки и контрразведки. В разгром фашизма советские чекисты вложили много усилий, изобретательности и выиграли при поддержке всего народа ожесточенное сражение на «невидимом» фронте борьбы с разведывательными службами гитлеровской коалиции.

Еще не пришло время назвать все имена бесстрашных советских разведчиков и полностью рассказать об их самоотверженном труде, требующем большого душевного напряжения, смелости и решительности, безграничной любви и преданности Родине, но история воздаст им должное. В этой книге мы остановились только на отдельных фактах поединка советских разведчиков с разведкой фашистской Германии и рассказали о той сложной обстановке, в которой чекистам приходилось вести борьбу с гитлеровской агентурой в Советской Эстонии.

Прежде чем закончить изложение фактического материала, предоставим слово бывшему руководителю Центрального разведывательного управления США Аллену Даллесу. В изданной в 1963 году в Нью-Йорке книге «Искусство разведки» Даллес клевещет на советский строй, но вместе с тем он вынужден признать высокие моральные качества советских чекистов, их беспредельную преданность советскому народу и Коммунистической партии. Говоря о работе советских чекистов во время войны, Даллес констатирует: «Об успехах советской разведки в прошлом и о ее умении проникать далеко в глубь главных объектов ее деятельности лучше всего свидетельствуют известные теперь операции советской разведки во время второй мировой войны. Надо думать, что о многих подобных операциях мы просто не знаем. Но и известного нам вполне достаточно, чтобы доказать умение советской разведки завязывать и поддерживать — даже при неблагоприятных условиях — тайные контакты с высокопоставленными лицами и использовать эти контакты для успешного выполнения важных задач разведывательной службы».[50]

В настоящее время в лагере империализма есть еще немало охотников проверить прочность советского строя силой оружия. При этом в военных планах реванша не последнее место отво-

дится разведывательным органам. На это мы можем с уверенностью сказать: «Напрасно стараетесь, господа! Вас ждет такой же бесславный конец, как и гитлеровскую разведку». Порукой тому высокая политическая бдительность советского народа, считающего обеспечение государственной безопасности своим кровным делом.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

[1] См. *К. Маркс.* Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Заключительное заявление по поводу недавнего процесса в Кёльне — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8.

[2] *Р. Роуан.* Очерки секретной службы. Из истории разведки. М., 1946, стр. 176.

[3] *Ф. Тохай.* Секретный корпус. М., Воениздат, 1944, стр. 9.

[4] Численность сухопутной армии была ограничена 100 000, в 1933 г. — увеличена до 300 000. 16 марта 1935 г. фашистская Германия односторонним актом ликвидировала все ограничения.

[5] Первое упоминание о Гитлере в политических архивах рейхсвера относится к маю 1919 г., когда он был занесен в списки негласных осведомителей мюнхенского штаба.

[6] *H. Bennecke.* Hitler und die SA. München—Wien. 1962, S. 23—24.

[7] *Д. Мельников, Л. Черная.* Двуликий адмирал. М., 1965, стр. 46.

[8] *Б. Мюллер-Гиллебранд.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. 1. М., изд-во «Иностранная литература», 1956, стр. 229.

[9] *Л. Фараго.* Война умов. Анализ шпионажа и разведки. М., 1956, стр. 102.

[10] *P. Leverkuen.* Der geheime Nachrichtendienst der Deutschen Wehrmacht im Kriege. Frankfurt am Main, 1960, S. 24.

[11] O. D. Tolischus. How Hitler made Ready. I. The Fifth Column. — «New-York Times Magazine», June 16, 1940.

[12] Американский публицист Хельман еще в 1943 г. составил обширную библиографию на тему «Нацистская пятая колонна», включившую 290 работ: F. Hellman. Nazi Fifth Column Activities. A List of Referenses. Washington, 1943.

[13] H. Pol. AO-Auslandorganisation. Tatsachen aus Aktenberichten der 5. Kolonne. Graz, 1945, S. 87.

[14] *F. Artucio.* The German Octopus in South America, p. 24.

[15] *K. Singer.* Duel for the Northland. The War of Enemy Agents in Scandinavia. London, 1945, p. 37.

[16] *H. W. Blood-Ryan.* The Great German Conspiracy. London, undated p. 167.

[17] *H. Pol.* AO-Auslandorganisation, S. 44.

[18] После войны Шелленберг получил политическое убежище в Италии и умер в марте 1952 г. в Турине.

[19] 6 миллионов обвиняют. Иерусалим, 1961, стр. 22.

[20] *Л. де Йонг.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958, стр. 422.

[21] История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 6. М., 1965, стр. 134.

[22] «Новая и новейшая история», 1968, № 5.

[23] «Правда», 7 мая 1965 г.

ГЛАВА II

[1] Подрывная деятельность за границей осуществлялась разведывательной службой нацистской партии — СД, которая указом Гесса от 9 июня 1934 г. была превращена во всепроникающую систему тотального шпионажа, органом военной разведки — Абвером, Министерством иностранных дел, Министерством пропаганды и другими службами фашистской Германии.

[2] «The News Review», June 15, 1939.

[3] Documents on British Foreign Policy, vol. VI—1939. London, 1953.

[4] Александр Целлариус, 1898 г. р., фрегат-капитан, во время войны возглавлял разведорган «Абвернебенштелле Ревал». В послевоенные годы являлся сотрудником западногерманской разведки и использовался как специалист по Эстонии.

[5] Documents on British Foreign Policy, vol. VI—1939. London, 1953.

[6] В изданных в Швеции воспоминаниях Маазинг утверждает, что он по указанию Лайдонера находится на этот раз в Германии с 24 по 26 сентября 1939 г. — «Eesti üliõpilaste seltsi album XII». Stockholm, 1955, lk. 82.

[7] Там же, стр. 79.

[8] Договор о дружбе и взаимопомощи между Эстонией, Латвией и Литвой был подписан в Женеве 12 сентября 1934 г. Первая из периодически проводившихся конференций министров иностранных дел этих стран состоялась в Таллине под председательством министра иностранных дел Эстонии с 30 ноября по 2 декабря 1934 г.

[9] *J. Puhk.* Organisierung der Selbstversorgung der Baltischen Staaten. Tallinn, 1940.

[10] «Linna Teataja», 1941, 21. okt.

[11] ЦГАОР ЭССР, ф. 949.

[12] Во время гитлеровской оккупации Мейснер был зондерфюрером эстонских фашистских соединений. Значится в списке нацистских преступников («Коричневая книга», Берлин, 1965).

[13] В 1943—1945 гг. Георг фон Раух был доцентом имперского университета в Познани.

[14] См. Пятая колонна. — «Советская Эстония», 1969, 26 мая.

ГЛАВА III

[1] *W. Görlitz.* Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Band I. Stuttgard, 1951, S. 260—261.

[2] «Правда», 1947, 20 дек.

[3] «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 28.

[4] *Л. Фарago.* Война умов, стр. 146.

[5] Там же.

[6] *W. Schellenberg.* Memoiren. Köln, 1959, S. 138, 196.

[7] Vortragsnotiz des Admirals Canaris, Juli 4, 1941.

[8] ЦГАОР ЭССР, ф. 358, оп. 1, д. 2, л. 13—16.

[9] Кург был последним военным атташе при посольстве буржуазной Эстонии в Париже. После капитуляции Франции Кург через Германию выехал в Финляндию.

[10] ЦГАОР ЭССР, ф. 358, оп. 1, д. 2, л. 1—37.

[11] Eesti Riik ja rahvas Teises maailmasõjas. IV. Stockholm, 1957, lk. 33.

[12] Там же, стр. 34.

[13] В 1940 г. в системе Абвера было создано специальное диверсионное соединение «Бранденбург-800». В его задачу с началом войны входил захват оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий — и удержание их до прихода авангардных частей германской армии. При действии в советском тылу личный состав «Бранденбург-800» использовал форму советских войск и гражданскую одежду (ЦГАОР СССР, ф. 3853/7445, оп. 1, д. 1664, л. 15—17).

[14] Нюрнбергский процесс, т. 3. М., 1958, стр. 105.
[15] Там же.
[16] *Ш. Датнер.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. М., 1963, стр. 143.
[17] Там же, стр. 141.
[18] Der Deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg. Berlin, 1960, S. 424—425.
[19] Нюрнбергский процесс, т. 3. М., 1966, стр. 332.
[20] Нюрнбергский процесс, т. 6. М., 1960, стр. 610.
[21] Более полные данные о деятельности «Цеппелина» и других органов немецкой разведки см.: «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 20—39.
[22] ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 2, д. 189.
[23] *J. Iwo.* Göbbels eröbert die Welt. Paris, 1936, S. 76.
[24] *Н. Корнев.* Третья империя в лицах. М., 1937, стр. 370.
[25] *J. Iwo.* Göbbels eröbert die Welt, S. 5, 6.
[26] *А. А. Галкин.* Германский фашизм. М., 1967, стр. 389.
[27] Там же, стр. 385.
[28] См. *В. Путлиц.* По пути в Германию. М., 1957, стр. 129.
[29] См. *W. Oven.* Mit Goebbels bis zum Ende. Buenos-Aires, 1949.

«Пропаганда фашизма, — справедливо отмечал Палм Датт, — это демагогия, доведенная до крайней степени развития. Можно сказать, что если марксизм представляет собой развитие социализма от утопии к науке, то фашизм представляет собой развитие капиталистической демагогии от любительской к научной». (*Р. Палм Датт.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935, стр. 163).

[30] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-103, ед. хр. 475; ф. Р-161, ед. хр. 145; ф. Р-81, ед. хр. 200.
[31] ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 97, ед. хр. 881.
[32] Там же.
[33] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-64, ед. хр. 2788.
[34] ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 97, ед. хр. 881.
[35] Там же.
[36] ЦГАОР ЭССР, ф. 81, ед. хр. 200.
[37] Там же.
[38] ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 97, ед. хр. 881.
[39] Там же.
[40] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-81, ед. хр. 200.
[41] ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 97, ед. хр. 881.
[42] Характерны в этом отношении также циркуляры Директории просвещения о методике преподавания истории (229-й от 2 октября 1941 г. и 653-К от 13 февраля 1942 г.).
[43] Зверства германских фашистов. М., 1941, стр. 4.
[44] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-64, оп. 1, д. 8, л. 12—13.
[45] ЦГАОР ЭССР, ф. Р-103, ед. хр. 475.
[46] Там же.
[47] ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 97, ед. хр. 881.
[48] Там же.
[49] ЦГАОР, ф. Р-64, оп. 1, ед. хр. 13, л. 91.
[50] *A. Dulles.* The Craft of Intelligense. New-York, 1963, p. 109—110.

Так они начинали.

Прибытие Гальдера в Таллин.

EESTI SAATKOND
ESTONIAN LEGATION

Nr. 86

Salajane.

30 märtsil 1940.

Välisministeeriumi
Poliitilise Osakonna Direktorile.

Tallinn.

B.B.C. teatas eile, et Taani ranna läheduses Briti allveelaeva "Ursula" poolt hiljuti torpedeeritud Saksa aurik "Heddernheim" sõitis Eesti lipu all. Admiraliteedist kinnitati mulle seda teadet. "Heddernheim" on sõitnud Eesti lipuga kuni momendini, mil "Ursula" andis hoiatuspaugu. Kas selle järele "Heddernheim" Eesti lipu asemele õige lipuga, polnud hästi näha, kuna oli juba pime.

Teatavasti ei ole võõra lipu tarvitamine sõjalaevadel vastolus rahvusvahelise mere sõja õigusega. Kui "ruse de guerre" on see lubatud, tingimusel, et enne tulistamise alustamist heisatakse õige lipp.

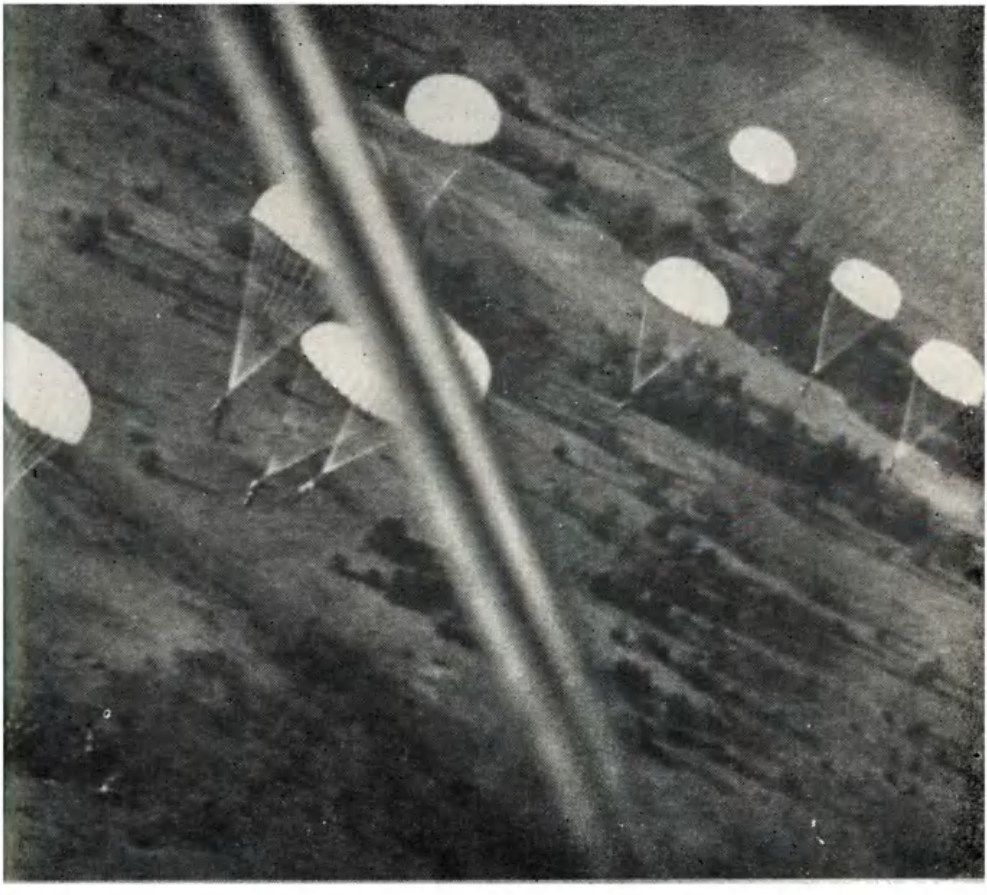
Kaubalaevade suhtes pole seisukohad nii selged. Kuid Saksa kaubalaevad on viimasel ajal sagedasti sõitnud vale lipu all.

Saadik.

Гитлеровцы использовали на своих судах государственный флаг буржуазной Эстонии.

Фашистский десант.

В центре Европы.



Прыжок на чужую землю.

Диверсанты в действии.

Обсуждение очередного агрессивного замысла.

Вручение наград парашютистам.

Гитлер среди головорезов-парашютистов.

Генеральный комиссар оккупированной Эстонии Лицман в лагере военнопленных в Вильянди.

Прогулка около тайной штаб-квартиры.

J. V a h u r i . Kodumaa, 8. 5. 1944

Armas kaasvõitleja !

Nagu selgunud on meie vana sidetee "punaste sõprade" poolt katkestatud, ja selle pärast lähen selle uue sidetee peale üle, et mina Teile võiks minu edaspidised kavatsused teatavaks teha.

Juurde lisatud morsekood peab jälle meile kaasa aitama, meie katkestatud side jalule seadma. Et päris kindlat teed minna, et meie, nende otsustavatel päevadel vahetpidamata kontaktis oleksime, saavad need samad alused ühel teisel teel meie pioneer-ülrateadlasele Major Kiv. kätte taimetatud, kelle käest meie hiljuti väga huvitavaid andmeid saime.

Meie asi seisab hästi, ja ärge andke ennast alla siirduda, sest kannatus viib sihile.

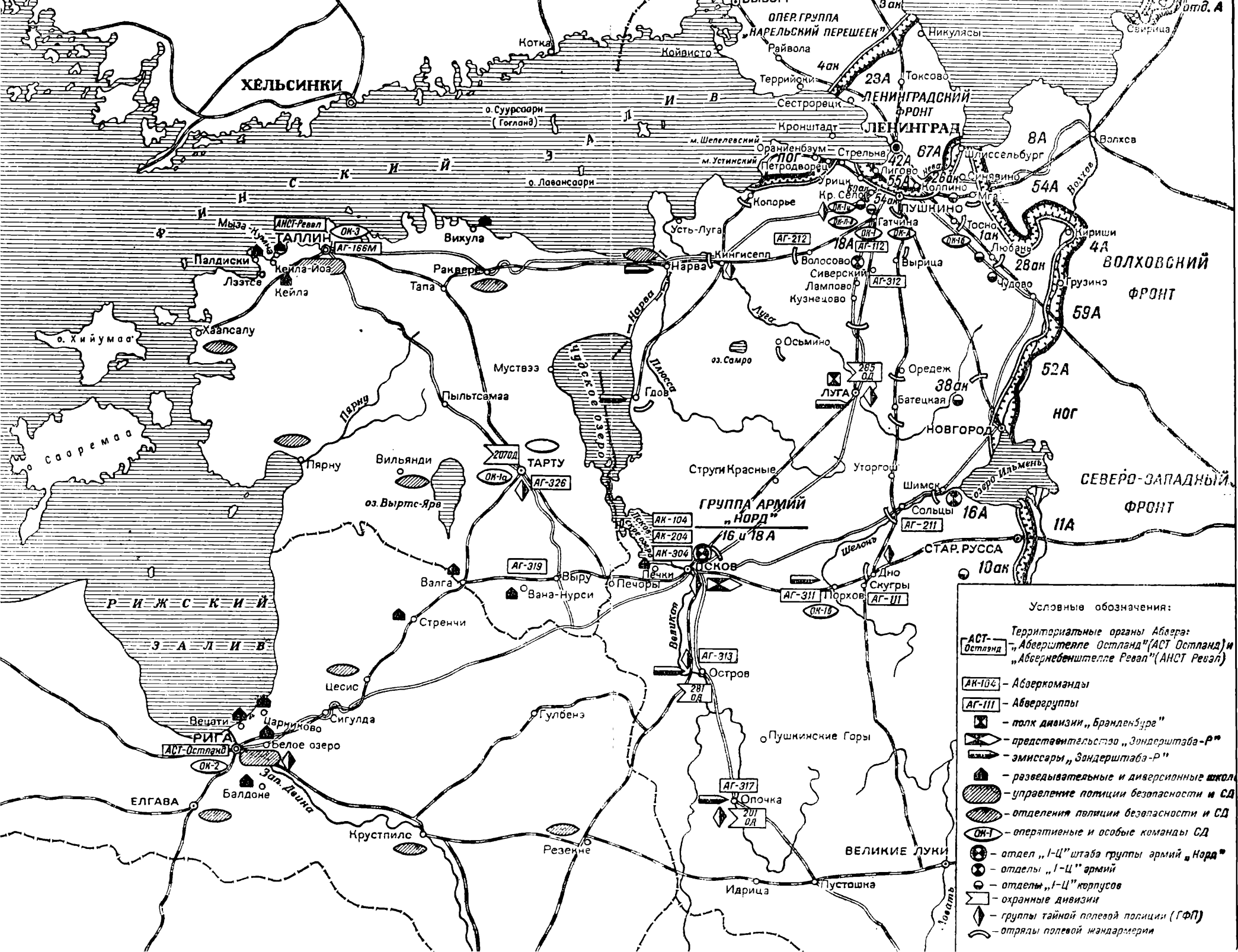
Elagu meie vaba Eesti !

J. Vahuri.

Письмо, изъятое у агента Абвера Парамонова.

Гитлеровские главари в Нюрнберге в 1938 году.

Главные немецкие военные преступники в Нюрнберге в 1945 году.


ХЕЛЬСИНКИ
Котка
Койвисто
ОПЕР. ГРУППА „КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК"
Райвола
Никулясы
Свирица
Отд. А
Террийоки
Токсово
23А
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
ЛЕНИНГРАД
Сестрорецк
Кронштадт
о. Суурсаари (Гогланд)
м. Шепелевский
м. Устинский
Ораниенбаум
Стрельна
ОПОГ
Петродворец
Урицк
Лигово
Колпино
Мга
Шлиссельбург
Волхов
8А
67А
42А
55А
54А
ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ
59А
52А
НОГ
Копорье
Кр. Село
ПУШКИНО
Гатчина
Тосно
Любань
Кириши
Грузино
Чудово
Вырица
Волосово
Сиверский
Лампово
Кузнецово
Кингисепп
Нарва
Усть-Луга
Вихула
Таллин
Мыза-Хумала
АНСТ-Ревал
ОК-3
АГ-166М
Палдиски
Лээтсе
Кейла-Йоа
Кейла
Раквере
Тапа
Хаапсалу
о. Хийумаа
о. Сааремаа
Пярну
Вильянди
оз. Выртс-Ярв
Муствээ
Пылтсамаа
Чудское озеро
Нарва
Плюсса
Луга
оз. Самро
Осьмино
Гдов
285 ОД
ЛУГА
Оредеж
38ак
Батецкая
НОВГОРОД
Струги Красные
Уторгош
Шимск
Сольцы
16А
11А
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
Ильмень
АГ-211
2070Д
ТАРТУ
ОК-1а
АГ-326
АК-104
АК-204
АК-304
ГРУППА АРМИЙ „НОРД"
16 и 18А
СКОВ
Псков
Печки
Печоры
Выру
Валга
Вана-Нурси
АГ-319
Стренчи
Р И Ж С К И Й
З А Л И В
Дно
Скугры
Порхов
АГ-311
АГ-111
ОК-1в
Шелонь
СТАР. РУССА
10ак
Великая
АГ-313
Остров
281 ОД
Цесис
Вецати
Царниково
Сигулда
РИГА
АСТ-Остланд
Белое озеро
ОК-2
Зап. Двина
Балдоне
ЕЛГАВА
Гулбене
Пушкинские Горы
АГ-317
Опочка
201 ОД
Крустпилс
Резекне
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ
Идрица
Пустошка
Ловать
Условные обозначения:
АСТ-Остланд – Территориальные органы Абвера: „Абверштелле Остланд"(АСТ Остланд) и „Абвернебенштелле Ревал"(АНСТ Ревал)
АК-104 – Абверкоманды
АГ-111 – Абвергруппы
– полк дивизии „Бранденбург"
– представительство „Зондерштаба-Р"
– эмиссары „Зондерштаба-Р"
– разведывательные и диверсионные школ
– управление полиции безопасности и СД
– отделения полиции безопасности и СД
ОК-1 – оперативные и особые команды СД
– отдел „I-Ц" штаба группы армий „Норд"
– отделы „I-Ц" армий
– отделы „I-Ц" корпусов
– охранные дивизии
– группы тайной полевой полиции (ГФП)
– отряды полевой жандармерии

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА ГЕРМАНИИ В СОЮЗЕ С МИЛИТАРИЗМОМ И ФАШИЗМОМ

От Штибера до Канариса 5
Расцвет Абвера 12
Большой заговор в действии 19

Глава II. ПРОИСКИ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЭСТОНИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Плоды нечестивого союза 28
Гитлеровская разведка в роли хозяина и наставника 32
Провалившиеся расчеты 46
Компаньоны и союзники 52
От принца до нищего 57

Глава III. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБВЕРА И СД С ПОЗИЦИИ ОККУПИРОВАННОЙ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

Абвер на советско-германском фронте 61
Нацистский шпионаж и диверсии в Эстонии в связи с началом войны . 69
Тайная деятельность Абвера в оккупированной Эстонии 74
В одной упряжке с Абвером 85
Разведка в роли руководителя нацистской пропаганды 91
Борьба советских патриотов на оккупированной фашистами эстонской земле 105
Примечания 123

Барков Леонид Иванович. В ДЕБРЯХ АБВЕРА. Оформление *У. Плоомипуу.* Издательство «Ээсти раамат», Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Редактор *Т. Верхоустинская.* Художественный редактор *Э. Ярв.* Технический редактор *В. Канн.* Корректоры *К. Микк* и *Е. Картушинская.*

Сдано в набор 1 III 1971. Подписано к печати 1 VII 1971. Формат 60×90/16. Печатная бумага № 1. Печатных листов 8+8 вклеек. Учетно-издательских листов 8,78. Тираж 30 000. МВ-00948. Заказ № 681. Типография «Юхисэлу», Таллин, ул. Пикк, 40/42. Цена 40 коп.